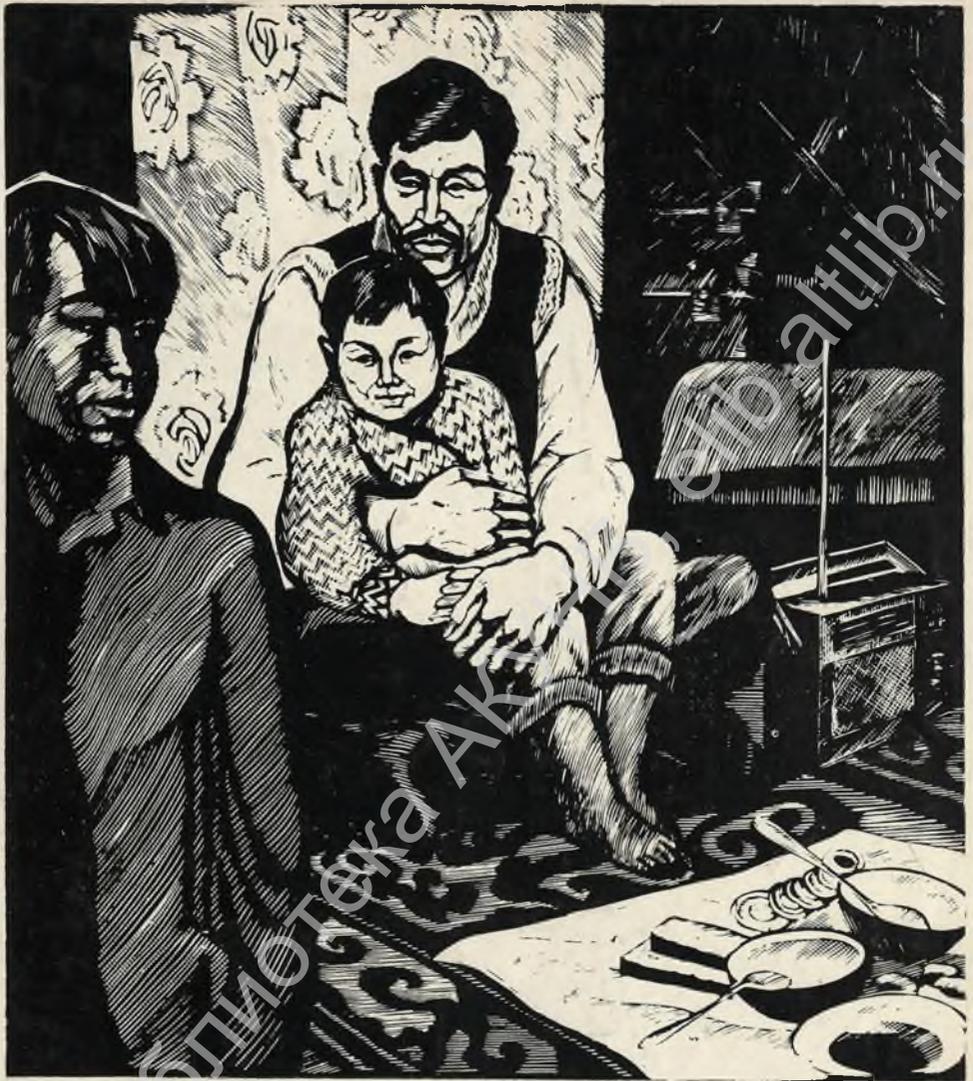


Б 1050525

A521

21/VI 76

кр.



# АЛТАЙ

1976

2

Электронная библиотека АКТ

Электронная библиотека АКТ

Электронная библиотека АМУНБ, elib.altlib.ru



8 1050525

А521  
кр.

# АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ  
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ  
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Год издания XXVIII

№ 2 (77) 1976

## В НОМЕРЕ:

Н. С. ЛАЗЕБНЫЙ. В братской семье народов . . . . . 3

### ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА

Аржан АДАРОВ. Партийный билет. Стихи . . . . .	7
Евгений ГУЩИН. Берег мужчин. Роман . . . . .	8
Борис УКАЧИН. Из книги «Эхо вечного Алтая». Радости алтайца. Стихи . . . . .	68
Бронтой БЕДЮРОВ. Песнь, посвященная матери. Стихи . . . . .	70
Александра САРУЕВА. День Алтая моего. «Не хочется деревьям увядать...» Стихи . . . . .	71
Зоя ПИРОГОВА. В объезде. Рассказ . . . . .	72
Эркемен ПАЛКИН. Алтай. Стихи . . . . .	76
Александр ЕРЕДЕЕВ. На стоянке чабана после снегопада. «Тихо-тихо, чисто- чисто...» Стихи . . . . .	77
Юрий МАЙОРОВ. Здесь, в центре Европы... . . . . .	78
С. Я. ПАХАЕВ. Первая стачка на Алтае . . . . .	85

Электронная библиотека АКУНБ, [akunb.altlib.ru](http://akunb.altlib.ru)

с

Главный редактор И. КУДИНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. БОРОДКИН,  
Н. ДВОРЦОВ,  
И. КАЗАНЦЕВ,  
Л. КВИН (зам. гл. редактора),  
Г. ЛИСЕНКОВ,  
Ю. МАЙОРОВ,  
Л. МЕРЗЛИКИН,  
В. СИДОРОВ,  
М. ЮДАЛЕВИЧ (зам. гл. редактора).

На 1-й странице обложки линогравюра В. Туманова «В юрте чабана».



АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1976. № 2

Художественный редактор В. Раменский. Технический редактор М. Сафонова. Корректоры Г. Ульченко, Г. Сдвижкова

Рукописи не возвращаются.

АГ 00119. Сдано в набор 28. IV. 1976 г. Подписано к печати 19. V. 1976 г. Формат 84×108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 9,24+0,42 усл. п. л. вкл.—9,66. Уч.-изд. л. 9,81+0,27 уч.-изд. л. вкл.—10,08. Тираж 8000 экз. Заказ № 1280. Цена 40 коп. Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — Барнаул, Л. Толстого, 29.

Адрес редакции: Барнаул, 56, Ленина, 8. Телефон 95-4-21.

кР

**Н. С. ЛАЗЕБНЫЙ,**

первый секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС

## **В БРАТСКОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ**

Диковинно, сказочно красив наш Горный Алтай.

Знаменитый живописец и неутомимый путешественник Николай Рерих, несмотря на свою бывалость, не находил с чем сравнить этот «поднятый к звездам» орлиный край. В неизменной любви к Алтаю, восхищении его красотой и мощью признавался большой русский писатель Вячеслав Шишков, в свое время проектировавший наш неповторимый Чуйский тракт. Трудно назвать в Сибири крупного поэта, которого так или иначе не влекли бы к себе краски богатейшей палитры алтайских гор и долин, своеобразные алтайские реки, врезанные в скалы чаши полноводных алтайских озер и в особенности дивный Алтын-Кель — Золотое озеро.

Но в дореволюционном прошлом люди искусства, путешественники, ученые — исследователи Сибири, этнографы, экономисты, краеведы, геологи, изыскатели, восторгаясь природой Горного Алтая, с глубокой тревогой говорили о положении коренного населения гор — алтайских табунщиков, чабанов, охотников. Достаточно вспомнить «Чуйские были» и «Страшный кам» Вячеслава Шишкова, «Сибирь, как колония» Николая Ядринцева, рассказы Николая Наумова и многие другие произведения.

Великий Октябрь принес в Горный Алтай иную жизнь. Дурной сказкой кажется теперь многое из прошлого трудолюбивого и талантливого алтайского народа. И постоянные кочевья, и дымные айлы, и поклонение камам и шаманам, и вера в то, что вода уносит счастье, и боязнь горных духов и злого бога Эрлика.

Новой светлой жизнью живет Горный Алтай, край передового сельского хозяйства, край современных промышленных предприятий, край многочисленных учебных за-

ведений, широко известных ученых, даровитых писателей и художников.

И сейчас, в это знаменательное время Горный Алтай вместе со всей страной переживает могучий прилив творческой активности, энергии и оптимизма.

Именно так восприняты коммунистами и всеми трудящимися Горно-Алтайской автономной области решения XXV съезда КПСС, Отчетный доклад Центрального Комитета, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, а также «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Сейчас у нас повсеместно обсуждаются эти исторические документы. Рабочие и колхозники, инженеры и ученые, партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские работники, студенты и учащиеся, люди всех возрастов и профессий с деловой заинтересованностью рассматривают пути и способы наиболее эффективного достижения намеченных целей.

Обсуждение решений съезда еще раз демонстрирует нерушимое единство партии и народа, монолитную сплоченность коммунистов и всех трудящихся области вокруг ленинского Центрального Комитета, его Политбюро во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Трудящиеся единодушно отмечают, что в этих документах отражены магистральные направления дальнейшего социально-экономического развития всей страны, каждой республики и области. Материалы съезда открывают новые горизонты коммунистического строительства, в них нашли отражение очевидные преимущества и неисчерпаемые возможности социалистического строя, советского образа жизни.

Эти гигантские перспективы стали возможны в результате огромной созидательной работы советского народа, долговременной социально-экономической политики нашей партии.

Необходимые условия для решения новых, более крупных задач созданы в годы девятой пятилетки, когда наша Родина продвинулась вперед на всех направлениях коммунистического созидания.

В единой братской семье народов свой вклад в укрепление экономического могущества Родины вносят трудящиеся нашей автономной области. Итоги девятой пятилетки, прошедшей под знаком осуществления решений XXIV съезда КПСС, свидетельствуют о большой плодотворной работе.

Понятно, что цифры далеко не единственно показатель нашего поступательного движения к коммунизму. Тем не менее, многие из них достаточно красноречивы.

Пятилетний план по реализации промышленной продукции предприятиями области выполнен на 101,3 процента. Сверх плана произведено продукции на 5,2 миллиона рублей. Все это достигнуто в основном за счет роста производительности труда, который за это время достиг 14 процентов.

Двадцать два производственных коллектива в нашей области досрочно выполнили планы девятой пятилетки по всем технико-экономическим показателям. Среди них Акташское рудоуправление, завод «Электробытприбор», ткацкая фабрика, Каракокшинский леспромхоз и другие.

На промышленных предприятиях за пятилетку внедрено более девятистот единиц нового оборудования, введены новые прогрессивные технологические процессы, новые поточные и поточно-механизированные линии. От внедрения рационализаторских предложений, проведения в жизнь инициативы новаторов производства достигнут экономический эффект в денежном исчислении равный двум с половиной миллионам рублей.

Капитальное вложение на развитие народного хозяйства в пятилетке составило 160 млн. рублей. На 116 млн. рублей выполнено строительно-монтажных работ.

Продолжала развиваться база строительной индустрии. Были введены в действие бетонорастворный завод и цех сборного железобетона.

Все эти достижения — результат славных дел рабочих, инженеров, техников, братской помощи русского и других советских народов.

В области хорошо знают имена бригадира каменщиков Нины Алексеевны Зяблицкой, выполнившей личную пятилетку в августе 1973 года; шофера Николая Григорьевича Попова, члена обкома КПСС; красильщицы ткацкой фабрики Анны Ивановны Головиной, настильщицы швейной фабрики Риммы Степановны Таскиной, вздымщика Горно-Алтайского лесокомбината Михаила Даниловича Туймешева и многих других, работающих сейчас в счет 1977 года.

Трудовую доблесть проявили люди горного села. Выполнен пятилетний план по продаже всех видов животноводческой продукции. Родина получила сверх плана десятки тысяч центнеров мяса, молока и шерсти.

Отрадно отметить, что, несмотря на неблагоприятные климатические условия, все хозяйства области за этот период увеличили объем производства. Среднегодовой объем заготовок животноводческой продукции за пятилетие возрос по мясу на 32, шерсти — на 15, пуху — на 86, пантов маралов и оленей — на 40 процентов.

Можно назвать и в целом Кош-Агачский район и ряд хозяйств досрочно, к 58-й годовщине Великого Октября, выполнивших свои социалистические обязательства. Это совхозы «Эдиганский», «Ыныргинский», «Карымский»; колхозы «Кызыл-Мааны», имени 50-летия СССР, имени XXI партсъезда, имени Ленина, «Кызыл-Чолмон» и др.

Мы по праву гордимся прославленными мастерами животноводства. Среди них Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС Дельмек Тоедов — чабан колхоза им. XXI партсъезда Усть-Канского района, выполнивший личную пятилетку за три года и девять месяцев, Анна Михайловна Капаница — доярка совхоза «Кайтанакский» Усть-Коксинского района, Капитан Одунчинович Мамыев — тракторист колхоза имени XXIV партсъезда Онгудайского района, выполнившие пятилетнее задание за два года и девять месяцев; Герой Социалистического Труда, бригадир мараловодов Абайского совхоза Усть-Коксинского района Петр Фатеевич Попов, Чичкап Урелов — козовод колхоза имени 50-летия СССР Кош-Агачского района, выполнившие пятилетку за четыре года.

А всего более трех с половиной тысяч колхозников и рабочих совхозов выполнили свои пятилетние планы. Многие из них обогнали время.

Замечательная работа труженников сельского хозяйства области получила достой-

ную оценку партии и правительства. За высокие достижения в труде многие из них удостоены правительственных наград: Кош-Агачский район, колхоз «Путь Ленина» Усть-Канского района награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, а Усть-Канский район, совхозы «Эдиганский» и «Советский Алтай», колхоз «Кызыл-Мааны» — переходящими Красными знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

И еще несколько весьма показательных цифр. Благодаря постоянной заботе партии и правительства в годы пятилетки колхозы и совхозы области на 44 процента увеличили основные производственные фонды. Проведено коренное улучшение лугов, введено в эксплуатацию 6700 гектаров орошаемой земли, обводнено 192 тыс. гектаров пастбищ. Построено немало животноводческих помещений для крупного рогатого скота и овец.

В соответствии с решениями XXIV съезда КПСС неуклонно возрастал материальный и культурный уровень трудящихся области. Буквально каждой семье коснулись крупные мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства. Глубоко гуманные, проникнутые ленинской заботой о людях, эти меры направлены на решение таких важных социальных задач, как повышение реальных доходов населения, жилищная проблема, расширение сети детских дошкольных учреждений, совершенствование системы социального обеспечения, медицинского и бытового обслуживания. Достаточно сказать, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих к концу 1975 года возросла на 47 процентов, а реальные доходы на одного жителя составили 964 рубля в год.

За годы пятилетки из средств государственного социального страхования на санаторно-курортное лечение израсходовано 1 млн. 413 тыс. рублей. В домах отдыха, санаториях и профилакториях отдыхали десятки тысяч трудящихся.

Значительные средства были ассигнованы на социально-культурные мероприятия, здравоохранение и просвещение. За пятилетие только на здравоохранение и просвещение было направлено более шестидесяти процентов областного бюджета.

Эти пять лет неузнаваемо изменили облик областного центра, рабочих поселков, многих сел. Они украсились новыми домами, клубами, библиотеками, домами быта. Трудящиеся области справили

немало новоселий, открылись двери новых школьных зданий, новых зданий профтехучилищ, клубов и Домов культуры.

Подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся характеризуется все увеличивающимся спросом на продовольственные и промышленные товары. И здесь снова не обойтись без цифр. В девятой пятилетке продажа товаров на душу населения составила около 800 рублей против 550 рублей в 1970 году. За пять лет труженики области приобрели 16 тыс. холодильников, 30 тыс. телевизоров, радиол и радиоприемников, 1700 легковых автомобилей, 5 тыс. мотоциклов и другие товары.

Как и в других областях, у нас, в Горном Алтае, последовательно осуществляется переход ко всеобщему среднему образованию. В невозвратное прошлое ушел когда-то неграмотный, даже не имеющий своей письменности, Горный Алтай. Среди сельских тружеников возрастает удельный вес людей со средним и высшим образованием, повышается профессиональная подготовка и мастерство рабочих и колхозников, их культура, производственная и общественная активность.

Увеличивается численность интеллигенции, особенно творческой, которая вносит свой вклад в духовную сокровищницу народа, в развитие науки и культуры, способствует росту производительных сил. Заметных успехов в развитии садоводства достиг коллектив Горно-Алтайской экспериментальной базы садоводства, возглавляемый кандидатом биологических наук Ю. Д. Бурим. Мировую известность получили научные труды доктора филологических наук С. С. Суразакова по исследованию алтайского эпоса. Широкое признание заслужили работы докторанта Г. В. Кондакова о взаимовлиянии алтайской и русской литератур. В области изобразительного искусства успешно работает член Союза художников Игнатий Иванович Ортогулов.

Широко известны советскому читателю повести и рассказы алтайского писателя Диваша Жаинчина, лауреата премии алтайского комсомола, дважды удостоенного премии журнала «Дружба народов». Высокого художественного мастерства достигла певица народного ансамбля Карагыз Ялбакова.

Более четырехсот учителей области награждены орденами и медалями, четырнадцать присвоено почетное звание заслуженный учитель школы РСФСР.

Повышению трудовой и политической активности, патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся во мно-

гом способствуют наша устная и печатная пропаганда, массовая политическая агитация, литература и искусство.

В области на двух языках (русском и алтайском) издаются большеформатные газеты, учебники, художественная литература, ведутся радиопередачи. Широкое распространение получило телевидение.

Большое воспитательное значение имеют народные театры, самодеятельные коллективы многих районных и колхозных Домов культуры. Традиционными стали декады, фестивали искусства и культуры. Они благотворно влияют на взаимное обогащение национальных культур, помогают укреплять дружбу между представителями разных национальностей.

У нас сложилась определенная система политического и экономического образования трудящихся. Более шести тысяч пропагандистов, лекторов, политинформаторов, агитаторов, партийных активистов ведут пропаганду решений XXV съезда партии, доклада Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева по коренным вопросам политики партии.

Волей ленинской партии, вдохновенным трудом представителей более 60 национальностей в Горном Алтае создана прочная основа, гарантирующая динамичное развитие экономического и духовного потенциала области. Успехи в развитии экономики и культуры достигаются не только трудом тех, кто живет и работает на территории области, но и усилиями рабочих, крестьян, интеллигенции Алтайского края, всей страны. Добиваясь новых высот, горноалтайцы не мыслят себя вне большой и нерасторжимой советской семьи, где подлинное братство и великая дружба народов стали той всеобъемлющей силой, которая является надежным залогом дальнейших достижений в коммунистическом строительстве.

Сама обстановка совместного творческого труда наших многонациональных коллективов, атмосфера нашего советского образа жизни, социальных и духовных связей утверждают интернационализм как норму повседневной жизни.

Сейчас в первый год новой десятой пятилетки могучий размах приобрело социалистическое соревнование — движение за коммунистическое отношение к труду. Равняясь на передовиков, творчески изучая и перенимая их опыт, трудящиеся и в новой пятилетке будут высоко держать знамя тру-

дового соперничества, совершенствовать его формы и методы.

Сделано немало. Но это не означает, что все у нас идет гладко и как нельзя лучше. Немало и недостатков в работе. По достоинству оценивая достигнутое, следует сказать, что наши успехи могли бы быть более значительными, но этому помешал ряд причин, устранение которых во многом зависит и от нас самих. В ряде предприятий, совхозов, колхозов до сих пор не соблюдается плановая дисциплина. Не целиком использованы капитальные вложения, медленно осваиваются новые мощности.

Новая пятилетка во всех сферах производственной и общественной жизни открывает перед трудящимися области новые перспективы.

Весь прирост промышленной продукции будет получен за счет роста производительности труда, увеличение которой за пятилетие составит 30 процентов.

Важное место в решении поставленных задач отводится техническому прогрессу. Для нас это не только техническое перевооружение и реконструкция промышленных предприятий. Главным для нас станет сплошная электрификация области в 10-й пятилетке. Одним из ее важных звеньев будет строительство Эландинской ГЭС на реке Катунь, где в 1975 году начались изыскательские работы.

Большие дела предстоят нам в области сельского хозяйства. Необходимо повысить производительность труда на 27—30 процентов и за счет этого получить новый прирост сельскохозяйственной продукции.

Наша Горно-Алтайская автономная область — область животноводческая. Ее главной проблемой по-прежнему остается создание прочной кормовой базы. Если говорить в крупном плане, то конкретным выражением решения этой проблемы является начало освоения земель Чуйской и Курайской степей.

В дни работы XXV съезда КПСС трудящиеся области обратились с письмом к делегатам съезда, в котором сообщили об успешном выполнении предсъездовских социалистических обязательств. Они заверили родную партию, что сделают все от них зависящее, будут со свойственными советским людям размахом и деловитостью бороться за успешное выполнение экономической и социальной программы, намеченной XXV съездом КПСС.



Адаров Аржан (Владимир) Оячинович родился в 1932 году в одном из далеких сел долины Каярлык в Горном Алтае, в большой чабанской семье. Окончил областную национальную школу, а затем в 1957 году Литературный институт имени А. М. Горького. Работал корреспондентом областной газеты «Алтайдын Чолмоны», секретарем Горно-Алтайского горкома КПСС, сейчас — главный редактор Горно-Алтайского отделения Алтайского книжного издательства.

Автор многих поэтических сборников, изданных на Алтае и в Москве, переведенных на языки народов СССР.

Член Союза писателей СССР.

### Аржан АДАРОВ

#### ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Мой старый партийный билет!

Нас вместе ветра обжигали,  
мы вместе с тобой прошагали  
немало стремительных лет.

Со мной ты, партийный билет,  
дорогами отчего края  
шел, сердце мое согревая,  
и сердцем ответно согрет.

Весь опыт борьбы и побед,  
что в сердце глубоко хранится, —  
в твои он впитался страницы,  
мой старый партийный билет!

Прощай же!

Особенный свет  
сегодняшний день излучает:  
сегодня в горкоме вручают  
мне  
новый партийный билет!

Сегодня идут в кабинет  
один за другим коммунисты:  
прорабы, врачи, трактористы,  
учитель, чабан и поэт.

Ученый — за токарем вслед...  
Известный охотник Алтая...

Ткачиха идет молодая  
и Ленина видевший дед...

Мой новый партийный билет!  
Знакомые снова приметы:  
девиз коммунистов планеты  
и ленинский четкий портрет.

И слышу я отзвук бесед:  
то в сейфе, в тиши кабинета,  
сейчас говорят партбилеты,  
с соседом толкует сосед.

Им вспомнились пройденных лет  
свершенья,

пути,

новостройки

на западе

и на востоке,

где в море родится рассвет...

Прощайте!

Нам — отдыха нет,

об отдыхе мы не мечтали:

нам — дальше, сквозь времени дали,  
дорогой трудов и побед.

Грядущего слышим привет!

И всюду по-прежнему с нами  
великого Ленина знамя,  
бессмертный немеркнущий свет.

Перевел с алтайского ИЛЬЯ ФОНЯКОВ.



Гущин Евгений Геннадиевич родился в 1936 году в туркменском городе Керки, но родиной своей считает деревеньку Аю на Алтае, где прошло детство. После окончания Казахского пединститута работал в газете «Молодой целинник», а затем в редакциях газет «Молодежь Алтая» и «Алтайская правда». Автор книг рассказов «Чепин, убивший орла», «Луна светит, сова кричит», повести «Правая сторона». Рассказы и повести Е. Гущина публиковались в журналах «Сибирские огни» и «Наш современник», переведены на венгерский и болгарский языки. За повесть «По сходной цене» («Наш современник», № 8, 1975) автору была присуждена ежегодная премия журнала.

Роман «Берег мужчин» является продолжением повести «Правая сторона», в нем действуют те же герои, получают дальнейшее развитие знакомые по повести события, однако «Берег мужчин», несмотря на эту связь, — произведение самостоятельное, независимое.

Евгений ГУЩИН

## БЕРЕГ МУЖЧИН

РОМАН

1

Вертолет над тайгой шел низко, повторяя неровности горного рельефа: нагужно гудя мотором, он то круто лез вверх, если спереди наплывало взгорье, то резко подныривал, когда грива хребта вдруг обрывалась ущельем. Машина летела будто на привязи. Земля не отпускала ее дальше, чем надо, так и вела на одной и той же высоте.

Артем второй час трясся в кабине рядом с Иваном и неотрывно смотрел вниз, где, мельтеша, пронеслись верхушки пихт, кедров, лиственниц, черные, неожиданные в голубоватом снегу, выворотни, и у него от напряжения давно уже покалывало глаза, но ему никак нельзя было расслабиться и дать отдых глазам. Единственное, что он позволял себе, это попеременно потереть пальцами сначала один глаз, потом другой. Привалившись боком к холодной, дрожащей стенке, наблюдал тайгу. Ждал: вдруг да появится в просветах между деревьями напуганный грохотом вертолета марал или обозначится на чистом, выпавшем ночью снегу мелкая соболя стезжка.

Иван сидел рядом, прильнув к иллюми-

натору левого борта, неподвижный, сосредоточенный. Поговорить лесничему с помощником было нельзя, чтобы случайно не пропустить внизу какую-нибудь таежную живность, но колени их в тесной кабине соприкасались, и Артему казалось, что даже через их плотную одежду он ощущает живое тепло, текущее к нему от лесничего, и от этого едва различного тепла ему становилось уютнее, веселее в тряской кабине, и он терпеливо наблюдал тайгу, время от времени расставляя палочки в раскрытом на коленях полевом дневнике наблюдений.

Палочки эти, разбросанные по графам дневников, потом будут подсчитаны. Выяснятся места обитания соболя и общая численность, а это было важно. Осенью на кугушевском Черном мысе Артем с Гаврилой Афанасьевичем выпустили три десятка племенных соболей хорошего баргузинского кряжа, чтобы улучшить местную породу, которая давно захудала. А захудала порода основательно. Жаловались заготовители: редко кто из охотников левобережья сдает первоцветные, черные шкурки. Бусенький пошел соболишко, дешевый, вот и решено было закупить в соседнем заповеднике производителей. Недешево обошлось меропри-

ятие, а куда денешься? Надо. Для того и заповедник. Пусть звери плодятся, расселяются и на незаповедные территории.

Артему сейчас интересно было посмотреть, как ведут себя новоселы, как обживают новые угодья. Плохо им тут быть никак не должно. Кедрачи на Черном мысе богаты, корма хватит. Больше всего Артема занимали, конечно, соболи, но не пропускал он следы и других зверей: маралов, лисиц. Заповедник все должен знать о своих угодьях, сколько и чего в нем. Изучая одно, нельзя упускать другое: в тайге все связано между собой невидимыми нитями. Пропустишь одно и не узнаешь общей картины. А общая картина для заповедника необходима. Без нее никак не представишь себе план весенних работ. И хотя учет еще не был закончен, но для Артема уже и сейчас было ясно: угодья на правом, заповедном, берегу гораздо богаче зверем, чем на левом. Замерзшая у Щучьего мыса Сельга исполосована тропами и тропками. Зверье уходит подальше от рева леспромхозовских тракторов, от охотничьих собак и выстрелов в заповедную тишину. Умен зверь: недавно заповедник народился, только второй год пошел, а он уж разобрался, где спокойнее.

Правда, как успел заметить Артем, негусто оказалось соболя и в границах заповедника. Сказывались прошлые годы, когда правобережная тайга была поделена на промысловые участки, да и нынешний малый урожай кедра отозвался губительно. Сколько лет еще понадобится, чтобы вернуть тайге ее первозданность.

Копытным — лосям, маралам, оленям, кабарожкам — тем орехи не сильно нужны, однако и их беда не обошла стороной. Тяжелый для тайги год нашел и для них ловушку. Снегу навалило вдвое больше нормы. Травы и кустарники оказались заваленными глубоко, да и сама зима, надорвавшись обильными снегопадами, стояла неровная: то мороз ударит после оттепели и установит прочный наст, то принесет из ущелий теплые ветры и наста как не бывало, то налетит буряном, задувающим надолго, не дающим зверям подняться с лежки.

Тяжелый стоял год и для людей и для зверя. Яснее ясного было: надвигается падеж маралов. Многие не дотянут до весны. И, будто предчувствуя это, из-за перевалов пришли волки. Артем уже несколько раз видал их следы, особые, плотно утопанные, хитрые: будто один зверь прошел по целине, а сведущий человек сразу распо-

знает, что след в след прошла целая стая. Да и не только Артем замечал волчьи следы, молчаливый Иван тоже несколько раз как-то по-особому дергался, горько кривил бледную щеку и рука его ползла к коленям, проставляя на последней строчке жирную палочку.

Хорошо бы помочь копытным: нарубить сосновых веток в местах скопления маралов, устроить небольшие солонцы, да не так легко туда добраться по глубокому снежку, а и даль велика. И вообще это не такой простой вопрос, как кажется сначала. Что касается Ивана, то он еще раньше, как установились большие снега, предложил провести подкормку, и Матвей с ним согласился. Разговор шел в тесном кругу, директору пока не говорили: так его можно вспугнуть. Решили сначала разузнать общую картину бедствия и уж потом, подсчитав все затраты, доложить Глухову: так, мол, и так, Дмитрий Иванович, вот какое положение с копытными, и вот наше предложение с расчетами.

Глухов, конечно, этому не шибко обрадуется: большие расходы, совсем не запланированные, свалившиеся как снег на голову, да и трудно поднимать рабочих. Ведь надо посылать всех, подчистую оголять на несколько дней Полуденное и кордоны. Подобные авралы обходятся недешево.

И не только директор, лесники — и те не возликуют. От непривычного дела станут отрещиваться руками и ногами. Мол, тыщу лет никто маралам никакого веточного корма не заготавливал — и ничего, не вымирают, слава богу. Мужиков можно понять. Раньше они все были леспромхозовские, а организовался заповедник, и им объявили: вы теперь работники заповедника. Так, без всякой подготовки они занялись новым делом: охранять то, что раньше можно было легко брать почти что кому угодно. Испокон они привыкли считать тайгу неоскудевающей, которая как мать: всегда и накормит, и оденет, и обогреет. Брали из тайги все, не давая ничего ей взамен. На смех поднимут, скажи им, что диких зверей в тайге надо подкармливать. Да и если к делу подойти формально, не ясно еще: надо ли помогать или уж лучше не лезть к зверям с опекой, пусть остаются в неприкосновенности, живут без помощи человека, как многие века.

Артем с Иваном долгие вечера просиживали, копаясь в журналах и в ученых записках других заповедников, но так и не нашли определенного ответа на свой вопрос. Одни ученые за то, чтобы подкармли-

вать, другие спорят с ними, предостерегают, что звери могут одомашниться и потеряют природные качества. Третьи советуют исходить из местных условий. Но раз сами ученые спорят, то что уж говорить о простых работниках заповедника. Дмитрий Иванович сразу же примет сторону тех, которые против подкормки и ничего ему не докажешь. Есть, правда, у биологов небольшая оговорка. Дескать, когда приходит стихийное бедствие: пожар или еще что в этом роде, то можно и помочь. Разве за эту соломинку зацепиться? Ведь глубоко-снежье в тайге — тоже стихийное бедствие.

Глядя вниз на проплывающие белые поляны, на которых не видно ни сухой былинки, ни кустика, Артем еще и еще уверялся: надо помочь зверям, надо; и уже перебирал в памяти нужные статьи, прикидывая, что взять из них для докладной, которую они с Иваном и Матвеем будут составлять для директора, но в это время вертолет резко качнуло, положило набок в крутом вираже.

Артем машинально уцепился за подлокотник, вскинул глаза на Ивана и увидел, что тот, склонившись к кожаной спине Лукашова, что-то возбужденно говорил в желтый барашковый воротник и показывал рукой вниз. Кажется, лесничий просил опуститься пониже к тому месту, которое его чем-то заинтересовало.

Машина сделала круг, выравнялась и зависла над снежной поляной. Иван, подавшись вперед, глядел в лобовое стекло, о чем-то упрасивал летнаба, а тот, не соглашаясь, коротко мотал головой в кожаном шлеме.

Артем тоже подался вперед, выглянул из-за спины Лукашова, понимая, что случилось что-то особенное, и сердце защемило от неизвестности.

Вертолет висел совсем низко, едва не касаясь маленьким, почти игрушечным, вращающимся колесом острой верхушки темной пихты на краю поляны. Ветви пихты трепетали и раскачивались от тугого ветра сверху, их словно расчесывали. Сверкающая под солнцем снежная пыль, поднятая винтами, висела над поляной высоко, будто туманом застелила все собою, не давала увидеть, что такое там внизу, а когда она понемногу рассеялась, в мутноватое, гнущее лобовое стекло кабины Артем увидел то, чего никак не ожидал здесь увидеть: широкую охотничью лыжню. И это в заповеднике. Недалеко от Черного мыса, именно там, где расселяются племенные соболи!

Лыжня выползала из пихтача глубокая, рваная, потому что снег у стволов, прикрытых теплыми лапами, не промерз, туда постоянно мело снег, и был он сыпуч, плохо держал лыжи. Дальше лыжня пересекала поляну уже по крепкому насту и терялась в островке молодого подлеска, за которым тяжелой и плотной стеной темнели старые, замшелые кедр.

Насмотревшись вдоволь, Иван, наконец, обернулся к Артему. На его бледноватом от холода и напряжения лице сыла горькая и загадочная усмешка. Вот, мол, полюбуйся, помощничек. Обоим нам с тобой очень даже понятно, что ходил тут не лесник Гаврила Афанасьевич. Старику нет никакой надобности крутиться так далеко от кордона, да и когда пролетали над самим Черным мысом, Кугушев стоял в своем дворе и смотрел вверх, на вертолет, гадая, верно, какое высокое начальство пронесется над его избой. Лыжни у кордона никакой сверху видно не было. Ни при чем тут лесник Кугушев. Совершенно ни при чем. Он и за сто метров от избы зимой вряд ли отходит.

Артем никак не отозвался. Ни словом, ни взглядом. Опустил глаза вниз, на сверкающую под солнцем лыжню. Она словно полированная проходила по насту, на нее больно было смотреть. Он понимал сейчас лесничего, догадывался, что прячется за его горьковатой, загадочной усмешкой. Не надо большого ума, чтобы догадаться, на что он намекает.

Места эти лежали посередине между угожьями Черного мыса и Щучьим, даже ближе к Щучьему. И хотя сам Щучий мыс теперь тоже приписан был к обходу Гаврилы Афанасьевича, но старик Кугушев, помня невеселую славу противоположного мыса, туда не сунется ни за какие блага. Не сунется, хотя мыс давно пуст. Дом свой Клубков спалил, чтобы не достался заповеднику, и ушел с женой и собакой неизвестно куда. Клубков-то ушел, а невеселая слава осталась на Щучьем, висела над ним как заклятие. Надо же... Как после этого не помянуть худым словом этот злополучный мыс, если нигде в заповеднике нет чужих следов, а тут будто нарочно. Гадай теперь, чья это лыжня. Иван, тот, конечно же, грешит на Клубкова, поэтому он и усмехается так загадочно. Намекает и на то, что именно Артем уговаривал всех взять Клубкова в обходчики. Вот, мол, твой обходчик... Пусть усмехается, пусть...

Артем обозлился, пристальнее взглядылся в лыжню. Искал в ней неровности,

какие могут быть присущи хромоту лыжнику, но не находил их. Ты, Иван, думай как хочешь, а шатался тут не Александр Тихонович. Каким бы крепким и хитрым ни был Клубков, а хромота его в лыжне обнаружилась бы, никуда бы она не делась. Ее не спрячешь. Скорее всего, бродит тут другой человек, со здоровыми ногами, сильный, знающий места. Иначе бы он не рискнул забраться в такую глушь. Но кто он?

Вот и думай, вот и гадай... Уж лучше бы вместо лыжни увидеть еще одни следы волчьей стаи или бредущего шатуна. И то было бы легче. Зверь живет по своим законам, и если его законы не всегда нравятся людям, то он в том не повинен — им движут природные инстинкты. Другое дело — человек. Если он начинает жить в тайге по законам зверя, он страшнее волчьей стаи, опаснее любого шатуна. Ведь его оружие — не зубы и когти, а как зачастую бывает — дальнобойный карабин.

Вертолет снова качнуло. Побежали навстречу молодые кедры, светло-зеленые, пушистые. В просветах между ними было видно, как петляет лыжня, уходя все дальше и дальше, будто разматываясь с невидимого клубка. Вот она потерялась под кронами тяжелых, будто вырубленных из камня, старых кедров, скользнула из-под них к выворотням, обошла их вокруг, потопталась на месте, поразмышляв о чем-то, и двинулась к скалам, черные клыки которых остро, пугающе выступали из снега. Четкая тень вертолета неотступно следовала за ней, накрывала лыжню, зависала над деревьями, дожидаясь, пока та выйдет на свет, и снова неслась вперед, оставляя за собой слепящий вихрь снега.

Прильнув к иллюминатору, Артем ждал: вот-вот лыжня выведет к какому-нибудь глухому охотничьему зимовью, которые еще остались в тайге от промысловых времен. Ведь не мог же неизвестный соболятник прийти за полторы сотни километров, расставить капканы и вернуться назад. Никаких ног не хватит. Должно же где-то быть у него зимовье с продуктами и охотничьими припасами. Устроился где-нибудь выше по Сельге и сидит сейчас спокойненько, ждет утра, чтобы проверить капканы.

Но лыжня, будто почувствовав погоню, прошла немного вверх по Сельге, потом круто перечеркнула речку, уходя из заповедных границ, потянулась вверх, на перевал левого бережья и затерялась в сплошном массиве.

Иван с досады хлопнул рукой по коле-

ням, где лежал раскрытый дневник. Ушел-таки...

Лукашов повел машину кромкой кедрача, надеясь отыскать выходной след, но, пройдя километров пять, понял, что это бесполезно и, развернувшись в обратный путь, стал набирать высоту.

Иван в сердцах захлопнул дневник и склонился к летнабу.

— Может, сядем? — кричал он, показывая рукой вниз на обрезанную кедрачом лыжню. — Там, похоже, ровно!

— Сверху всегда ровно, — громко отозвался Лукашов. — А начнешь приземляться и увязнешь по брюхо. Винты покалечишь!

— Да мне всего на минуту! Только лыжню пощупать. Может, какие отметины есть. Гвоздь торчит или камус порван. Я ведь у многих лыжи знаю. А, Лукашов? На минуту!

— Не могу! Зимовать мне тут совсем неохота! В отряд пора! — неприступно отвечал Лукашов, и Иван отстал от него, буркнул что-то в кожаную спину, отвалился на сиденье.

Перевал с темной щетиной кедровой тайги отступил, отодвинулся от вертолета и сразу же под машиной обозначилась глубокая пропасть приозерной долины. Мелькнула белая нитка Сельги, окаймленная зарослями кустарников и скалами. Застывшим домом проплыл березняк Щучьего мыса и зачернели головешки обгоревших бревен, торчащих вкривь и вкось — все, что осталось от дома Клубкова, и у Артема перед глазами ясно встал тот свежий осенний день, когда он в последний раз приплывал сюда на «Дозоре». Сквозь время видел он слепые зрачки стволов, нацеленных на себя, и отчаянные, бессильные глаза Александра Тихоновича. Как замороженный стоял он тот раз перед Клубковым, не в силах сдвинуться с места. Ноги налились тяжестью, их невозможно было оторвать от земли. И он стоял так, не двигаясь, только глядел в глаза Клубкову. Кажется, он и после так стоял, когда Александр Тихонович вдруг метнулся к своему дому, резко, отчаянно припадая на хромоту ногу, будто кланяясь, и скоро от дома слышался характерный треск разгорающихся дров. В нависшей тишине треск этот усиливался, креп, и неожиданное при свете дня, легкое, красноватое пламя зыбко потянулось по стене вверх, к крыше. Пламя росло, ширилось, загудело жарким костром, обнимая дом, будто спеленьвая его. Брызнули с тонким, пронзительным стоном стекла окон... Артем и сейчас еще, через

грохот мотора за спиной, слышал, как лопались, словно бы взрываясь изнутри, толстые бревна, отбрасывая далеко чадающие осколки, видел дальней памятью, как коржились и скручивались доски крыши, как черный, смоляной дым пожараща поднялся над Щучьим и подхваченный северянской поплыл к озеру, на мгновение затенив солнце.

Артем резко тряхнул головой, прогоняя видения. Зачем переживать пережитое еще раз, или того, что было, не хватило? Тяжело вздохнул и поглядел на Ивана.

Тот внимательно смотрел вниз. Очень внимательно, даже лбом к стеклу прижался, чтобы лучше видеть.

— А тут следов не видать! — прокричал он вдруг почти весело, оборачиваясь к Артему. И снова в его лице обозначилась знакомая усмешка. — На Щучий-то он что-то не зашел! Попроведовать-то! — искал взглядом Артемовы глаза, но тот отворачивался. — Слышь, Артем, а хороший был бы обходчик. Скажи?

Артем безразлично качнул головой. К чему теперь об этом говорить. Еще неизвестно, кто тут шарился. Может, назло вам всем был бы Клубков хорошим обходчиком. А то добились: человек сжег свой дом и, озлобясь на весь белый свет, ушел невесть куда. Кому от этого выгода? Ивану? Матвею? Или, может, директору? Никому нет выгоды. Посеяли в тайге еще одно зло. А оно, зло-то, живучее. Прорастет, даст свои горькие плоды...

Назад летели левым берегом и уже не отмечали никакие следы, просто смотрели. Как у них там, на леспромхозовской стороне? Горы к Полуденному постепенно опускались, приглаживались, кедрачи на вершинах и пологих склонах уже редели, кое-где торчали пни, возле них лежали поваленные кедры, словно ветровал прошел. Но ветровал, тот валит с корнем, выворачивает дерево со всеми потрохами, а тут прошли орешники. Вальщики леспромхоза сюда пока не добрались, а вот орешники уже побывали. Им ради мешка шишек срубить лесину ничего не стоит. Каждую осень слетаются они на левобережье, мужики говорят, даже из Средней Азии приезжают набить шишек, а потом где-то у себя продать. Разве им, пришлым шабашникам, жаль тайги? Они приехали да уехали. А леспромхоз не шибко-то контролирует свои уголья. Им для плана древесины хватает.

Чем дальше летели, тем прибрежные горы и склоны заметно редели. Скоро со-

всем лысые пошли склоны, будто побритые. Темная щетина пней топорщилась в белизне снегов. Серыми, грязными потеками пролегли от вершин до озера пути снежных лавин. Весной при таком многоснежье загремят тут камневалы, ринутся селевые потоки, разрушая склоны. Ничто их не удержит, деревья давно свалены и вывезены. Вот она, леспромхозовская тайга. Кто только ни грабит ее, и никого это не трогает, словно и впрямь она неоскудевающая. Не будь заповедника на правой стороне, и там то же самое сейчас было бы. Так же бы грабили ее, как год назад. Весь этот уникальный комплекс, особенный горно-таежный комплекс, редкий на земле уголок, растащили бы по кусочкам. Видно, есть все-таки умные, дальновидные люди, раз отстояли они правобережье, создав заповедник. Да только не до конца они сделали свое дело, раз еще на другой стороне озера творится такое варварство. Озеро-то — одна чашка. Нельзя хлебать с одного края, чтобы не вычерпать с другого. Если уж беречь, так весь комплекс. Обе стороны.

Раздосадовавшись, Артем откинулся на спинку сиденья, а Иван все смотрел в иллюминатор и смотрел. Не мог никак насмотреться. Наверное, на всю жизнь хотел запомнить. И поваленные орешниками кедры, и лысые склоны — все, что было внизу. И Артему подумалось, что Ивану, наверное, больше, чем ему, все это видеть. Ведь у Ивана тут — родина.

Левобережье отодвинулось, поплыло в сторону, прибрежная, недоступная пока лесорубам тайга вдруг отступила, будто ее обрезали, и под машиной распласталось черное, живое, взбитое ветром, озеро. Оно ширилось по обе стороны вертолета, размывая даль, покачивая легкие, белые, будто прозрачные горные хребты на горизонте, а перед глазами Артема все еще стояли исковерканные человеком пологие склоны со щетиной пней. Сейчас Лукашов повернет к Полуденному, а вырубленные леса пойдут дальше, к Ключам.

«Страшно... Как это страшно...» — только и подумал Артем, закрывая глаза, чтобы больше ничего не видеть.

Усталость навалилась сразу, словно все это время она дожидалась за спиной, укутала теплом зыбким, обманчивым.

Артем очнулся, когда вертолет, проваливаясь, заходил на посадку, втесываясь между конторой и магазином.

Дремало Полуденное в зимней шубе. Наохлились дома под тяжелыми снежными шапками, угнездились в глубоких сугробах, тянули вверх прямые, белые дымы; дымы эти словно подпирали собою добела же вымерзшее небо.

Седая Громотуха над селом виделась бесконечно высокой, торжественной. Дремали на ее боках синие клочья леса, окутанные облаками, морозным туманом ли — не поймешь чем, леса как бы висели в дымном воздухе. И от гор, от снегов, от дремотной, затаившейся тайги веяло такой первозданной тишиной и покоем, что скрип снега под валенками казался Артему нестерпимо громким, мешающим природе думать свою великую, бесконечную, непонятную никому из живых, думу.

Глядя на утреннюю, пустынную еще улицу с серыми тропками, протянувшимися от домов к конгоре и магазину, на близкие и далекие горные хребты, окружившие Полуденное, на тайгу, Артем поймал себя на мысли, что ему иногда кажется, будто за ближними хребтами гор идут дальние, за ближней тайгой начинается дальняя, неизвестная тайга, и что все это тянется далеко-далеко, до бесконечности и нет на свете ни больших городов с заводами, с высокими домами и шумными улицами — ничего этого нет. Есть только то, что привык он видеть каждый день: горы, тайга, вечно беспокойное озеро да полусонное его село. И нигде он раньше не жил, кроме Полуденного, все окружающее казалось виденным с детства, впитанным с молоком матери, а легкие, затуманенные временем воспоминания о прежней жизни были только странными снами.

Прежде чем подняться на крыльцо конторы, Артем непроизвольно посмотрел на озеро. Это тоже у него стало привычкой — смотреть утром на озеро, узнавать, какое оно, спокойное или штормит, потому что сильно Полуденное зависит от капризов озера. Лесники тоже всегда с утра интересуются погодой, решают, глядя в озерную даль: плыть по обходам или подождать. Правда, сейчас, зимой, на дюральке не сунешься в озеро, не та пора, но и «Дозор» не слишком удобен для зимнего плавания: быстро обрастает ледяными наростами, грузнет, становится неуклюжим и плохо слушается руля. Опасно, но деваться некуда. Катер — единственный вид транспорта до Ключей. На почтовый вертолет надежда плохая: когда есть в нем место, а

когда и нет. Лукашов же прилетает всего два раза в месяц, на него рассчитывать вообще не приходится. К середине зимы, когда в тихие морозные ночи залив схватится крепким льдом, «Дозор» останется зимовать за дамбой, и Полуденное надолго отгородится от районного центра да и от всего остального мира.

Озеро было сравнительно тихим. Плавленным свинцом колыхалась зыбь, пришедшая откуда-то с середины. Видно, у мысов зарождалась северянка. Скоро она наберет силы, докатится до села, взломает качающиеся кое-где льдины в заливе и примется наращивать вдоль берега ледяные стены, с каждой волной поднимая их чуть выше и выше, будто и оно хочет отгородиться от всего на свете: от людей и от тайги.

Да, нынче обходчикам на свои угоды не попасть. Дюральки их бесполезно лежат на берегу. В озеро не сунешься. Придется идти прибрежными скалами за многие километры, и Артем мысленно посочувствовал мужикам, видя, как те, постояв тесной кучкой у ледяных наростов, медленно разбредались по домам.

Артем постоял еще, улавливая кожей лица дыхание озера, вздохнул, сам не зная от каких забот, и потянул на себя тяжелую от намерзшего снега дверь конторы.

Иван уже сидел за своим столом, но пришел он, видать, недавно. Не отогрелся еще. Тер рука об руку, будто мыл их, дул на покрасневшие пальцы. Вот уж кому настоящему нелегко, так это ему. Без жены, с пацаном на руках. Здорово все-таки переживает. Раньше — огонь был, да вот поугас лесничий, медлительный стал и все о чем-то думает, думает. Сказать бы ему хорошее, утешительное слово, да не примет Иван утешения. Обозлится, обрежет. Уж лучше не подавать вида.

Вешая на гвоздь штормовку и стеганку, Артем искоса разглядывал Ивана. Раньше он как-то не замечал в нем особой перемены, а теперь удивился: сдал лесничий за последнее время, сильно сдал. Лицо стало темное, будто примороженное. У глаз обозначились мелкие морщинки, их раньше вроде не было, да и сами глаза какие-то сиротливые, с затаенной болью. Протянутая для пожатия рука — вялая, как плеть. Наверное, молчит Тамара, не пишет. А что ей в городском тепле и уюте. Ни горестей, ни забот. Вот жены пошли... Хоть не женись.

Молча покурили, раздавили окурки в консервной банке, приспособленной под пепельницу и, не сговариваясь, поднялись.

Подошло время идти к директору на планерку.

В приемной Риты еще не было. То ли случайно так получается, что когда он заходит, ее нет. Или нарочно она избегает его? Ничего, встретимся. Столкнемся еще нос к носу... Проходя мимо, Артем тронул пальцами бок пишущей машинки и ощутил холод металла. Больше — ничего. С этим холодом он и вошел к директору вслед за Иваном.

Глухов был не один. На диване уже сидел Матвей, а перед директорским столом переминался с ноги на ногу Ларион Зуев.

Директор кивнул лесничему и помощнику, чтобы селились и повернулся к Лариону, глядя на него снисходительно и устало.

— Та-ак... — пытал он. — Давайте дальше, Зуев. Значит, взяли гармонь из клуба...

— Взял, — подтвердил охотно Ларион.

— И... — подсказывал Глухов и подталкивая качал головой, как бы помогая Зуеву вспомнить. — И что же сделали?

— С горы на ей съехал. От самой поскотины. — Ларион дурашливо улыбался, оглядываясь по сторонам. Он явно приглашал всех присутствовавших посмеяться.

— Один только раз? — спрашивал директор. Спокойно так спрашивал, очень даже спокойно.

— Что один раз? — Ларион бестолково крутил головой.

— Съехал, говорю, только один раз? — У Глухова еще хватало терпения не прикрикнуть на моториста, Артем поражался такому спокойствию директора. Всеи было понятно, что Зуев разыгрывает дурачка, а директору — хоть бы хны.

— Нет. Другой раз тоже съехал. — Ларион расплылся. — Поглянулось. Сроду на гармошке не катался.

И опять Дмитрий Иванович не возмущился такой наглостью, только опустил глаза на полированную поверхность стола, помолчал, будто прочел там, как быть дальше, и заговорил негромко, тем мягким укоризненным тоном, каким разговаривают с напавшими детьми:

— Ох, Зуев, Зуев... Ну как так можно. Заповедник о вас заботится. Гармонь вот приобрели, чтобы люди могли культурно отдыхать, а вы ее на что приспособили? С горки кататься. Стыдно, Зуев, очень стыдно. Нет, чтоб взять лыжи...

— На лыжах, Дмитрий Иванович, не то, — упирался Ларион.

— Это почему же?

— Не смешно.

— А вам надо, чтобы смешно было?

Может, вас по совместительству еще и клоуном провести? Чтобы всех смешить? — Глухов долго укоризненно крутил головой. — Взрослый человек...

— Дак скучно, Дмитрий Иванович. Хоть на стенку лезь!

Глухов его перебил:

— Скучно им... Как дети, ей-богу... — И уже добродушие сквозило в его голосе. — Гармонь хоть целая?

— Что ей сделается.

— Ладно, идите, Зуев, — директор, отстраняясь, махнул мотористу рукой, проводил его до двери тоскливым взглядом.

Нервно потер виски.

— Видали, что делается? — заговорил он уже новым, сильным и резким голосом, будто это был уже другой человек. — С горы на казенном инструменте! Это же надо додуматься, а? А как с ним я? Ласково, обходительно, только что по головке не гладил. Вот до чего мы дожили. И ведь не накажи его, подлеца, не растревожь строгим словом. Он ведь знаете чего ждал? Он ждал, что я разозлюсь. Ангел бы разозлился, а я — нет. Удержался. Потому что насквозь его вижу. Он на рудник хочет. Но поскольку просто так я его не отпущу, решил концерт нам этот устроить. И ведь как нагло вел себя! Именно нагло, чтобы я выгнал его. И тогда бы он мне — заявление. По собственному... — коротко, зло хохотнул. — Не понимаю, как у меня выдержки хватило. Ох, Зуев, Зуев... — Глухов мечтательно сощурился. — В другое бы время он у меня запел. Я бы ему устроил такое катание на гармонии, что век бы не забыл, и детям бы заказал. Но... он хотел скандала, чтобы сбежать на рудник. Там сейчас всех без разбору хватают. Им сейчас все равно: пьяница — не пьяница. Лишь бы кадры...

Дмитрий Иванович шумно перевел дух, спросил сразу у всех:

— Новость слышали?

— Какую? — спросил Матвей.

— Про наших соседей.

— Да нет, вроде. А что там такое? — встревожился Иван.

— А то, что это уже не просто рудник, а ру-до-у-правление! — произнес Глухов по частям. — Солидная организация. Новые рудники открывать будут, — и он замолчал, давая возможность каждому осмыслить сказанное.

А новость действительно была ошеломляющая. Если уж рудник наступал на пятки заповеднику, то рудоуправление начнет давить — добра не жди. Иван даже еще

больше потемнел лицом, скулы заострились. Не моргая глядел он на директора, еще чего-то ждал. И дождался.

Насладившись эффектом, Глухов продолжал:

— А знаете кого назначили директором рудоуправления? — он подождал, пока кто-нибудь выскажет предположение, но все убито молчали. — Павла Васильевича Сорокина. Помните? — и укоризненно посмотрел на лесничего, напоминая про неудавшуюся охоту. — Вот как дела-то повернулись. Сейчас они расширяются вовсю, а кадров не густо. Колхозик возле Ключей совсем опустошили. Председатель на парт-активе чуть не плакал. Ни доярок, ни пастухов — никого не осталось. Хоть сам, говорит, теперь паси. И я ему верю. Вот и на наших рудничные поглядывают. Вчера мы были в Ключах, так Чернов, завхоз ихний, все вокруг Лариона крутился. А уж Чернова-то я знаю. Не такой это мужик, чтобы попусту время терять. Спрашиваю потом Зуева: чего он, дескать, от тебя хотел? Да ничего, отвечает, не хотел, а сам глаза прячет. Ясно, что сватали. Они не только до моториста нашего добираются. — Хлопнул рукой по бумагам. — Вот! Могу порадовать. Еще два заявления. От рабочих. Скоро пилорамы встанет... — Глухов печально улыбался в сторону. Потом отодвинул бумаги. — Что будем делать? — спросил у всех сразу четким, начальственным голосом. — Вот вы, главные специалисты, все обижаетесь: не прислушиваюсь к вашему голосу. Решаю единолично. Так давайте вместе. Подскажите, посоветуйте... — Глухов выжидательно молчал.

Но и присутствующие тоже молчали. Опустили головы.

— ...Скучно им, видите ли. Рояль надо купить. Коллективом с горки кататься, — проговорил директор и покривился. Никак он не мог забыть Зуева. Видать, недешево обошлось Глухову его спокойствие. Припомнит он еще мотористу.

— Дело не в рояле, — сказал Матвей тяжело, медленно выдавливая из себя слова. — На руднике зарботки не такие, как у нас. Получше. Вот в этом все дело. И еще...

Дмитрий Иванович развел руками. Быстро и даже с какой-то радостью он это сделал, будто уже знал, что ему скажут, и ответ был готов:

— А я что сделаю? Разве это от меня зависит? Будь моя воля, я бы каждому положил в месяц по две сотни. Да только две сотни я сам едва получаю, директор.

Я-то не против и больше платить, да только штатное расписание не велит. Вы уж меня извините. Я тут ни при чем.

— Мы вас и не виноватим, Дмитрий Иванович, — со вздохом продолжил Матвей. — Зарплата у шахтеров, понятно, высокая. Зарятся мужики. И еще жить в Ключах по сравнению с нашим гораздо легче. Там и детские сады, и столовые, и те же парикмахерские. В общем, разное благоустройство.

— Это верно, — охотно согласился Дмитрий Иванович. — Это тоже много значит. Кто спорит? Я бы рад всяких всячин настроить в Полуденном, да опять же в деньги вопрос упирается. Где их взять? Подскажите мне. — Глухов торопливо взял карандаш, пододвинул лист бумаги, показывал всем видом, что он готов записать каждое слово, но снова никто ничего не сказал ему. Все вздыхали, ерзали на стульях и глядели куда угодно, только не в глаза директору, и Глухов с усмешкой откинул карандаш в сторону. Карандаш покатился, упал со стола, но тот его не собирался поднимать.

— Вот то-то и оно! — и нервно засмеялся.

Тяжелая тишина висела в кабинете. Пригнула головы, давила на плечи, вдавливала в стулья. Нечем было возразить директору. Хоть плачь, а нечем.

— Когда рудник еще только начинали строить, мне сразу все это не поглянулось, — негромко заговорил Матвей. — Я тот раз еще подумал, что будут они нас пощипывать. Пилораму оголили — это только цветики. Ягодки впереди будут.

Больше никто ничего не говорил. Молчали. Глухов тоже задумался, слегка покусывая тонкую губу, но в лице у него никакой безнадежности не чувствовалось. Артему даже казалось, что он нетерпеливо ждет, переживает эту паузу, чтобы, наконец, высказать что-то свое, неожиданное.

И действительно, переждав время, Дмитрий Иванович сказал:

— А духом падать совсем не надо, товарищи. Трудно? Трудно. Но что поделаешь. От этого соседа нам никуда не деться. Хотим — не хотим, а придется сосуществовать... — Он легонько улыбнулся. Обнадеживающая у него вышла улыбка, сулящая неожиданные радости, и все насторожились. — Знаете, — продолжал Глухов неторопливо и значительно, — если к этому делу подойти по-умному, то мы и сами можем пощипывать рудоуправление. А чего его не пощипывать? Сосед богатый. Очень богатый. К примеру, списать две-три тонны

бензину для них ничего не стоит. Для них это раз плюнуть. А нам эти тонны — надолго может хватить. Вы понимаете меня? Я что хочу сказать? Если с рудоуправлением вести политику умно, дипломатично, то они нам многое могут дать. И стройматериалы дефицитные, и горючее, и кое-что другое. — Глухов замолчал невысказанно, прищурился и глядел мечтательно перед собой, но не на Матвея глядел, который находился как раз против него, а выше, куда-то сквозь стены, в одному ему видимую даль. — Я бы даже был не против, если бы рудоуправление, скажем, взяло над нашим заповедником шефство. Представляетел? Это было бы для нас выгодно. А что? Павел Васильевич к нам относится неплохо. Он у нас был, нужды наши ему хорошо известны... — Усмехнулся как бы над самим собой. — Вот бензину нам пообещал. На нашу бедность... Надо будет сплавить в Ключи, привезти бензин. Пока залив еще не застыл окончательно, — проговорил он озабоченно и замолчал.

Теперь Дмитрий Иванович, кажется, сказал все, ничего у него за душой больше не оставалось. Это было заметно по тому, как он откачнулся от стола с облегченным вздохом, и вид у него был как у человека, который сделал свое дело, и остается только ждать, что из этого последует.

— Шефство, значит? — задумчиво переспросил Матвей и пожевал губами, будто пробуя это слово на вкус.

— Да-а, тут есть над чем подумать, — проговорил Иван. — Штука, надо сказать, заманчивая, но... — Иван остановился и вопрошающе глядел на директора. — Одно мне непонятно, Дмитрий Иванович. Значит, так: они нам, допустим, дадут бензину... Ну, раз дадут, другой, третий... Шиферу, допустим, кровельного железа, других дефицитных материалов... Так?

Глухов качнул головой утвердительно.

— А что дадим им мы? Ведь дружба должна быть обоюдной. Раз они нам дают, то и мы должны давать. Иначе ничего не получится. — И он оглянулся на Артема, на Матвея. Дескать, правильно я говорю или нет? И увидел, что и главный лесничий, и помощник соглашались с ним, молча закивали головами.

— Это верно, — согласился и Дмитрий Иванович. — Я ждал этого вопроса. Но одному мне трудно решить. Надо совместно подумать. Ну, чего мы им можем дать? — Он развел руки в стороны. Поглядел в одну ладонь, в другую. В обеих ладонях было пусто. Растерянно пожал плечами. —

Ну, разве рыбки копченой к празднику подкинуть можем.

Иван заворочался на своем стуле, криво усмехнулся в сторону. Очень понятливая у него была усмешка. Дескать, я давно знал к чему все шло. И сколько ни разлажься о шефстве, какие слова ни говори, а все упрется в копченую рыбу. Больше упереться не во что.

Глухов, покусывая губу, смотрел на Ивана не мигая. Глаза потемнели от злости. Он тоже, когда еще только подводил разговор к шефству, загодя видел кривую, понятливую усмешку лесничего. И вот дождался, и от этого злость ворохнулась, оттого, что ничего тут друг от друга не спрячешь, что слишком уж они хорошо видят друг друга. Насквозь видят.

Но сдержал себя Дмитрий Иванович, только глаза опустил на свои подрагивающие руки.

— Предлагайте другой вариант, — сказал он Ивану сухо. — Безрыбный вариант. К примеру, пусть наши специалисты прочтут рабочим рудоуправления серию лекций о пользе охраны природы. — В голосе директора витала легчайшая ирония. Не слишком заметная, так что его слова можно принять всерьез, а можно и в шутку. Кому как захочется. Был тут и намек на жалобы лесников, кордоны которых граничили с рудником. Лесники и устно, и письменно докладывали, что шахтеры напропалую быют глухарей и рябчиков на заповедной территории и что единственный способ уберечь заповедник от соседей — это отгородить колючей проволокой. Только она их остановит.

— Можно, — согласился Матвей. — Они нам стройматериалы, а мы им — лекции. На наши лекции ихние мужики бегом побегут.

Все невольно рассмеялись, и это разрядило обстановку.

Глухов сказал миролюбиво:

— Давайте все вместе подумаем, а после соберемся и каждый что-то предложит. Может, что-нибудь и придумаем? Сообщат?

С ним молчаливо согласились, и Дмитрий Иванович вздохнул с облегчением, что можно, наконец, перейти к другому вопросу. Не такому скользкому.

— Как ваш полет? — спросил он легким голосом, поглядев попеременно на Ивана и на Артема.

— Лыжня, Дмитрий Иванович, — тяжело сказал Иван. — Кто-то там в районе Щучьего мыса шарится. — Иван поднялся,

Репродукция с картины **В. С. Торхова** «Седой Алтай».



В. С. Торхов. «Ферма в Ачике».



подошел к карте, начал пальцем показывать.— Лыжня вышла из кедрача. Который на перевале. На левом берегу. Вот она вышла, спустилась с перевала к Щучьему, пересекла Сельгу, сделала широкий крюк в угодьях Черного мыса и потом назад. На перевал. В кедрач. Выходного следа мы не нашли.

Глухов сидел настороженно, склонив голову набок.

— На самом Щучьем есть следы? Возле бывшего дома?

— Нет там следов,— быстро сказал Артем, и все посмотрели на него с удивлением.

— Так кто же это может быть? — спросил у Ивана Глухов.— Шахтеры туда, конечно же, попасть не могли.

— Не могли,— согласился Иван.— Это совсем в другую сторону. Одно мне ясно. Там обжился соболятник. Засел в кедраче на перевале и обрабатывает капканами наши угодья. Наверное, не одного нашего племенного кота взял... Опытный мужик. Шахтеры — любители. А это — профессионал. Шибко опытно работает.

— Не Клубков? — спросил директор Ивана, а косился при этом на Артема.

— Не Клубков,— сказал Артем убежденно.— Клубков хромой, а там ходил здоровый человек. По лыжне видно.

— Удивительная убежденность,— с улыбкой сказал Глухов.— Меня иногда просто удивление берет, как вы его отчаянно защищаете. Будто он вам родня. Не меньше,— и оборотился к Ивану.— А вы как думаете? Мог это быть Клубков?

Иван ушел от прямого ответа.

— Трудно сказать, Дмитрий Иванович. Боюсь загадывать. Пока мы его не выследим — ничего не скажу.

— Надо выследить,— жестко сказал Глухов.— Обязательно.

— Просите вертолет,— отозвался тотчас Иван.— Выследим. Это я вам обещаю. Только надо побыстрее.

Поморщившись, Дмитрий Иванович отметил себе в календаре.

— Попробую договориться. Попробую, да не так это легко — просить добавочный рейс. Вне графика... — улыбнулся.— Опять ведь скажете, мол, Глухов такой, сякой, а без рыбки и к авиаторам не сунешься. Везде ее любят. Она тут у нас вроде валюты стала. Приедешь в те же Ключи и только заикнешься что-нибудь просить, а тебе уж насчет рыбки намекают. Будто у нас рыбзавод какой, а не заповедник. А начнешь объяснять, что мы ее не ловим — не поверят. Хоть убейся — не поверят.

— Это точно,— поддакнул Матвей.— Ни в жизнь не поверят. Либо, скажут, шибко хитрые, либо шибко дурные. А ведь на самом деле у нас интересное положение: живем в тайге, а взять ничего не можем. Ни ягод, ни грибов. Нельзя. Я уж про зверя и не говорю... Ну, рыбу-то можно на другой стороне поймать, на незаповедной. Тут еще можно подумать как-то... А остальное...

Слушая Матвея, Иван стоял у стены, возле карты, и вроде как и не собирался садиться. Ждал чего-то. И — волновался. Кажется, он решался на что-то. И это скоро все заметили.

— Вы что, Рытов,— спросил устало Дмитрий Иванович,— еще о чем нам сказать желаете?

— Желаю,— выдохнул Иван.— Не знаю, может время для этого неподходящее, но хочу внести на ваше рассмотрение один вопрос. Очень важный вопрос. Много я о нем думал. Все не решался поставить, а больше ждать, наверно, нельзя.— Он прокашлялся, очищая голос, набрал полную грудь воздуха.— Вот мы летели со Стригуновым над левобережьем и, поверите, было просто страшно. Приозерные горы совсем лысые стали. Все повырубили... Да что вам объяснять, вы все сами хорошо знаете. В общем, я предлагаю, как это говорят: «войти в ходатайство» или еще как... чтобы нам отдали левый берег. Чтобы его включили в состав заповедника. И если нам пойдут навстречу, я готов за счет свободного времени засаживать пролысины кедром.

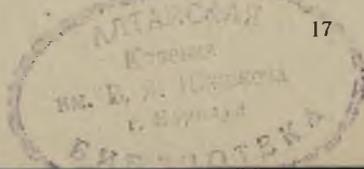
Дмитрий Иванович заерзал в кресле. Получалось: из огня да в полымя. Встрепнулся Матвей. Поднимался вопрос, о котором подспудно думали все, а выразить не могли. Не решались. Рытов — тот первым решился. И хотя подспудно-то все об этом думали, а все равно растерялись.

— Молодец, Рытов, молодец,— пропел Дмитрий Иванович.— Подкинул нам вопросик, нечего сказать.

— От него нам никуда не деться, Дмитрий Иванович.

— Никуда не деться, это точно,— поддержал Матвей.— Ведь действительно смешно получается. С одной стороны озера бережем зверя и лес, а с другой гребем все подчистую.

— А чашка и у леспромхоза, и у нас — одна. С одной стороны хлебают, с другой тоже убывает,— вступил Артем.— Я тоже об этом думал. Если не возьмем левый берег — погубим озеро. Весной пойдут лави-



ны, появятся на озере отмели. Да и микроклимат будет меняться.

— Это резонно, насчет чашки,— заметил Глухов.— Однако левая сторона принадлежит леспромхозу. На древесину им план спущен. Государственный план. Кто же согласится уменьшить лесозаготовки? Честно говоря, не знаю, что из этого у нас выйдет.

— А разве наш заповедник не государственный? — громко, может, даже громче, чем надо, спросил Артем, и все на него разом посмотрели.— Мы разве не для государства, а для себя бережем озеро и реликтовую тайгу? Да нам государство спасибо скажет. Пусть не сейчас, пусть потом, когда нас не будет, но скажет. Вы поймите, Дмитрий Иванович: озеро — уникальное, на земле таких мало. А левый берег — водоохранная зона. Нельзя там лес рубить. Никак нельзя. Если отстоим левобережье, можно будет считать, что не зря жизнь прожили. Во всяком случае, я так для себя буду считать.

Глухов на него с интересом смотрел, будто увидел что-то неожиданное для себя.

Кивнул Матвею:

— Стригунов-то у нас, глядите, оперяется! Как заговорил, а? И слова ученые есть, и все такое. Но...— Глухов сделал паузу, чтобы присутствующие прислушались, куда он поведет дальше, чтобы готовые были к переходу.— Но эмоции для нашего дела вредны. Тут надо нам трезво разобраться, взвесить все, чтобы не опростоволоситься... Ну хорошо, — продолжил Дмитрий Иванович новым, легким голосом и легонько хлопнул ладонью по столу.— Допустим, что вышестоящие инстанции, то есть руководство нашей области, согласятся с нами, в чем я, честно говоря, сомневаюсь, но, допустим, согласятся. Они обратятся выше, ходатайство наше удовлетворят, отдадут нам левый берег. А как мы будем его охранять? Об этом вы, Стригунов, подумали? Конечно, ваше заявление смелое, правильное, но ведь прежде надо подумать: а что из этого получится? Мы сейчас свою-то сторону не можем как следует защищать от браконьеров, а то еще левобережье прибавится. Штатное расписание нам вряд ли изменят, а если и изменят, то не скоро. Что мы тогда будем делать? На общественных началах работать у нас никто не будет. Да и где мы возьмем лесников на новые кордоны, если у нас и на старые людей не хватает? Разбегаются люди — сами видели. Вот они, заявления-то! — Дмитрий Иванович потряс перед собой листками бумаги

и бросил их на стол брезгливо, с отвращением от них отвернулся.

— Это не страшно. Дмитрий Иванович,— спокойно сказал Иван.— На первое время столбы со щитами поставим. Кого-нибудь они да остановят. А браконьеры если и будут появляться, то уже не так, как сейчас — вольно, а с оглядкой. Страх-то у браконьеров будет. Знать будет уже, что по головке не погладим, если поймаем.— Тон у Ивана был ровный, рассудительный, будто это он уже объяснил кому-то и теперь только повторяет хорошо для себя уясненное.— А вообще-то, Дмитрий Иванович, я бы взял на себя такую нагрузку — обходить новые места. Да и лесникам с нашего берега хорошо виден противоположный. Бинокли — почти у каждого. Так что особой проблемы в охране, я думаю, не предвидится. Ну, трудно будет первое время — это понятно. Но что касается меня — то я готов ко всему.

— Я тоже готов,— горячо сказал Артем.— Давайте любой участок. По воскресеньям буду плавать.

Глухов с полуулыбкой косился на главного лесничего.

— Матвей Матвеевич, конечно, тоже согласен поработать на общественных началах? — спросил он иронично.

— А чем я хуже? — широко улыбался тот.— Дело-то общее.

— В общем ясна картина... — задумался Глухов.— У меня к вам ко всем один вопрос. Только откровенно. А вопрос будет такой: вы сговаривались?

— Это как — сговаривались? — не сразу сообразил Иван.

— До этого вы говорили между собой о левой стороне?

— А что, это очень важно? — удивился Иван.

— Для меня — важно.

— Лично я ни с кем не советовался об этом. Может, вон Артем с Матвеем Матвеевичем говорили — о них я не знаю.

Глухов успокоенно махнул рукой.

— Ну ладно... А то, знаете, у меня содалось такое впечатление, что вы сговорились за спиной и навалились все разом. Будто вы одни хотите заповеднику блага, а я — зла. Такой уж он плохой, этот Глухов, любое дело тормозит... Ладно, не будем вспоминать. Давайте жить без тайной механики. Так нам легче будет. Ну а что касается левой стороны... — Дмитрий Иванович на мгновение задумался, мысленно прикидывая на вес тяжесть этого вопроса: поднять его или силы не хватит? — Я согла-

сен рискнуть. Что выйдет у нас — не знаю. Но рискнуть, повторяю, согласен. Однако, — заговорил он жестко и строго, — нам нужны веские научные обоснования своих претензий на левую сторону. Там, — значительно кивнул вверх, — к нашим эмоциям прислушиваться не станут. Четкость мысли, логичность изложения. Ну и разные научные термины. Вы — специалисты, не мне вас учить. В общем, подработайте сами этот вопрос. Составьте наше ходатайство в органы нашей районной власти. Тут вот еще что, — прищурился Глухов. — Перед тем, как дать бумаге ход, нам надо побывать в леспромхозе у Жолина. Узнать, как он сам на это дело смотрит, на левобережье. Сильно ли оно нужно ему. В рудоуправление надо сходить. Ну, туда — само собой. А потом уж в райком. Посоветоваться. И так, с этим вопросом ясно? — голос у Дмитрия Ивановича был строг и крепок. Чувствуется, он был доволен собой, что не выпустил вожди. — Давайте хоть чаю попьем, что ли. А то горло пересохло от всей этой говорильни.

Директор поднялся, вышел в приемную, и скоро Рита принесла чай на подносе. На Артема глянула мельком, испуганно, и у него екнуло сердце от непонятого предчувствия.

Молча пили чай, отдохали.

Артем смотрел на Глухова и думал, что очень уж непохож стал Дмитрий Иванович на того крутого, уверенного в себе человека, каким был в первое время. Раньше он и одевался строго, по-городскому. Непременно костюм, белый воротничок и галстук. Изыскан был Дмитрий Иванович, а теперь словно подменили его, и от этого Артему стало отчего-то грустно. Галстук директор давно не носит. Под пиджаком — старенькая трикотажная рубашка. Локти пиджака лоснятся. Из-под стола торчат не блестящие туфли, а громоздкие серые валенки, и на вешалке висит полушубок. Вот как нынче одеваться стал директор. Войдет в кабинет нездешний человек, посмотрит на дорогую, полированную обстановку и не поверит, что хозяин тут — этот простоватый, небрежно одетый мужик.

Конечно, по сугробам в ботиночках не очень-то разбежишься, да и без полушубка в мороз не обойтись. Хороший костюм надевать под овчинный полушубок — несподручно. Вот так одно за другое цепляется и никуда не денешься: одевайся, как требует зима. Уж не до моды.

Но не только внешне, а и характером Дмитрий Иванович тоже изменился. Стал

более простым, домашним. В голосе уже редко слышался приказ, чаще он уговаривал. Уже сам тянулся к людям. Тайга... По вечерам, наверное, тоже тоскливо бывает. Живой человек... Тайга — она всех меняет.

Глухов тоже посмотрел на Артема. Кажется, он понял, о чем думает помощник лесничего. Отставил свой стакан.

— А ведь мы опускаемся тут, — сказал он с печалью. — Вы сегодня брились, Стригунов?

— Не успел, — смутился Артем, подумав, что и на самом деле бреется он от случая к случаю и вообще считает это не обязательным. Все вокруг мужики небритыми ходят. Не один он.

— Вот-вот, — усмехался Дмитрий Иванович, — сегодня не успели, завтра не успели, а там и привыкли, — построжел лицом. — Чтобы небритыми больше не приходили на работу. Понятно? Рытов вон тоже... Один Матвей Матвеевич и держится. Вот возьму и вывешу такой приказ: бриться. Если уж простых слов не поймете... А как одеты? — Глухов поднялся с кресла и, подойдя к Артему, разглядывал его, иронически кривя губы. — Смокинг я от вас не требую, но в рамках приличия можно держаться? Свитер на вас висит, какой-то он у вас... изжеванный. Штормовка на вас всегда рваная, грязная. С прошлогоднего пожара, наверное, нестирана. Кинжал вечно на поясе. Зачем вы по селу-то с кинжалом ходите? Бойтесь, нападут?

— Привычка...

— Привычка. Вы бы еще ружьями обвешались. Скоро меня не директором будете называть, а каким-нибудь атаманом, или батькой. Что у нас тут: государственное учреждение или вольница? Стыдно, товарищи, стыдно. Так мы невесть до чего дожить можем. Поедем в Ключи, так туда-то хоть оденьтесь как подобает. Чтоб не краснеть там за вас. Ладно... Думаю, сами поймете.

Когда вышли от директора, Рита уже сидела за машинкой, вчитывалась в какую-то бумагу, видимо, собиралась перепечатывать. Иван с Матвеем пошли по кабинетам, а Артем задержался. Остановился около стола. Ждал.

Рита медленно подняла на него глаза, заранее зная, кого увидит. Вымученно улыбнулась.

— Здравствуй, Рита, — чуть насмешливо сказал он.

— Здравствуй, — отозвалась она тихо и опустила глаза на клавиатуру. Голос у нее

был виноватый, и это его почему-то обнадежило. Значит, не совсем они чужие друг другу люди, что-то, значит, их связывает. Раз вина есть.

Артем тронул пальцами бок машинки. Он был такой же холодный, как и раньше, и металлический холод разлился по всему телу. Он отдернул руку.

— Больше ты мне ничего не скажешь? — спросил он с наигранной веселостью. — Ни одного слова? — а сам ждал и даже дыхание придержал, чтобы лучше услышать, если она ответит.

Рита медленно, в раздумьи помотала головой.

— Ни одного, Артюша...

— Чего ж так плохо? — Он еще по инерции говорил какие-то необязательные слова, которые можно сказать, а можно и нет, потому что они ничего не значат. Но Артем не знал уже что делать: продолжать ли их говорить, пустые слова, или попросту взять и уйти. Однако и уйти тоже не мог. Ноги не двигались.

Мимо них проходил Трофимыч в кабинет директора. Подозрительно косился сквозь очки. Очень ему интересно было.

— Иди, Артем, — сказала Рита. — Работать надо. Видишь, люди ходят, глядят. Что подумают?

— А мне все равно, что они подумают... Ты вот что... Прятаться-то скоро перестанешь? — проговорил он тверже, потому что уже понял, почему еще стоит тут, не ушел. Раз она колеблется, то ему понастойчивее надо быть. Выяснить хоть, что происходит. А то ни «да», ни «нет». Одни загадки. А сколько можно их загадывать? Пора бы определиться. — Почему прячешься-то?

— От кого?

— От меня. От кого же еще.

— А я не прячусь.

— Значит, вечером дома будешь?

— Не знаю. Может, к Спириным пойду посидеть.

— Ничего. Я дождусь, — пообещал Артем. — Сяду на крылечко и буду сидеть. Хоть до утра.

— Замерзнешь до утра-то. Окоченеешь, — хмыкнула Рита.

— Не окоченею. Шибко мне надо тебя дожидаться. Поговорить, — и пошел прочь наигранно бодрой походкой.

В кабинете его дождался Иван. Начал разглядывать, будто сто лет не видел.

— Ну, хорош... А верно говорит Глухов: докатимся мы так. Но — ничего! В Ключах подстрижемся, одеколоном нас побрызгают. На концерт ходим! Заживем, а?

— Заживем, — согласился без особой радости Артем.

— Чего кислый? А-а... — Иван пренебрежительно отмахнулся. — Лучше о них не думать. Работа — это единственное, что есть у человека. Не даст она упасть. От всего спасет... — Закурил, прошелся по кабинету из угла в угол. Такая привычка у Ивана появилась — ходить из угла в угол. У директора перенял, что ли? — Не везет нам с тобой, Артем, в личной жизни, — проговорил, жмурясь от дыма. — Не везет и все. Ну и черт с ним! — резко махнул рукой. — Давай-ка лучше подберем нужную литературу. Ходатайство составлять. Хо-да-тай-ство! — повторил он по слогам. — Слово-то какое хорошее! Так вот наше ходатайство должно быть железным! Неопровержимым! Так что перерой всю библиотеку, а найди то, что надо. Мы с Матвеем вскорости и сядем сочинять эту бумагу.

Подошел к стене, рассматривал карту. Потом взял карандаш и обвел зеленое пятно кедрача на левой стороне. На перевале. Поставим в центре пятна вопросительный знак.

— Был там? — спросил Артем.

— Нет. Не был. Слышал от мужиков, что зимовья там есть. Промысловые уголья. Надо давить на директора, чтобы скорее вертолет выбил. До снегопада бы успеть. Пока лыжню не занесло. — Насвистывая какой-то нехитрый мотивчик, разглядывал вопросительный знак, будто его не сам нарисовал, будто он появился невесть откуда.

Резко повернулся к Артему.

— Как думаешь, отчего Глухов легко согласился с нами? Может, заранее знает, что затеваем пустой номер? Или как?

Артем пожал плечами.

3

Ровно гудела печка, нагоняя в избу тепло. Надо будет еще подбросить полешков, а то к утру все выстудит. Старые стены плохо тепло держали. Утром как не хочется вылезать из-под одеяла, когда пол холоден и крутится парок от дыхания.

Артем отодвинулся от стола, на котором ворохом лежали карточки наблюдений лесников, полевые дневники. Постоял перед ними в раздумье, поморщился. Хотелось к утру сделать всю черновую работу — привести в систему неумелые записи лесников, найти нужные статьи из журналов для Ивана, а дело никак не шло. Он не мог сосредоточиться, что-то мешало изнутри.

Подбросив поленьев в печь, прошелся

по комнате, на глаза попался транзисторный приемничек, купленный осенью в Ключах. Включил, покрутил ручку настройки. Сквозь трески и шорохи проклюнулась далекая музыка. Нелегко ей было добираться сюда через хребты, но все-таки хоть и обесиленная, а добралась, заполнила собою избу, и уже не так одиноко стало, будто живая душа появилась рядом.

В последние дни Артем нарочно брал работу на дом, чтобы заслониться работой от своих дум. Самым трудным временем суток стала для него ночь. Днем гораздо легче. Дела отвлекают, разная суета, да и на людях все время. А вечером — некуда деться от самого себя. И если раньше он еще как-то спасался: обкладывался книгами, то теперь уже и книги не помогали. Глазами видел строки, а смысл не доходил до Артема. И уже никакая работа не шла. Сегодня же он вообще понял: все. Надо что-то делать. Либо решительно поговорить с Ритой, либо... И терялся: а что «либо»? Сердце вздрагивало, замирало. Томило непонятное предчувствие.

И только сейчас, когда отстранился от бумаж и включил музыку, его кольнуло: надо идти сейчас. Именно сейчас. Вот отчего предчувствие и сердцебиение. Он увидит ее, поговорит, а душа уже обогнала события, заглянула вперед, в неведомое пока и мучает его. Знать бы будущее...

Артем взглянул на часы. Было восемь. Пора. Время будто подтолкнуло его. Он начал поспешно одеваться, а сердце жглось в предчувствии, обжигало и торопило его: скорее, скорее.

Он выскочил на крыльцо.

Стояло полнолуние. Снежная поляна перед домом была залита голубым сиянием, льдисто искрилась, и ему подумалось, что даже зимой поляна не потеряла своей красоты, что умерщвленная морозом и снегом накрытая она все-таки прекрасна. Артему даже казалось, что он слышит, как вспыхивают с тихим звоном быстрые искры на снегу и гаснут шипя, как шуршат в стылом зачарованном березнике синие ломаные тени.

Необыкновенный был вечер, непохожий на другие, и его снова кольнуло предчувствие, что особенная красота сегодня тоже не случайна и что он не может обмануться в ожиданиях.

«Ничего, сегодня ты будешь дома. Обязательно будешь. Никуда не денешься», — с тайной метительностью подумал Артем, соскочив с крыльца на хрусткую тропинку.

За ним увязался Норд. Артем хотел

прогнать пса, потому что тот обязательно ввяжется в драку, поднимет в деревне шум, и люди, выйдя на свару, могут увидеть, куда он, Артем, идет. Но потом подумал и махнул рукой. А-а, иди... Что будет, то будет.

В селе было тихо. Кое-где по дворам взлаивали собаки, услышав скрип снега за околицей. Норд ответно рычал, готовый тут же броситься в драку, но собаки из дворов не выскакивали, только лениво отбредивались, будто и они понимали, какой это был вечер, и Артем шел дальше, чувствуя щекой влажное дыхание озера. Из тьмы долетал звонкий треск лопающегося в заливе льда.

В окне Ритино дома, приглушенного занавесками, виднелся желтоватый свет. Дома. Никуда не ушла. Ждет...

Осторожно, чтобы не скрипнуть, Артем отворил калитку и огляделся. Никого. В соседних домах света не видно. Полуденцы рано спать ложатся.

Легонько постучал в застывшее стекло и прислушался, сотрясаемый ошалелыми ударами сердца. Ждал, когда в избе отзовутся. И уже искал слова, которые он скажет Рите. Разговаривал он с ней в последнее время тихо и слова подбирал осторожные, тихие, будто связывало их что-то очень маленькое и хрупкое, которое можно сломать неосторожным обращением, громким словом, но сегодня Артем будет говорить слова твердые и решительные. Он не боялся ничего испортить. С горечью осознавал, что и портить было уже нечего.

В глубине избы обозначилось движение. Кажется, ворохнулась занавеска на окне от воздуха. В сенях скрипнули промороженные половицы.

— Кто там? — приглушенный Ритин голос из-за двери.

— Я, — громко сказал Артем, удивляясь своей решительности. Не просительно и не робко звучал его голос, как прежде, а твердо, по-хозяйски. Так отвечает муж своей жене, возвращаясь вечером с работы. Артем за себя порадовался.

В сенях немного помедлили, решая: впустить, нет? Потом щелкнул откинутый крючок.

— Проходи, — проговорила Рита с озаченным вздохом, отступая в сторону, и Артем уловил теплоту ее дыхания. На миг он даже задохнулся. Едва пересилил себя, чтобы не обнять ее тут же, на морозе. И хорошо сделал, что не обнял. Мужик у него следует так раскисать. Ступая твердо, по-хозяйски же, прошел в комнату, где уютно

топилась печь. Остановился возле порога не из робости — надо было раздеться. Сам раздеваться он просто не хотел, ждал, когда пригласят.

Огляделся жадно. На столе светила маленькая лампа-ночник и рядом — раскрытая книжка. Негромко тикали ходики, отсчитывали время. Давно он не был тут, в этом уюте и покое. Давно... Уж забыл, когда это и было.

Вернулась из сеней Рита в цветастом халатике. Зябко поежилась и подбросила полешко в печь.

Обернулась к Артему.

— Раздевайся. Раз уж пришел.

Артем молча, неторопливо разделся.

— Чай пить будешь? — в ее голосе и недовольство, что пришел, и жалость, и еще что-то. Пока неуловимое. Что ж, уловим...

— Спасибо. Только ужинал, — бодро отозвался Артем. Когда еще шел к Рите, решил: безо всяких слюней. Сесть к столу, если пригласит, а пригласить должна. Все-таки — гость. И — четко: я, Рита, не мальчик. Игра в загадки мне ни к чему. Я тебя люблю и предлагаю стать моей женой. Давай решим окончательно: «да» или «нет». Если «да», будем готовить свадьбу, а «нет» — значит, все. До свидания. И уйти достойно. Как положено мужику.

— Закурить разрешишь?

Поискала пепельницу. Принесла. Поставила на стол.

Сели друг против друга. Ну вот, пора и начинать. Сейчас Артем сделает несколько затяжек, соберется внутренне и начнет. А она будет слушать. Все как и предвидел. Сейчас...

Артем глянул мельком на разобранную постель.

— Я тебя с постели поднял? Ты уже ложилась? — спросил он для разгону. Чтобы с чего-то начать.

— Ложилась.

— Извини, я недолго.

— Ладно, извиняю... — Она чему-то легонько, краешками губ усмехалась. Непонятная у нее была улыбка. С толку сбивала. С начатого тона. — Ну, говори...

— Что говорить? — Артем почувствовал, что теряется, и что это с ним не первый раз. Всегда она его сбивает с толку, обезоруживает и все его твердые, решительные слова раскисают. Но он взял себя в руки. И даже озлился.

— Как что? — непонятно усмехалась Рита, ласково усмехалась, обнадеживающе. — Ты же пришел ко мне что-то сказать? Или как?

— Сказать, — кивнул Артем.

— Ну, начинай. Я послушаю...

— Так вот, Рита... — начал Артем, выкатывая тяжелые слова, от которых он давно уже истомился и которые держать в себе больше было никак нельзя. — Надо как-то решать. Так больше нельзя. Время прошло много. Должна уж определиться. Я — так я, Анисим — так Анисим, — и постукивал дымящейся сигареткой о край пепельницы. — Тянуть больше нельзя.

Рита наблюдала, как тугой спиралькой скручивался сизый дымок от сигареты, и молчала.

— А если Анисим? — вдруг с живостью спросила она, и в ее чуть хрипловатом голосе был вызов.

Артем поднял глаза.

Сидела Рита, низко привалившись к столу, подперев голову руками и смотрела снизу вверх. Халатик на шее разъехался, но она этого, кажется, не замечала. В прези халатика матово белела грудь.

Артем поперхнулся от дыма и затушил сигарету.

— Ну а все-таки? — спрашивала Рита, и обнадеживая глазами, и отталкивая. — Если Анисим? Тогда как?

— Значит, не судьба, — пожал плечами Артем, стараясь не смотреть в разрез Ритино халатика. — Перемучаюсь как-нибудь да и дальше жить буду. Куда деваться...

— И больше ко мне не придешь?

— Не приду. Это уж я тебе обещаю, — сказал он твердо и твердо же посмотрел ей в глаза.

— А ты, однако, сильный, — неясно усмехнулась Рита и поднялась, лениво поправляя волосы.

— Какой уж есть.

С неясной улыбкой она медленно обошла стол и остановилась за спиной Артема. Она стояла сзади него так близко, что он улавливал ее теплое дыхание на своем затылке, но не поворачивался к ней и только замер весь, напряжился, ожидая чего-то. Он даже вздрогнул, когда ощутил прикосновение Ритиной ладони на своей щеке.

— Вот и молодец, — размягченно и лениво говорила Рита, поглаживая его щеку рукой, перебирая волосы на голове, и от этого Артема будто пронизывало током — тоненькие иголочки пронизывали кожу и сладко отдавались в сердце. — Это мы, бабы — слабые. А мужики должны быть сильнее, — говорила она нараспев, ласково, материнским, уговаривающим голосом. — Ты мне пообещал, Артюша, и я тебе верю. Ведь ты не обманешь меня?

— Рита...— проговорил он перехваченным горлом и захлебнулся. Ему не хватало воздуха.

— Ну? — она обняла его сзади, прикинула своей щекой к его. Легкие Ритины волосы щекотали его шею, запах ее волос пьянил его. Он уже не чувствовал самого себя, и стул, на котором он сидел, оторвался от пола, покачивался, будто на волнах.— Ну? Чего? — все спрашивала Рита и понизила голос до шепота. Горячий у нее был шепот, обжигающий.

— Рита,— проговорил он снова, вкладывая в голос остатки воли, слабея с каждой секундой.— Я на пределе. Ты же видишь...

— Ну и что ж...— выдохнула она.

Качнулись стены и потолок, поплыли перед глазами. С треском отлетел стул, и Рита была уже в его объятиях — неправдоподобно близкая, как в мучавших его снах, дышащая теплом и покоем, загадочно податливая под его жадными, нетерпеливыми ласками...

...В комнате стелился мягкий полумрак. По стенам и потолку скакали золотые отблески из печи. Было уютно и тихо. И Рита была рядом. Он ощущал тепло ее тела, и сердце заходило от благодарности и нежности к ней.

— Ты — удивительная. Ты — прекрасная,— шептал Артем, как во сне, касаясь горячими губами шелковистой кожи ее лица.

— Какая там прекрасная,— тихо смеялась она.— Обыкновенная. Как все.

— Нет, не как все,— с отчаянием спорил он, прикрывая ее губы рукой.— Ты на самом деле — прекрасная. Даже сама не знаешь. Сколько в тебе радости таится. Сроду у меня такого счастья не было. Верить?

— Верю,— загадочно смеялась она.— Как же не верить.

И они надолго забылись...

— Знаешь, вечер сегодня был такой... прямо удивительный. Я на крыльцо вышел и обомлел: красота такая... Небо глубоко-глубокое. Необыкновенное небо. Сроду такого не видел. И вся поляна — голубоватая. Снег на ней искрится, вспыхивает. Даже сердце екнуло, до чего красиво было. Я еще подумал, что это не случайно. Вернее, я не подумал, просто предчувствие какое-то появилось. Странное предчувствие... Все-таки, я верю в предчувствия. Ведь я не ошибся.

А ты веришь? Ты что-нибудь чувствовала? Ну хоть немного?

— Конечно...

— Вот видишь. Мы оба почувствовали. А вообще я заметил за собой, что тут, в тайге, стад гораздо острее чувствовать. Большая разница: в городе живет человек или на природе. В городе все это притупляется, гложет. А стоит человеку уехать в тайгу, пожить там — и природа возвращает ему многое из того, чего городской человек навсегда лишился. У меня, например, нюх стал лучше... Да ты не смейся. На самом деле. Или вот по тайге идешь и даже затылком чувствуешь: есть сзади тебя кто-то или нет. Если есть — тебя будто что-то подталкивает и заставляет обернуться. Там каждая клеточка тела напряжена и не только ушами, всем телом слышишь. Даже удивительно... Ты не смеешься?

— Нет, Артюша!

— О чем ты задумалась?

— Ты удачлив будешь, Артюша. У тебя впереди хорошо будет.

— Почему ты так думаешь?

— Предчувствую. Женщины всегда знают, какое будущее у мужчин. Они редко ошибаются.

— Значит, оно и у тебя хорошее будет... У тебя так глаза блестят... Кожа у тебя шелковая-шелковая... Удивительно, какую я к тебе родность чувствую. Будто я тебя сто лет уже знал, и мы никогда не расставались... Настолько твое тело родное мне. Сердце готово разорваться от радости...

— Мне очень спокойно с тобой, Рита. Какой-то огромный камень, который я носил на себе, вдруг свалился с плеч. И такое облегчение... Я сейчас ужасно легкий. Мне кажется, что даже полететь бы мог, если бы захотел. И вообще сил я в себе столько узнал, удивительно, сколько их сейчас во мне. Я бы сейчас по тайге сколько угодно мог бы идти и не устал бы. Это ты мне дала силы... А вообще интересно человек устроен. Для счастья ему никакого богатства не надо. Ему и надо-то только быть рядом с тем, кого любишь. Вот ты со мной, и мне больше никакого счастья не надо. Другого. Его и так во мне столько много, что даже страшно... Ты плачешь? Отчего?

— Да так... Пустое. Не обращай внимания. Мне тоже с тобой хорошо, Артюша. До слез хорошо...

...Гасли по стенам золотые отблески. Громко тикали невидимые ходики, отсчитывая счастливое время. Артем и Рита лежали молча, будто затаились со своими думами, прислушивались к металлическому стуку часов.

— Ну вот и все... — отрешенно произнесла Рита. И вздохнула.

— Как — все? — спросил Артем и приподнялся на локте, заглядывая в темные глаза.

— А так... Замуж-то мне придется идти за Анисима.

— Почему? О чем ты говоришь, Рита? После всего...

— Глупенький ты... — она теснее прижалась к нему. — Куда же мне его девать? У него двое ребятишек. Мать-то уж старенькая очень. Еле справляется с ними. Да еще Иванов сын у них часто бывает, когда отец в тайге. Как мне Анисима не жалеть? Жизнь у него не сладкая. — Рита говорила тихо, задумчиво, выстраданно, и столько в ее голосе было обреченности, смирения с неизбежностью, что у него зашлось сердце.

— А я? — спросил Артем, замирая от ожидания. — А как же я?

— Ты — молодой, — улыбалась в темноте грустно и светло и уговаривала, как может уговаривать только мать — ласково и мягко. — Тебе жениться легко будет. Поедешь в Ключи, найдешь себе там хорошую девушку, привезешь. А Анисиму — не просто жениться. В Полуденном у нас, сам знаешь, женщин холостых нет. Только я одна. Кто к нему из Ключей поедет? В такую даль? К пожилому вдовцу. С двумя детьми на руках.

— Значит, из жалости пойдешь за него? — спросил Артем зло и отчужденно отстранился от Риты.

Она нашла его руку и тихонько целовала ладонь.

— Почему из жалости? Жалость совсем ни при чем. Просто делаю по-людски. Как должно быть. Спроси любого: за кого Рите идти? Скажут: конечно, за Анисима. И правильно скажут. Так уж наша жизнь тут устроена. Лишился мужик бабы, и первая вдова — его. Ни чья больше. Такой закон. А там уж гадай, хороший он, этот закон, или плохой. Я думаю: плохой закон люди бы не выдумали. Необходимость заставила.

— Значит, по любви тут нельзя? — мрачно усмехнулся Артем. Принес сигареты, сел на край кровати, закурил.

— Я же вдова, Артюша. А любовь... Любовь моя в озере похоронена. Не свободная я ни для кого.

— Тогда почему ты со мной?

— Осуждаешь? — горько спросила она. Он промолчал, жадно затягиваясь сигаретой.

— Как ты ко мне относишься?

— Дурачок... Зачем ты спрашиваешь?

Плохо бы относилась, разве был бы ты сейчас у меня? — Вздохнула. — Не ровня ты мне, Артюша, вот в чем моя беда. Не по годам не ровня, по жизни. Прожила-то я больше. Вот какое дело... Во мне сейчас два человека живут. Женщина, которая уже много повидала, многое пережила, и девчонка. Наивная девчонка. Она еще на что-то надеется, а надеяться не на что. Все у нее в прошлом... Вот если все бросить и уехать с тобой из Полуденного куда-нибудь далеко-далеко, так нет. Не смогу я. У меня тут, на озере, все. Да и совесть замучает. Опять же и ты не поедешь. Зачем тебе ради меня бросать работу. Зачем еще какой-то жизни искать? У тебя все хорошо будет. И на работе, и вообще. Попомни мое слово. Найдешь хорошую девушку и будешь жить. С начала. А мне с начала нельзя. Прошлого во мне много. Мешать оно будет и тебе и мне. Я знаю...

— А с Анисимом? С ним прошлое мешать не будет?

— С ним — не будет. Мужик он неплохой, мне нравится. Обходительный такой, серьезный, заботливый. Мы с ним по второй жизни начнем. Одинаково. Мы — ровня, хотя и годы разные.

— Видел бы нас Анисим, — горько усмехнулся Артем.

— А он знает, что ты у меня, — ровно сказала Рита, спокойно сообщила совсем малозначительную вещь.

— Как знает? — Артем даже вскочил от неожиданности. Ему показалось, что он ослышался.

— Так. Знает, что я с тобой нынче прощаюсь. Я сама ему сказала. Да ты сядь, сядь... Посиди со мной напоследок.

Артем тяжело опустил ся.

— Дай я тебя поцелую на дорожку. У тебя будет много счастья. И жена тебя любить будет. Ты — сильный и хороший.

Она поцеловала его в губы и отстраняла.

— А теперь иди, Артюша. Я тебе отдала все, что могла...

Она вышла запереть за ним дверь в сенях.

— Прощай, — сказал Артем жестко и стал ждать, когда Рита уйдет. Но она не

уходила. Ее лицо белело в дверном проеме, обволакивалось клубами морозного пара.

— Иди, а то простынешь,— проговорил Артем мягче и, приблизившись, погладил ее волосы.

Рита задержала его руку.

— Только, знаешь, Артюша, ты на меня зла не держи. Ладно? Не надо. Мы ведь все родня тут. И не смотри на меня больше. А то я мучиться буду.

— Понятно,— чужим, скрипучим голосом отозвался он, не в силах оторваться от ее лица, которое все растворялось и растворялось, заволакивалось паром. Он до крови прикусил губу и повернулся, пошел к калитке. И уже в спину ему щелкнул крючок, будто курок взвели.

Отойдя от калитки, Артем обернулся в последний раз. Окна Ритино дома были уже темны. И кругом темень была. Ни огонька в деревне, даже небо стало угольно-черным. В душе была тоже непроглядная темень.

Откуда-то налетел Норд, прыгал вокруг хозяина, стараясь лизнуть в лицо. Артем даже не отстранялся.

4

Погода все эти дни стояла ветреная, озеро стонало от северянки, и Иван радовался, поглядывая в окно из кабинета. Середина зимы, а смотри: еще плыть можно. Сделать бы этот последний рейс да и успокоиться до весны.

Бумагу в Ключевской райисполком общими усилиями составили, отпечатали и поставили на ней нужные росписи. Пускай документ этот в райисполкоме рассмотрят, а если поддержат заповедник, дадут, ей ход — отправят в область. И тогда придется только ждать решения. Но — это в лучшем случае. А если райисполком будет против? А если райком не поддержит? Много набирается разных «если». Во всяком случае, в Ключах видно будет, что и как. Обстановка покажет.

Иван нервничал. Пора было плыть, да Трофимыч задерживал. То какие-то накладные не успел оформить, то еще что-то. Вот так одно к другому, а рейс откладывался. Благо, еще погода стояла ветреная, залив не застывал.

Но утром, когда уже все собрались на пристани, обнаружилось, что залив все-таки схватился льдом.

Иван даже сплюнул с досады. Сорвется рейс — раньше весны они не попадут в

Ключи, и вопрос о левобережье отложится на долгий срок. А сколько можно тянуть? Он с неприязнью покосился на бухгалтера.

— Дождались!

— Отставим? Или как? — спрашивал Ларион с дамбы. Он даже и на «Дозор» не собирался подниматься.

— Я т-те отставляю,— сквозь зубы процедил Иван. И оглянулся на Трофимыча.

— Открывайте склад. Раздавайте ломы. Долбить будем.

Позвали рабочих с пилорамы, обходчиков — и началась работа.

Через два часа «Дозор», словно ледокол, вылез на чистую воду. Успокоившись, Глухов, Трофимыч и Иван сели играть в карты за круглым столом посреди каюты, чтоб веселее плыть. Звали и Артема, но он отказался. Умостился на узком диванчике возле иллюминатора с учебником по химии. Дорога предстояла долгая, чего время терять? Уж лучше делом заняться.

Монотонный гул двигателя убаюкивал. Сквозь этот гул и вкрадчивое шуршание льдин за бортом Артем слышал азартные выкрики играющих, и вдруг ему стало необыкновенно хорошо и уютно оттого, что эти люди недавно были чуть ли не врагами, вечно у них были разногласия и споры, теперь вместе едут отстаивать общее дело. Притерлись-таки друг к другу. И Иван к Глухову, и Глухов к Ивану. Притерлись, никому не делись. И от этого заповеднику — одна польза. Только бы не нарушалось это их единство. Никогда.

С этими мыслями Артем ушел в книгу и уже больше не отвлекался. Очнулся он от гулких шагов по палубе.

В каюту заглядывал Ларион.

— Где приставать будем? В Новых Ключах или в Старых?

— В Старых,— сказал Иван.— Мы сначала в леспромхоз к Жолину зайдем. С ним поговорим сначала.

Артем посмотрел в иллюминатор. На воле дул ветер, косо падал снег и таял в черной воде. Невдалеке виднелись обледеневшие сваи ключевского причала. На берегу маячили серые склады и серые же, с белой опушкой крыши поселка.

Неласковой погодой встретили их Ключи, как бы неласковость эта не передалась и людям, к которым приехали.

По дороге к леспромхозу Иван был озабочен, он как бы углубился в себя, собирая мысли для разговора. Нагрузка в предстоящем деле лежала на нем самая основная. Глухов — он директор, и будет высказывать только общие положения, а доказывать

с научной точки зрения, вдаваться в мелкие подробности — это уж дело специалиста.

Подошли к длинному бараку, который ничем особым не отличался от других жилых барачков. Только здесь были выцветшие плакаты у фасада и тусклая доска показателей с полустершимися фамилиями и цифрами.

— Ну, с богом, что ли? — спросил Трофимыч, протирая платком свои круглые, в железной оправе очки. — По старому русскому обычаю перекреститься надо.

— Обойдемся, — буркнул Иван.

— Обойдемся... — усмехнулся Трофимыч. — А душа-то, наверно, беспокойная? Неловко вам креститься? Ну, ладно, я за вас уж так и быть помолюсь. Авось, дело стронется. Не нами придумано, — и он, предвзвешенно глянув по сторонам, торопливо перекрестился.

Дело у него действительно пошло быстро. Едва он переступил порог конторы, как столкнулся со здешним завхозом, что само по себе было уже большой удачей.

Трофимыч торопливо поставил свой разбухший портфель на пол и обнялся с завхозом, словно с братом после долгой разлуки. Маленькие глазки за очками так и таяли от умиления. Леспромхозовский хозяйственник выказывал радости меньше, был более сдержан в чувствах, однако с надеждой косился на портфель Трофимыча, сильно пахнущий копченой рыбой, и скоро оба они скрылись за дверью с табличкой «ЛХО».

Глухов только головой покачал.

— Он теперь как клещ вопьется в этого дядю. Не отцепится, пока чего-нибудь не выпросит. Ох, и пробивной! На живом месте дыру вертит.

— Может и нам так? — улыбнулся Иван. — Бросится сейчас к Жолину с распростертыми, он и растает.

— У нас так не получится, — помотал головой Глухов. — Ни у себя, ни у вас я такого таланта не примечал.

Однако, несмотря на неласковую погоду, Жолин встретил их хорошо. Усадил в своем кабинете на мягкие стулья и даже сам сел не в свое директорское кресло, а тоже на стул, рядом со всеми, чтобы не чувствовалось официальности. Мы, дескать, тут все равны: и хозяева, и гости.

Жолин и Глухов улыбочиво рассматривали друг друга. Один гадал, зачем это соседи пожаловали, другой пытался предугадать, что из этого визита получится.

— Вот, Иннокентий Семенович, мы к

вам целой делегацией, — сказал Глухов и кивнул на лесничего с помощником.

Красное, обветренное лицо Жолина протодушно улыбалось, дескать, гостям мы всегда рады, милости просим. Он не торопился с вопросами. Гости пожаловали не шибко богатые, ждуть от них каких-то благ не приходится, наоборот, судя по смущенному виду директора заповедника, собираются что-то просить.

— Как у вас тут жизнь? — спрашивал Глухов. Ему неловко было сразу же приступить к делу.

— Помаленечку, — скромно ответил Жолин. — Не так, чтоб уж совсем плохо, но и хвастать нечем.

— План даете?

— Даем. Выкручиваемся кое-как. Но — трудненько, Дмитрий Иванович, трудненько... — Жолин тяжело вздохнул. — Условия у нас шибко сложные. Горы все-таки. Попробуй-ка, возьми оттуда древесной. Хорошо вам: никакого плана. Живи да радуйся.

— Плана у нас нет, это верно, — заметил Глухов, — да только радоваться не от чего. Забот у нас тоже много. То браконьеры, то еще что-нибудь. Рабочие вот разбегаются. К вам бегут. В Ключи. Скоро работать некому будет.

— Не к нам, Дмитрий Иванович, не к нам, — помотал головой Жолин. — В Ключи, да не в наши. В Новые Ключи бегут. На ту сторону. Рудоуправление шибко разворачивается, вот туда и бегут мужики. У нас, как будто бы и условия получше ваших, да только и от нас большая утечка кадров. С таким соседом, как рудоуправление — тягаться трудно. Беспокойный сосед. Ох, беспокойный. Не знаешь, чего и ждуть от него.

— Это верно, — согласился Глухов и, помолчав, начал озабоченно: — А ведь мы к вам, Иннокентий Семенович, по делу. Хотим с вами посоветоваться насчет левого бережья.

Выгоревшие, с рыжинкой брови Жолина приподнялись. Уж чего-чего, а такого оборота он не ждал. Но продолжал внимательно слушать. Он уже понял в чем дело. Вопрос поднимался полезный для леспромхоза, однако, чтобы не попасть впропуск, думал, как вести себя в такой сложной ситуации.

— Видите ли какое дело, — продолжал Глухов, — специалисты наши... — кивнул на Ивана, — говорят, что получается несуразность. Склоны левого берега оголяются и происходит размыв склона. Нарушается режим озера. И вот мы решили с вами посо-

ветоваться насчет того, как бы нам левый берег по хребту взять на свой баланс.. Что-бы сохранить озеро. Понимаете?

— Понимаю,— кивнул Жолин.

— Мы еще нигде этого вопроса не обговаривали, к вам первому зашли. Узнать, как вы к этому отнесетесь.

Жолин посмотрел в окно на белый хребет левобережья, будто прикидывал, что с ним делать. Отдать или нет.

— Ну что же. Если на это дело посмотреть с точки зрения охраны озера,— заговорил он после некоторого молчания,— то вы, конечно, правы. Я вас очень даже понимаю. Будь моя воля, я бы без разговоров отдал вам левобережье.

— Не жалко?— улыбнулся Глухов.— Лишаться такого куска?

— Чего его жалеть? Если сказать откровенно, он у нас, как бельмо на глазу, этот кусок. Трудно нам брать древесиной на берегу. Трактористы едут туда прямо из-под палки. Крутизна, скалы, того и гляди загремишь в озеро. А трактора ломаются! Запчастей не напасешься. Дорого нам обходится берег. Ничего не скажешь — дорого.

— Значит, вам выгодно, если мы возьмем берег?

— Выгодно, Дмитрий Иванович, выгодно. У нас и на ровных-то местах, за хребтом, скоро некому работать будет, не то что на прибрежных крутяках. Шибко нас рудоуправление дергает. Прямо подчистую метет. И никакой управы.

— Мы насчет этого хотим в райкоме поговорить,— сказал Глухов.— Чтобы наших людей не трогали.

— Поговорите, — улыбался Жолин.— Только вот не знаю, будет ли прок. И вот что еще я скажу вам, Дмитрий Иванович. Если кто и будет сильно против вашей за-теи, то это рудоуправление.

— Почему?

— Широко они начинают работать.— Понизил голос, будто кто мог услышать посторонний.— В наших угодьях изыскания ведут. Понимаете? Партия геологов-разведчиков вверх идет. Чует мое сердце, понастроят они тут рудников.

— Нашли жилу на левобережье? — спросил Иван.

— Этого они нам не докладывают. Только я так думаю, что зря они ковыряются не станут. Да еще зимой. Вам с этим делом сильно торопиться надо. Найдут жилу — тогда все пропало.

— Это правда, — согласился Иван.— Тогда хоть головой о стенку бейся. Золото никто не бросит.

— Сложное дело, сложное,— нахмурился Дмитрий Иванович.— Придется нам искать союзников. Вот вы, Иннокентий Семенович, пошли бы к нам в союзники?

— Я? — очень удивился Жолин.

— Вы, Иннокентий Семенович. Вот если бы вы со своей стороны выступили с предложением остановить валку леса на прибрежном склоне да обосновали бы свое предложение серьезными доводами, вы бы нам крупно помогли. И нам бы помогли, и себе бы лучше сделали. Так что польза — обоюдная.

— Нет, товарищи,— Жолин с сожалением покрутил головой.— Этого я делать не стану. Вы уж меня простите.

— Ну, отчего, Иннокентий Семенович?

— Посудите сами: как управление лесного хозяйства посмотрит на директора леспромхоза, который разбазаривает угодья? Уменьшает заготовительный клин? Я бы на месте управляющего просто выгнал с работы такого директора. Поймите, у меня очень сложное положение. Встаньте на мое место.

— Ну хотя бы сослаться на вас в райкоме можно? — спросил Иван.— Что вы жалуетесь...

— Нет, братцы, нет. Ни на что я не жалуюсь. Не надо на меня ссылаться. Трудности у нас, конечно, есть, но мы не ропщем. Работаем неплохо, план даем. А без трудностей и не бывает. Так что на меня показывать не надо. Я вам высказал свое личное мнение. А я могу и ошибиться. Так ведь?

— Так...— отозвался Иван и глядел на Жолина. Вспоминал старое время, когда еще Жолин был его прямой начальник. Навезжал в Полуденное Иннокентий Семенович в телогрейке, в простых спецовочных штанах и своим видом совсем не выделялся из толпы лесников. Вместе со всеми курил махорку и разговоры вел простые, на простом, мужицком языке, мог и слово заковыристое ввернуть, что всем нравилось. То ли рядился Жолин под мужика, или в самом деле таким был, гадать трудно, но Ивану он раньше нравился. За простоту обхождения. Теперь, глядя в светлые глаза директора леспромхоза, Иван понимал, что простоватый с виду Иннокентий Семенович похитрее Глухова. Гораздо, никакого сравнения нет. Глухов — тот ведет политику, что называется, в лоб. Жолин в лоб никогда не попреет. Нет. Он умеет в малом согласиться, быть добродушным, своим парнем, так что и сообразить не успеешь, как выйдет по его. Приедет, бывало, в Полуденное, окру-

жат его мужики и давай жаловаться: крыши протекают. Кровельного железа нет. Помогай, директор. Иннокентий Семенович выслушает всех внимательно, озабочится лицом, горестно покачает головой, посочувствует каждому и ловко переведет разговор на другое. Пересыплет свои слова шутками да прибаутками и уплывет назад, а лесники растерянно таращатся друг на друга: вроде ничего им директор не пообещал, а все как будто довольны. Прямо чудо какое-то.

Иван отвернулся. Глухов тоже опустил глаза, чтобы не видеть Иннокентия Семеновича, а тому — ничего. Глядит прямо, и в лице ни тени смущения.

Артем даже задохнулся от возмущения. — Значит, Иннокентий Семенович, — громко сказал он, покраснев от возбуждения, — вы хотите, чтобы все это произошло без вашего вмешательства? Чтобы в случае чего не обжечься?

Жолин укоризненно посмотрел на Глухова.

— Это помощник лесничего Стригунов, — сказал Глухов негромко.

— Твой помощник, Иван Прокопич? — поинтересовался Жолин и покачал головой. — А он у тебя невежливый.

— Если я выразился невежливо, то простите меня, — сказал Артем и встал. — Надо к этому вопросу подойти по-государственному. Склон левобережья для заповедника имеет большое значение, а вам он в тягость. Надо поступить так, чтобы было выгодно государству в целом. А не лично мне или лично вам.

— Не надо меня учить, Стригунов, — мягко сказал Жолин. Он не рассердился. Совсем нет. Лицо его оставалось спокойным и снисходительным, только печальная складка легла у рта. — За свою жизнь я, Стригунов, всего повидал. Сильно-то смелые, они тут у нас мало живут. Не приживаются... — Вздохнул и повернулся к Глухову. — Вы на меня, Дмитрий Иванович, не обижайтесь. Как руководители и пожилые люди мы можем понять друг друга... Вот если пригласят меня в райком, спросят, как я отношусь к тому, чтобы списать левобережье, я скажу свое мнение.

— А если не пригласят? — поднял голову Глухов.

Жолин пожал плечами.

— Сам высовываться я не буду. Меня просто не поймут.

Глухов поднялся. Пора было подниматься.

— Ну что ж, и на том спасибо, Иннокентий Семенович. По крайней мере, хоть

ситуацию поняли яснее. Хоть против не будете, и то хорошо... Надо идти устраиваться в гостиницу.

Жолин вышел в коридор проводить гостей. Обнял Ивана за плечи, заглянул в глаза ласково.

— А шустрый у тебя помощник, — сказал он. — Больно шустрый.

— Нам иначе нельзя, — отшутился Иван.

— Как твои кедровые? Растут?

— Растут, куда им деваться.

— Хоть бы опыт нам передал.

— Это можно. Вот левый берег отвоюем, начнем ваши пролысины засаживать, тогда и научим. Присылайте рабочих — обучим. Нам не жалко. — Иван улыбнулся.

— Поглядим, поглядим... Живешь-то все один?

— Один.

— Да, трудненько, трудненько... — сочувственно вздыхал Жолин. — Интеллигентной бабе у вас не прижиться. У нас еще так-сяк. Все-таки райцентр. Разное благоустройство. А у вас — глухо. Не вернется к тебе туда баба... — Жолин пропустил вперед Глухова с Артемом, и вел Ивана позади. — А у меня опять же — беда. Главного лесничего в управление забирают. Головастый мужик — жалко. Не знаю, кого и ставить на его место, — тихонько жаловался Иннокентий Семенович.

— Что уж так и некого?

— Есть людишки, есть, да все не то. Вот тебя бы я взял, Ваня. Да ты ведь не пойдешь? Или как?

— Не надо, Иннокентий Семенович...

— Ну, не надо, так не надо. Свято место пусто не будет.

Вышли на крыльцо.

— Иннокентий Семенович, — спросил Иван, — у вас в кедровом на Щучьем кто нынче промышляет?

— Из штатных охотников? — Жолин задумался, пожевал губами. — С осени ближние участки разобрали, а о том кедровом и речи даже не было. Никто не просился. Нынче охотников-то осталось: раз — два и обчелся. Побросали мужики промысел, на руднике работают. Там и поспокойнее, и заработки твердые. До пяти отработал и домой, в тепло. Ни холода, ни голода. Избаловались мужички, избаловались. Которые остались на промысле, так далеко и не забираются. Норовят поближе устроиться. А что такое?

— Кто-то в верхнем кедровом обжился. Там капканит да и у нас, за Сельгой, прихватывает... Вот я и подумал, что, может, кто из ваших там.

— Не знаю. Убей не знаю,— развел Жолин руками.— Кедрач тот я никому не отписывал. Послать бы людей, посмотреть, кто безобразничает, да кого пошлешь? Далеко шибко. И не до этого нам сейчас. Других забот хватает.

— А если мы время выберем. Разрешите?

— А чего ж не разрешить. Сходите. Только потом поставьте меня в известность, кто там. Я в своих угодах самовольства тоже не терплю.

Простились на крыльце с ласковым Жолиным и медленно пошли к мосту через узкое в этом месте озеро — в Новые Ключи.

Снег уже кончился, и небо просветлело. На причале четко белел «Дозор», будто нарисованный он был среди черной воды. Какие-то люди тащили на катер тяжелый ящик. Возле них крутился Трофимыч. Вот у кого была удача.

— Ну, как, поубавилось уверенности? — насмешливо спросил Глухов.— Жолин-то видели? Налимом из рук выскользнул. Как сами понимаете, не так просто взять лево-бережье.

— Ничего,— бодро проговорил Артем,— главное — уверенность терять не надо. Уверенность потеряем — тогда все.

— А с уверенностью мы выиграем? — улыбался Глухов.

— Обязательно!

— Ну, будем надеяться. Раз Стригунов сказал.

Невидимое солнце перевалило за горы и сразу стемнело, словно в селе задвинули шторы.

Шли уже в сумерках по слабо освещенным улицам, но едва перешли дощатый мост, который казался границей, связывающей Новые Ключи и Старые, как впереди замаячили синеватые фонари.

Артем еще не бывал здесь, в Новых Ключах, потому что районный центр перенесен сюда из Старых Ключей совсем недавно. Приезжая раньше, он только видел издали строительство, теперь же с восхищением смотрел на тонкие, серебристые столбы, рядами тянущиеся вдоль улиц. Шейки столбов были плавно выгнуты, над яркими лампами стлы голубые ореолы. Ясно светились окна двух- и трехэтажных домов, полыхали неонами витрины магазинов.

Таинственно в сумерках выглядели Новые Ключи, как любой город вечером. И куда-то спешили празднично одетые люди. Может, в кино, а может, и на концерт.

Никак не меньше. Во всяком случае, так думалось, глядя на них со стороны.

— Ну что, ребята, завидно? — спросил мечтательно Глухов и вздохнул.— Красиво черти живут. Красиво. Ничего не скажешь.

И Иван с Артемом молчали. Действительно, нечего было сказать. Совсем нечего.

5

Утром Артем проснулся как обычно: ровно в семь, будто внутри у него сработал будильник, раз и навсегда заведенный на одно и то же время. В Полуденном и нельзя было вставать позже. С утра надо протопить печь, чтобы изба прогрелась, приготовить завтрак и обед загодя, приготовить, чтобы в перерыв прийти и поесть. Так что к девяти Артем едва управлялся.

Здесь же, привычно поднявшись рано, он гадал, чем заняться.

Поглядел на соседнюю кровать. Иван еще спал. Пусть спит. Все равно делать нечего. Надо будет — придет Глухов из своей комнаты, разбудит.

Артем взял полотенце, пошел в умывальную комнату.

Он повернул ручку никелированного крана и смотрел, как с легким шумом скользила в раковину сильная струя воды. Вот, пожалуйста: ни печи топить, ни по воду идти. Все у тебя дома. И ведь не видадь какая-то. Ведь сколько жил он в таком благоустройстве, а забыл. И теперь удивляется простым вещам.

Таким его и застал Иван, задумчиво глядящим на воду.

Укоризненно усмехнувшись, Иван начал умываться, фыркая и пожевываясь. Повернул к Артему мокрое лицо.

— Вспомнил давно забытое?

— Вспомнил.

— Ну и как?

— Хорошо.

Тон его не понравился Ивану.

— Ты дома в Полуденном какую воду пьешь? — спросил он затаенно и в упор глядел на Артема.

— Как какую? Обыкновенную.

— Обыкновенную... Эх ты! Да ты дома пьешь самую чистейшую, самую вкусную воду, какая только может быть на свете. Ты её черпаешь ведром прямо из озера — натуральную, живую, ничем не испорченную. А здесь? — Иван пренебрежительно махнул рукой и брезгливо скривился.— Видишь, труба. А внутри трубы — ржавчина. Снаружи ее не видеть, а внутри она есть — ржавчина. Ты не любишь на воду, ты ее

попробуй. Она железом отдает и хлоркой пахнет. Водопровод его удивил...

— Водопровод — штука дельная, — не согласился Артем.

— Дельная... Меня уже ничем не соблазнишь. Ни блестящим краником, ни паровым отоплением. Я гляжу на все эти штучки, а нутром понимаю, что все это не для меня, а для кого-то другого. Да и здоровее у нас жизнь. И вода чище, и пока за водой сходишь — разомнешься. И дров наколешь вместо гимнастики. А потом затопишь печку и сидишь на огонь смотришь. Благодать! У нас и вода живая, и огонь живой. Все у нас настоящее, Артем. Я еще когда в техникуме учился, гуляю как-то по парку. Под вечер было уже, осень поздняя. И вот гляжу: дворник сухие листья, разный мусор сгреб и поджег. Короче, костер развел посреди города. А к этому костру люди подходят. Кто идет мимо, обязательно к костру сворачивает. Понимаешь, стоят люди и смотрят на огонь. Соскучились по живому огню. Вот какие дела-то, Артем.

— Все это так, Иван... А вот собери полуденцев и спроси, хотят ли они водяное отопление, хотят ли водопровод. И ты знаешь, что они скажут? Они скажут: хотим. Потому что слишком много времени теряют на отопление. Это дров привезти надо. Потом их пилить, колоть. Целая проблема. Да и к озеру с ведрами ходить — не так близко. Я бы от благоустройства тоже не отказался. У меня бы на книги больше времени оставалось... Я вот сидел, думал: хорошо бы и у нас со временем котельную построить, трубы проложить...

— Не скоро это будет, — сказал Иван.

— Но все-таки когда-нибудь будет?

— Ладно, умывайся, да пойдем. Глухов себя в номере ждет. Проведем планерку, позавтракаем и надо двигать в рудоуправление. К Павлу Васильевичу Сорокину. Ждет он, наверное, нас — не дождется. Как и Жолин...

Позавтракали в гостиничном буфете и вышли на улицу.

Огляделись.

Было морозно. Из-за гор нехотя выкатывалось дымное солнце, и снег на голых горах от него был розовый, нежный.

Неплохой начинался день, получше вчерашнего. В такой день хорошо начинать дела, и все это почувствовали и повеселели. Не от надежды повеселели, от хорошей погоды.

Артем при свете дня разглядывал Новые Ключи. Удивлялся, как быстро все здесь появилось. Совсем недавно о Новых

Ключах никто не слышал. Что это за Новые Ключи да за Старые? Были просто Ключи — районный центр на левом берегу в конце озера. Обычное таежное село. Ну, леспромхоз тут был, так где их нет, леспромхозов-то? Строительства почти никакого не велось. Кому надо было — сам строился. Деревянные дома с палисадниками и штакетниковыми заборами тянулись от подножия ближних гор и почти до самой воды. Тут и расстояние было — всего полкилометра. Можно сказать, зажатые Ключи между горами и озером. Не сильно разбежишься с каким строительством. Правда, как и в любом райцентре стояло тут несколько двухэтажных зданий: райком, райисполком и школа. Остальные общественные помещения были одноэтажные. И понятно, что руководство рудника, когда подошло время строить контору и жилые дома для рабочих, облюбовало себе раздольные места на другой стороне озера, где вразброд стояли избы промысловиков. И как раз напротив села началось невиданное доселе строительство. Скоро ключевцы с удивлением увидели на другой стороне высокие кирпичные дома с балконами. Потом вырос кинотеатр, настоящий городской кинотеатр! Несколько улиц заасфальтировали и из-за озера люди приходили их поглядеть.

Молодежь — та сразу же ушла на рудник, а которые из парней и девчат работали еще в леспромхозе, в кино все равно ходили на другую сторону. А если случалась свадьба, то молодожены на старом месте строиться уже не хотели, норовили заложить пятистенник на рудничных землях, где-нибудь в центре. Вот тогда и появились два разных названия: Новые Ключи и Старые Ключи, потому что рядом они стояли — два разных села, непохожие друг на друга.

Как только ушла молодежь, падкая до всего нового, из Старых Ключей, так и стало хиреть село день ото дня, и заглохло окончательно, когда и районные учреждения перебрались на другую сторону озера. Уже и не село стало — деревня.

Людей на улицах Новых Ключей Артем что-то мало замечал. Видно, разошлись и разъехались по своим рабочим местам: конторам, по мастерским, по рудникам. Редко прохожие попадались, а вот обилие собак прямо поразило. Глухов — и тот это заметил. Действительно, и в одиночку, и стаями бродили тут огромные лохматые лайки, не обращая на людей никакого внимания.

Крупный рыжий кобель неподвижно

стоял посредине улицы, и, будто задумавшись, глядел куда-то вдаль. Он едва посторонился, давая самосвалу дорогу. Шофер добродушно ругнулся из кабины, объезжая пса. Было что-то демонстративное в поведении собаки и этой, что стояла на перекрестке, и других так же спокойно гуляющих по улицам Новых Ключей; и Артему подумалось, что здесь существуют два независимых общества: человеческое и собачье, живущие сами по себе, не замечающие друг друга. Отчего это случилось — Артему тоже было понятно. Бросили охотники промысел, перешли на твердую рудничную зарплату, и собаки, ходившие раньше на зверя, оказались забытыми. Они и на людей теперь не обращали внимания, как бы выражая этим свой собачий протест за то, что люди изменили им.

— Какие собаки пропадают! — только и вздохнул Иван.

В центре Новых Ключей лежала площадь. С одной стороны площади высилось серое здание рудоуправления с доской показателей и портретами передовиков, с другой стороны площади на рудоуправление глядело типовое, серое же двухэтажное здание райкома партии.

В светлых коридорах рудоуправления остро пахло свежей краской. По коридорам и по лестницам с этажа на этаж сновали озабоченные люди с бумажками. Из кабинетов непрерывно неслись телефонные звонки. Артему даже стало как-то неловко за себя и за своих спутников, что вот сейчас они будут отвлекать от дела занятых людей. Слишком уж деловым и важным выглядело рудоуправление. Не то что сонная контора заповедника, где всегда тихо и спокойно.

Директор рудоуправления Павел Васильевич Сорокин принял представителей заповедника довольно быстро, им даже не пришлось ждать в приемной. Пожал всем руки, усадил в кресла вдоль стены, но не сел рядом с гостями, как Жолин, а вернулся к своему массивному столу с телефонами. Глядел оттуда дружелюбно, однако в его взгляде чувствовалось превосходство наделенного большой властью человека.

Да, это был не Жолин, и рудоуправление — не ровня заповеднику. Все это понимали: и хозяин, и гости.

— Какими судьбами? — спрашивал Павел Васильевич Глухова, вежливо и в то же время по-деловому четко и озабоченно. Павел Васильевич уже не тот был, каким Артем видел его на охоте, мягкий и задум-

чивый. Теперь это был собранный, с твердым взглядом человек, на плечах которого лежали большие заботы, и груз свой он, наверное, всегда чувствовал.

— По хозяйственным делам, — уклончиво ответил Глухов. В гостинице договорились Сорокину не открываться, а сначала выяснить что и как. Если рудоуправление на самом деле ведет разведку на левом берегу, то вообще заикаться не надо. — Последний рейс, Павел Васильевич, и то насилу выбрались. Вот хотим кое-что завезти. Где что дадут, — говорил Дмитрий Иванович голосом бедного родственника. Он себя чувствовал здесь не так уверенно, как в леспромхозе, потому и тон у него был извиняющимся и несколько просительным. — Теперь вот к вам зашли. Попроведать.

— И правильно сделали, что зашли, — одобрил кивком головы Павел Васильевич, и в глазах его на какой-то миг исчезли начальственные точки, а лицо приняло выражение мечтательности. Я, знаете, частенько вспоминаю, как гостил у вас. Чудное это было время. Осень... тайга и рев марала.

— Да уж что там вспоминать, Павел Васильевич, — досадливо махнул рукой Глухов. — Поохотились-то неудачно. Прямо стыд... Но мы готовы исправиться, Павел Васильевич. — Глухов виновато улыбался. — Теперь ведь близко друг от друга живем, можно сказать, — соседи. Так что если выберете время — не опростоволосимся.

— Не знаю, не знаю... — задумался Сорокин. — Получится ли. Не только дня, минуты свободной нет. А насчет соседства это вы верно заметили, Дмитрий Иванович. Давайте дружить как добрые соседи. Как вы смотрите, если мы возьмем над заповедником шефство? Не возражаете?

— Кто же от добра отказывается? — улыбался Глухов. — И я сам, и мои специалисты, — кивнул на лесничего с помощником, — думаю, не будут против. Как, товарищи?

— Конечно, — сказал Иван.

Артем одобрительно качнул головой. Тоже был не против.

— Ну вот, — довольно проговорил Глухов. — Как видите, мы не отказываемся. А даже наоборот. Спасибо за заботу, Павел Васильевич. Для нас ваша помощь много значит.

— Пока еще не за что спасибо говорить, — с укоризненной улыбкой сказал Сорокин. — Спасибо потом скажете. У меня деловое предложение. Может поделится с вами горячим. Сделаем, так сказать, пер-

вый шаг. Тонны три вас устроит? Безвозмездно?

— Конечно, — горячо отозвался Глухов. — Для нас три тонны — это, знаете, целое богатство.

— Ну вот и хорошо. Пошлите потом ко мне своего хозяйственника. Посмотрим, что у нас еще есть, и по мере возможности поможем чем сможем. Ведь мы, горняки, перед природой в долгу. Эксплуатируем ее богатства. Должны же мы как-то расплачиваться за ее щедроты. Это и будет наше участие в деле охраны природы. Так, Дмитрий Иванович?

— Разумеется.

— Работы мы сейчас разворачиваем большие, — задумчиво говорил Сорокин и даже ссутулился над столом, будто физически ощущал тяжесть этих работ на своих плечах. — Мы, наверное, скоро еще ближе к вам будем. Как раз против Полуденного, на левой стороне, по всем данным должна быть жила. Вполне возможно, мы там откроем рудник.

Артем замер. Покосился на Ивана, и тот тоже, вытянув шею, внимательно слушал Сорокина. Слегка побледнел. Вот и выяснили самое главное. Только ради этих слов надо было сходить в рудоуправление. Рудник на левой стороне! Будто кипятком ошпарили. Обрадовал Павел Васильевич, обрадовал...

На тонких губах Глухова стыла вежливая полуулыбка.

— А что, нашли уже золото? Напротив Полуденного?

— Содержание есть, но пока не промышленное. Однако разведчики обещают. По мере прохождения процент растет.

— Это хорошо... — проговорил Глухов вежливо. — Вам чего не разворачиваться. Рабочих у вас много.

— Ну что вы — много! Не хватает! — воскликнул Сорокин. — Нам бы еще человек двести — не отказались бы.

— Двести? — изумленно поднял глаза Глухов. — Где же их тут столько взять? Вы и так, Павел Васильевич, всех мужиков с округи собрали. Да и несколько наших лесников прибрали к рукам. — Дмитрий Иванович говорил это мягко и сам добродушно улыбался, словно укорял в невинной шалости.

Павел Васильевич внимательно посмотрел на Глухова, но промолчал. Не заметил намека.

— Вы бы хоть наших-то не трогали, Павел Васильевич, — мягко нажимал Глухов, продолжая улыбаться.

— А разве мы их трогаем? — поднял брови Сорокин. В лице промелькнуло недовольство.

— Трогаете, Павел Васильевич. Шестеро уже к вам ушли.

— Но ведь они сами идут, — пожал плечами Сорокин. — Мы их не зовем, не смакиваем. Люди приходят, просятся.

— А вы их не принимайте. Наших. Из заповедника, — мягко сказал Глухов, улыбаясь одними губами. — Приходит к вам наш лесник, а вы ему: возвращайся, мол, дорогой товарищ, в заповедник. Мы, мол, своих подшефных не обижаем.

— Ну-у, Дмитрий Иванович, — снисходительно улыбался Сорокин. — Эдак вы людей все равно не удержите. Идет, понимаете, необратимый процесс, который от нас с вами не зависит. Народ стремится в крупные населенные пункты, где есть и школы для детей, и вообще все есть для нормальной жизни. И знаете, я считаю это положительным явлением. Наш народ достаточно всего пережил, и естественно, что он хочет, наконец, пожить лучше и культурнее. Нельзя так, Дмитрий Иванович.

— Но ведь и у нас кто-то должен работать, — не согласился Глухов. — Заповедник — государственное учреждение. Условий у нас нет таких, как у вас, так что ж теперь: всем разбежаться? Лично я сам терплю все бытовые неудобства. Однако — терплю, потому что понимаю ответственность.

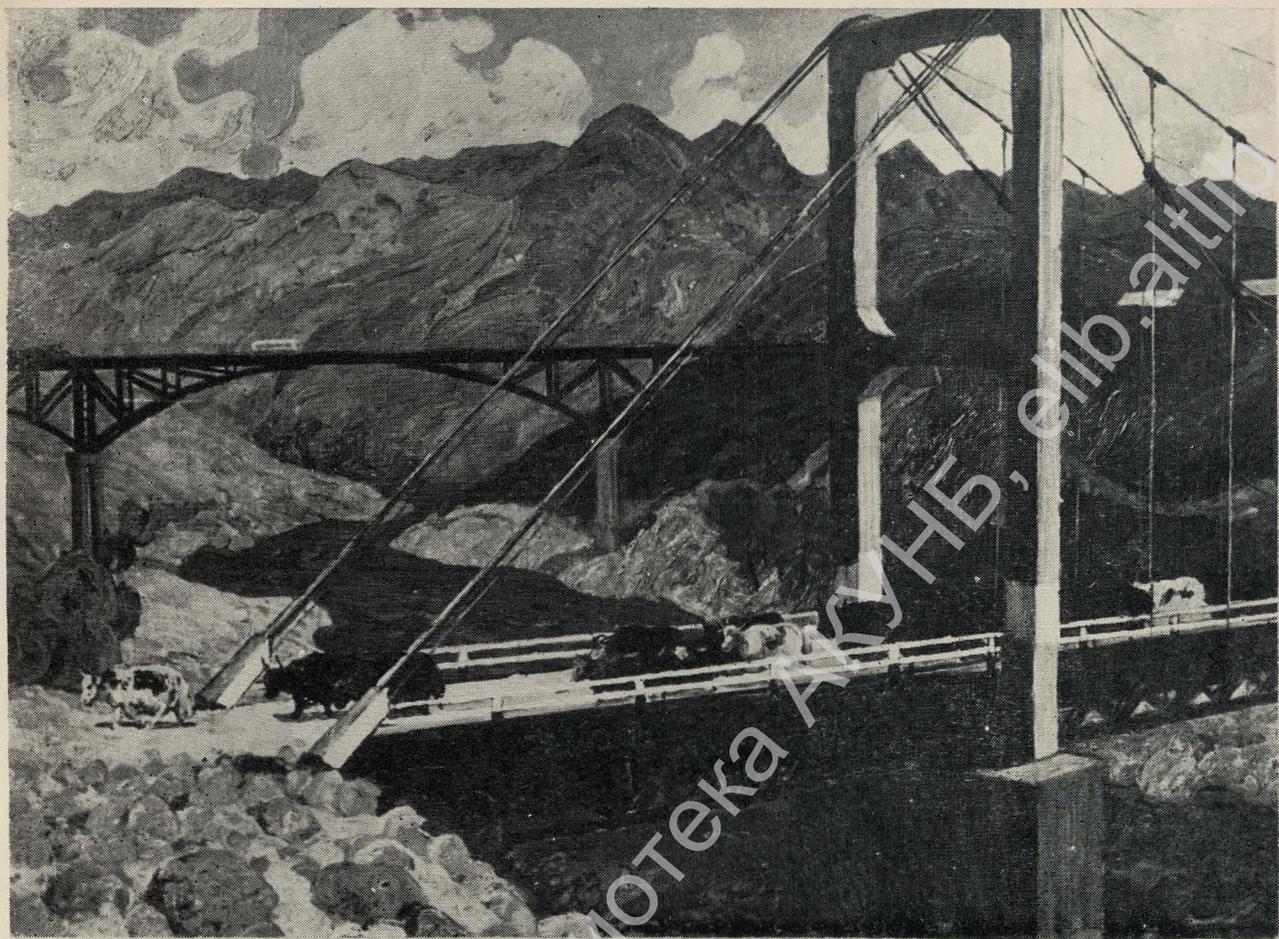
— Павел Васильевич, — сказал Артем. — А не смогли бы вы нам помочь кое с каким благоустройством?

— Что вы имеете в виду? — Сорокин пристально смотрел на Артема. Глухов тоже обернулся к помощнику лесничего, глядел на него настороженно и с укоризной, будто побанвался за какие-то неосторожные и нескромные слова.

Однако отступать Артему было уже поздно.

— Да хотя бы водоразборную колонку поставить. Далековато людям за водой ходить. Я уж не говорю про водопровод или центральное отопление. Нам это не поднимать.

— Колонку? — задумался Сорокин. — Надо подумать. В принципе это можно решить. Трубы и оборудование мы вам дадим. Специалистов пошлем. Так что это вполне реально. А насчет людей... — теперь Сорокин обращался уже к Глухову, — даже не знаю, что и сказать вам, Дмитрий Иванович... Ну вот приходит к нам ваш лесник.



**В. С. Торхов.** «На Чуйском тракте».



В. С. Торхов. «Осенью в поселке мараловодов».

Просится на любую работу. И как мне поступить? Не принять? А почему? На каком основании? Дескать, не возьму тебя потому, что ты — из заповедника? Так это дискриминация. Он не крепостной, имеет право работать там, где ему захочется. Права у нас для всех одинаковые... — Сорокин соболезнующе морщился. — Ну хорошо, допустим, мы его не примем. Так он пойдет в леспромхоз или еще куда-нибудь. Раз уж человек решил уйти, его не удержишь. Отработает двенадцать дней — и, будь добр, отпустишь его. Это, к сожалению, закон, Дмитрий Иванович.

На столе зазвонил телефон. Сорокин поднял трубку, долго слушал чей-то торопливый, быстрый голос. Закончив разговор и положив трубку, поглядел на гостей.

— Та-ак... Вы когда назад собираетесь?

— Да, видимо, сегодня, — сказал Глухов не совсем уверенно. — Надо еще в райком зайти, потом договориться насчет вертолета.

Телефонный звонок оказался кстати. Он прервал в общем-то законченный разговор, и возвращаться к нему уже не имело смысла. Чего воду в ступе толочь? И так все было ясно.

Сорокин протестующе помахал ладонью.

— Нет-нет, сегодня я вас не отпущу. Когда-то я был вашим гостем — теперь вы у меня в гостях. И даже не возражайте. Бесплезно. Значит, так: вас, Дмитрий Иванович, я беру на себя. Мы уж с вами проведем сегодняшней вечер по-стариковски. Дома. А ребят... ребят мы сейчас тоже пристроим.

Нажал кнопку переговорного устройства.

— Разыщите Дашу и — ко мне, — проговорил он в микрофон.

Лукаво посмотрел на Ивана и Артема.

— У нас сегодня в «Самородке» вечер артистов из городской филармонии. Думаю, будет интересно. Пойдете? — и не дожидаясь ответа, решил сам. — Ну, конечно, пойдете. У себя в тайге вы такого не увидите. Договорились?

Вошла полная светловолосая девушка в золоченых очках.

— Проходи ближе, Даша. Знакомься. Это — представители заповедника. Наши соседи. А теперь и подшефные. Это — директор Дмитрий Иванович Глухов, а это — помощники Иван Рытов и Артем Стригунов. Прошу любить и жаловать. — Обернулся к гостям, сделав широкий жест в сторону девушки. — Даша — наш комсомольский секретарь. — Весело прищурился. — Слушай,

комсорг, тебе поручение: приглашай ребят на наш вечер. Сориентировалась?

— Сориентировалась.

У Даши было удивительно свежее лицо, по-детски пухлое, и губы у нее тоже были пухлые, а голос никак ей не шел — низкий, решительный голос, привыкший командовать.

— Ну вот и отлично! — удовлетворенно качнул головой Сорокин. — Назначь им свидание. Где и когда встретиться.

— Ясно, — готовно откликнулась Даша и внимательно посмотрела на Артема. — В семь часов у «Самородка». Только не опаздывать. Я люблю точность.

— Имейте в виду, — подмигнул Сорокин, — она у нас строгая.

— Учтем, — улыбнулся Артем, и Даша снова на него посмотрела. С интересом, словно пыталась разгадать загадку.

Даша подала всем узкую сильную руку и ушла.

Вышли в коридор и Артем с Иваном, поджидали там Глухова, которого Сорокин задержал у себя в кабинете.

— Ну и как? — спросил Иван насмешливо.

— А что? Давай сходим. Посмотрим, что у них за вечер. Артистов послушаем.

— Быстро же ты сориентировался. Я насчет дела спрашиваю, а у тебя только вечер на уме. Кстати, как тебе Даша? Она на тебя поглядывала. Я заметил.

— Зачем ловишь на слове? — обиделся Артем. — Не пойду я ни на какой вечер, если уж на то пошло.

— Ну ладно, ладно, не закипай... — Иван примирительно похлопал Артема по плечу и вздохнул. — С рудоуправлением, слава богу, все ясно. Сорокин левобережье нам не отдаст. А тягаться с ним будет трудно. Шефством решил нам рот заткнуть. Обрадовался. Как же, век мечтали об этом шефстве.

— Шефство — это не так уж плохо, — сказал Артем. — По-моему, наоборот — хорошо. Пусть помогают, пусть. Отказываться не будем. Но придется нам быть похитрее. С рудоуправлением останемся вроде как друзьями, а сами будем выбивать левобережье. Потихоньку. А вообще — последняя надежда на райком. Там мы должны выступить капитально. Доводы должны быть железные. Иначе прогорим. Как считаешь, там знают, что рудоуправление ищет жилу на левобережье? Что собираются там рудник построить?

Иван пожал плечами.

— Трудно сказать. Одно я только на-

верняка знаю. Зубами нам придется вырывать левую сторону. Если и вырвем — дорого нам это обойдется. Без зубов останемся.

— Это правда, — с грустью согласился Артем. — Что-то Дмитрия Ивановича долго нет. О чем они там, интересно? Не скажет ли Глухов Сорокину, зачем мы приехали?

— Не должен.

Закурили и стали глядеть, как спуют по коридорам торопливые люди, вбегая и выбегая из кабинетов. Слушали резкие, пронзительные звонки телефонов, громкие людские голоса.

— Знаешь, — улыбнулся Артем, — я себя чувствую разведчиком в неприятельском стане. А ты?

— Я тоже.

Подошел Глухов, чему-то усмехаясь в пространство. Сказал:

— В райком звонил. Секретарь нас примет только завтра. С утра. Да знаете, это и лучше. Отдохнем как следует, подготовимся для решительной атаки. А сейчас давайте пойдем в гостиницу. Подведем итоги и подумаем, как быть дальше. Времени у нас не очень много. Вечер ведь и у вас и у меня занят.

— Не хочется мне идти в это ихнее кафе, — сказал Иван.

— Неудобно отказываться. Пообещали же, — нахмурился Глухов. — Да и почему вам, молодым, не развлечься? Пользуйтесь моментом. Вреда не будет... — Озаботился. — Трофимыча не видели? Ему надо срочно зайти к хозяйственникам рудоуправления. Пока те на месте. Вот так, товарищи: сражение мы, можно сказать, проиграли, а трофеи есть. Удивительно...

6

Далеко-далеко, из гольцовых скал, высоко взбугрившихся над темным кедром, донесся едва слышный собачий лай.

Александр Тихонович сдернул шапку и прислушался. Сколько уж раз за сегодняшний день замирал он в ожидании, но его обманывали то дикие сороки, то ссорящиеся в пихтах сойки.

На этот раз ему не казалось. Он различил голос Соболя, приглушенный расстоянием, и пошевелился, разминая коченеющие руки и ноги. Ничего, теперь осталось недолго ждать. Соболь поднял маралов с лежки и гонит сюда, на залегшего в снегу хозяина.

Клубков огляделся еще раз на всякий случай и остался доволен. Место для скрад-ка выбрал удачное: у кромки кедрача, на безлесом пологом склоне, у самой маральной тропы, по которой звери спускаются с гольцов на кормежку. И хорошо, что залег не под деревьями, а на открытом месте, вырыв яму в сугробе. Пробегая мимо, звери будут коситься под кедр, ожидая откуда опасности, а на его аккуратный скрадок не обратят внимания. Только бы не сплеховали замерзшие вконец руки, и — на остатние зимние дни обеспечены мясом. И шкуру можно будет на пол постелить, чтобы снизу не так дуло. Порадуется Раиса мужниной удаче. Редко у нее бывают радости.

Азартный, с подвывом лай Соболя слышался уже отчетливо. Судя по звуку, опустился он с гольцов и гонит маралов кромкой кедрача. Скоро уже, скоро... Пора уже приготовиться к верному выстрелу и затаиться.

Александр Тихонович опустился с ружьем на дно снежной ямы и пошевелил курки: не примерзли ли? Заранее курки взвел, чтобы потом не напугать осторожных зверей щелчками и не сбить их с тропы раньше времени. И когда уже сбросил верхонки себе на колени, растирая посиневшие пальцы, услышал протяжный, в несколько голосов, призывный волчий вой.

«Вас только не доставало», — подумал с досадой Александр Тихонович и расстегнул телогрейку, обнажив патронтаж с тусклыми латунными гильзами. Патроны с картечью были, как и обычно, с правого края. Пять штук. Шестая — пуля. Дальше — все пули шли. Любой патрон вытащишь — не ошибешься.

Лай Соболя слышался уже совсем близко. Кобель, видно, тоже чуял волков и торопился, и голос у него был отчаянный, с подвывом: хозяина звал. По всему чувствовалось, сейчас кто-то должен выскочить на тропу. Но кто вперед успеет: маралы с висающим на хвостах кобелем или волки? Только бы волки не выскочили раньше, не отсекали бы Соболя от хозяина. Тогда и добычи не видать, и собаке ничем не помочь.

В стволах было два пулевых патрона. Клубков вынул один, вогнал с зарядом картечи на всякий случай и осторожно вынул из сугроба, держа ружье наизготовку. Он и дышал вниз, чтобы пар не выдал его. Сейчас кто-то покажется...

Первым на тропу вылетел старый марал. Закинув на спину тяжелые рога, он словно летел над сугробами. Над заинде-

велой мордой клочковато рвался пар. Позади него, в вихре снега, плыли три маралухи, не отставая от быка ни на шаг, казалось, они привязаны были к нему. За ними, застревая в глубоком, рваном снегу, взбитом копытами, несся Соболь, отчаянно, призывно лая.

Александр Тихонович приподнялся из снега, наблюдая, как маралы проносятся по тропе мимо него. Мушка на конце ствол обгоняла старого быка, покачивалась перед самой его мордой.

Звери увидели охотника, быстро метнулись с тропы, и Александр Тихонович, задержав дыхание, нажал на спуск.

Туго ударил выстрел, глухой, мгновенно затихший и по тому, как отдавало в плечо, и по звуку Клубков понял, что попал. Тут же он увидел, как бык с ходу зарылся рогами в снег, перевернулся через голову. Он еще бил ногами, пытаясь подняться, судорожно дергал головой, а маралухи в скачке перелетели через него и скоро исчезли за склоном перевала.

Клубков привычно заменил патрон, вылез из ненужного уже скрадка и начал цеплять лыжи, спрятанные тут же, в снегу.

Теперь можно было шибко не спешить. Марал никуда не денется. Слышал, как кобель остервенело рвал быку горло. Это было его право — задавить добычу и излить злобу за долгие поиски и изматывающий гон.

На теплой туше Клубков сел перекурить. Затягиваясь жадно махоркой, гладил ошестинившегося пса, посмеивался:

— Теперь мы с мясом... Молодец, кобель, ладно старался. Хозяйка наварит мяса, наедемся свежатинки от пуза. Сладкая она, маралятинка-то. Костей тебе будет вволю. Знай гложи...

Голова кружилась от табака — целый день не курил, не ел, однако расслаиваться было некогда. Надо еще тушу освежевать и дотемна приволочь домой, и Клубков, вынув нож, привился свежевать зверя, радуясь такой большой удаче. Надо же, с хромой ногой, а пустым не остался. Значит, и дальше с голоду не пропадем. В одиночку удача сроду не ходит. Повезло раз, повезет и потом. Приноровимся и с хромой ногой. Главное, на душе надежнее стало. Можно, оказывается, жить. Только бы с кобелем не случилась какая беда. Без кобеля он как без рук и без ног. Погибель одна и только...

Соболь за спиной тоскливо заскулил, и Александр Тихонович, почуяв тревогу, обернулся.

На снежной равнине, уже порозовевшей от низкого солнца, в полсотни шагов от него, сидели волки. Четыре штуки. Вытянув морды, принялись ждали.

Крупный волк с широкой грудью и толстой шеей медленно поднялся и шагнул вперед. Тотчас и остальные поднялись и, поджав хвосты, выжидательно косясь на вожака, тоже шагнули. И остановились, глядя на человека. Они как бы разведывали, как он к этому отнесется и терпеливо выжидали.

Свободной рукой Клубков потянулся к ружью, поднял его над головой. Волки поняли и сели, не спуская глаз с дымящейся туши. Сидели неподвижно, как каменные.

— Дармовщинки захотели? — хрипло рассмеялся Александр Тихонович. — Не-ет, у меня вам добычу не отнять. Пока живой — сам любому горло перегрызу, а не отдам.

Он снова опустился на корточки. Теперь уже сильно спешил. Рука устала, но один бок он все-таки освободил от шкуры и только стал переворачивать тушу на другой бок, как взлаял Соболь, взлаял со злобой и тоской.

Волки уже подошли ближе и расходились веером. Окружали. Вожак, который был впереди всех, показал зубы одному, другому, и тогда тощий волк, поджав хвост и скалясь беззвучно, стал заходить со спины человеку.

— За-ра-зы... — сквозь зубы выругался Александр Тихонович. Осторожно положил нож, вытер руку о штаны, как бы мимоходом опустил ее на цевье ружья и вдруг пружинно обернувшись, выстрелил навскидку в тощего волка.

Звери шарахнулись в стороны, а тощий закрутился на месте, как будто ловил собственный хвост и повалился на бок, с хрипом давясь кровью, черня снег вокруг.

— Один нажрался! — крикнул Александр Тихонович хрипло. — Счас и других накормлю. Счас! Ну, кто еще? — и опустился на колени.

Продолжая свежевать тушу, он слышал глухую возню за спиной, но не оборачивался. Солнце зависло над самыми верхушками кедров. Скоро оно укатится за перевал и станет темно. Дождаться же темноты не было никакого резона. Темнота — волчья время. Тогда уж они свое возьмут. Сильно спешил Александр Тихонович, нож так и мелькал в усталой руке. И только когда завернул тушу в шкуру, когда обвязал все это бечевкой, подгадав, чтобы шкура

тащилась по снегу не против шерсти, тогда распрямил спину и посмотрел вокруг.

Звери сидели в отдалении и, задрав морды к быстро густеющему небу, на котором уже проклюнулись первые звезды, негромко подвывали.

— Своих скликаете? — озабоченно спросил Александр Тихонович. — Давайте. Патроны у нас еще есть.

Торопливо подцепил к ошейнику заскучавшего Соболя ремешок, впрягся в лямку веревки и сам.

— Ну, поехали, Соболя, заждалась нас баба.

Соболя привычно напрягся, Клубков навалился на лямку всем телом, и человек с собакой поволокли шуршащий воз в неглубокий лесистый распадок, где уже было си-не от сумерек.

С вечеряющего неба спустился мороз. Наст затвердел, но с грузом держал еще плохо, и Александр Тихонович скоро выбился из сил. Соболя взмок, хватал снег горячим ртом и тяжело, с надрывом дышал.

— Давай, милый, давай... — хрипел хозяин. — Поднатужимся, сколь есть мочи. Дома баба печку истопила. Обсушимся, отдохнем. Давай-ай... — и косился на волков, которые подобрал требуху и не утолив голод, а распалив его, голубоватыми тенями катились сбоку, приглядываясь к человеку и собаке.

Широкогрудый вожак бежал ближе других. Смелый, видать, был зверь, и Клубков пальнул в него наугад. Досадливо поморщился: промахнулся. Дрожали от усталости руки.

Вожак отскочил, как ужаленный, присел, щелкнул зубами и покатился вперед, увлекая за собой остальных собратьев. Похоже, он решил увести стаю в лесистый лог. Туда, куда шел Александр Тихонович. Там начинался крутой спуск в ущелье, к самому дому. Опытный вожак наметил в логу дожидаться. Спереди.

«Возле дома бы не опростали», — с тоской подумал Клубков, перезаряжая ружье и снова налегая на лямку. Краем глаза он наблюдал за уходящими вперед волками, по опыту зная, что с темной звери осмелеют, и если их соберется больше — тогда все, тогда не уйти. Днем — он тут хозяин, человек, а ночью их наступает время, и они своего не упустят.

Волки неслышно катились по крепкому насту, их ясно еще было видно, как они, вытянувшись цепочкой, бежали след в след, и вдруг вожак осадил, будто наткнулся на преграду, затормозил всеми четырьмя ла-

пами и проехал на хвосте. Остановились и другие звери. Сбились в кучу, покрутились и повернули в сторону. Теперь они двигались не к логу — там что-то их насторожило, а гривкой перевала, и уже были осторожнее: низко опустив морды, принялись катиться к снегу.

— Кого же они напугались? — в раздумье проговорил Александр Тихонович. В тайге волкам бояться вроде некого. Шатуна они не шибко побоятся, да и после снегов не видел он ни одного медвежьего следа. Рысь? Так что для них рысь. Только человек их может испугать, никто больше. А откуда тут человеку взяться? По чернотропу охотники не приходили, а в глубокомосежье им сюда и не попасть. В такую даль.

Встревожился Клубков. Встречаться с людьми у него тоже, как и у волков, не было никакого желания. Мало ему радости такая встреча принесет. Это он хорошо понимал. Чего ему хорошего ждать от людей? Они его выгнали из родного дома, всего лишили, зверем сделали. Кроме беды ничего они не принесут. И уж лучше ему жить со зверями. Хотя бы с теми же волками. Между волками и им, Клубковым, все ясно, без обмана. Никто из них никакими словами не прикрывается. Чего хотят волки — он знает и не слишком осуждает их — природа есть природа. Тут уж кто кого, и обижаться нельзя. А люди? Нет уж, не надо...

Он изо всех сил тянул лямку, и Соболя подгонял, так ему хотелось скорее узнать, что же там, впереди, а когда дотащил воз до того места, где волки свернули в сторону, Александр Тихонович даже сплюнул от злости. Путь пересекала лыжня. След был довольно свежий, часа три назад тут прошли, не позже. Лыжня была широкая, охотничья. Волки не решались ее перейти, так и ушли вдоль нее, гривой.

«Что это за гость такой?» — гадал Клубков, разглядывая лыжню и даже присел, чтобы рукой пощупать. — Раз прошел он недавно, то и выстрелы должен был слышать, а себя не показал. Откуда он взялся? Из каких мест?»

До самого дома гадал и перебирал в памяти всех ключевских охотников, которые когда-либо наведывались в эти края, но так и не нашел никакого ответа. Но тревога уже вошла в сердце занозой и осталась там — ныла и ныла.

Темнело быстро, но теперь тащить было гораздо легче: пошел спуск. Воз сам подталкивал сзади, и скоро они спустились с Сободем в свое ущелье.

О волках Александр Тихонович уже и забыл, не до них теперь было, однако, когда впереди уже темным пятном проглядывала избушка, Соболь заскулил, стал жаться к ногам, и Клубков догадался: здесь они. Раньше хозяев поспели.

И правда: те неподвижно сидели на полянке почти у самой избушки. Ждали...

Вожак поднялся. Это был он. Даже в сумерках его не спутаешь с остальными. Крупный зверь, сильный. Вытянув вперед морду, пружинисто шагнул вперед. Два других зашли с боков.

В Клубкове горячо ворохнулась злость. Страх не чувствовал. Только — злость. Любая, иголками покалывала тело, будто шерсть прорастала и зубы зачесались.

— Ну, давай, — прохрипел Клубков, поднимая ружье на вожака. — Иди сюда, иди... Добью я тебя нынче, заразу. Остальных не трону, а тебя добью, если двинешься. Из обоих стволов полосну картечью. Тут уж я не промахнусь!

Матерый, казалось, понимал и поэтому медлил. Волки с боков тоже приостановились, ждали — как вожак. Когда он первый кинется. Чтобы и им насесть. Всем вместе.

Тот все стоял, глядя на поднятое ружье. Шерсть на загривке бугрилась, а хвост медленно свисал к ногам.

Александр Тихонович взвел курки.

Щелчки подтолкнули матерого. Он боком, косясь на ружье, отошел в сторону, давая дорогу, и сел.

— Ну вот, так оно и лучше, — громко сказал Клубков и потащил тушу к дверям, насторожившись всем телом, запинаясь о путающуюся в ногах, собаку. — Двинешься — сразу полосну! — а на душе уже было облегчение. Не хотелось ему стрелять возле своего зимовья. Не хотелось неизвестному человеку место показывать.

Толкнул плечом в запертую дверь.

— Ты, что ли? — с готовностью отозвалась Раиса.

— Я. Отворяй живее.

Впустил собаку, втащил тушу и перед тем, как войти самому, обернулся назад.

Те сидели на поляне и глядели на него. В свете приоткрытой двери глаза их вспыхивали зеленым.

— Вот так, — сказал удовлетворенно и, затворив дверь, повалился на нары. Ноги не держали.

— Ну, слава богу, — причитала Раиса. — Вся испереживалась. Я гляжу, ночь на дворе, а тебя все нет и нет. Много их там?

— Нет. Немного.

— Они тут целый день крутились. Будто чуют, что мужика дома нету. Насилу к речке по воду сходила. И чего тут крутятся? Поживу ждут какую ли чо ли?

— Картечи они в бок ждут, — отозвался Клубков. Про лыжню он решил не говорить, чтобы совсем не растревожить жену. И без того у нее тревог — хоть отбавляй.

Наскоро поели, загасили коптилку и легли спать. У Александра Тихоновича даже сил не нашлось закончить с тушей, так и оставил возле порога. От порога несло холодом, как ни затыкали дыры мхом, а поддувало — до утра мясо не пропадет. Утром он разрубил тушу и подвесит в мешках под скат крыши. И хотя измучился сегодня, ни рукой, ни ногой шевельнуть не мог, а сон не приходил к нему, так и лежал в полудреме, думая про чужой след, который, конечно же, доброго ничего не сулил. Лежал и думал, слыша, как глухо рычит Соболь у двери. Наверное, близко ходили волки, надеялись еще на что-то.

— Саша, — вдруг позвала Раиса шепотом и тронула мужнино плечо. — Спишь, нет?

— Ну? — полусонным голосом отозвался Клубков.

— Как дальше-то будем, Саша? — с тяжелым вздохом спросила Раиса и придвинулась к нему ближе. — Что у нас дальше-то будет? Людская-то жизнь у нас когда-нибудь настанет, нет?

— Настанет, — тяжело проговорил Александр Тихонович, чтобы только обнадежить жену, и засвербило сердце. Сам он не одну ночь об этом думал, а впереди беспросветно было, темно, как сейчас за окном. Какая теперь для них жизнь наступит? Для него она уже кончилась, жизнь-то. Одно доживание.

Он положил руку на теплое плечо жены и думал, что ей сказать. Чувствовал: затаилась она, еще каких-то обнадеживающих слов ждет, а их у него не было. И крикнуть душой он не любил. К чему? Обман — он недолго греет.

— Слышь, Саша, — тихо проговорила она и чувствовалось: улыбается в темноте. — Я вчера ночью проснулась и слышу пеленками пахнет. Детскими пеленками. Мокренькими...

— Пеленками? — ошарашенно проговорил Клубков. — Откуда им тут быть? Пеленкам-то?

— Вот и я тоже думаю: откуда? А пахло. Шибко так пахло, будто ребеночек обмочился... — вздохнула. — Может дочки

знак подают, а? Поди, уж и замуж вышли, а мы ниче не знаем. Годы-то наши — самое бы время с внучатами водиться да радоваться. А мы тут, как звери дикие. Уж и на людей походить перестали. Скоро и разговаривать разучимся. Выть будем...

— Не рви душу, Рая, — застонал Клубков и заморгал в темноте: глаза пощипывали близкие слезы. — Куда мы нынче с тобой стронемся? Помирать разве? Так это дело нехитрое. Зачем торопиться? Успеем еще.

— А ты посули что-нибудь. Все полегче будет. Ведь как без надежи-то? Когда впереди никакой надежи — просвета нет, и жить не хочется. Кому она, такая жизнь, нужна?

— До весны надо потерпеть, — сказал Александр Тихонович теплым голосом. — Перезимуем — там видно будет. Может, к дочкам в гости съездим. Попроведуем... как у них там... — говорил и самому теплее от своих слов становилось, будто через время весну учуял, и Раиса отмякла от его слов, неслышно плакала рядом, слезы на его руку капали.

Успокоилась на его груди, уснула.

А к нему сон не шел. Лыжня перед глазами стояла, и ныла заноза в сердце. Нехорошо ныла, как к большой беде, хотя большей беды, какая у него была, уже и придумать нельзя было. Куда уж страшнее? Никакой головы у людей не хватает.

Устал на спине лежать, а пошевелиться боялся, чтобы не потревожить пригревшуюся на груди Раису. И все думал, думал, со всех сторон обдумывал дальнейшую свою жизнь, а просвета впереди не видел. С какого боку ни подступись — темень, сплошная темень. Разве весна что подскажет, приоткроет какую неведомую шелку, посветит спереди? Поманит чем-нибудь?

Одно он знал точно: ходить на перевал больше не надо. Ни под каким видом. Мясо теперь есть, надолго хватит. Зачем судьбу пытаться, искать для себя новых бед? Нет уж, от греха подальше. Сидеть тихонько, выжидать. А там видно будет...

7

Поднимаясь к дверям райкома по бетонным, новым совсем ступеням, с непригнутыми еще углами, выскобленными, заботливо очищенными от льда и снега, Артем вдруг почувствовал, как у него томительно сжимается сердце и ноги наливаются тяжестью. Последняя инстанция в Ключах. Не поймет их секретарь — больше и

идти некуда. Здесь — последняя надежда.

Он посмотрел на Ивана, который шел чуть впереди, вслед за Глуховым, и заметил, что тот поднимался тоже как бы с трудом, сосредоточенно глядя вниз, будто каждый раз обдумывал, куда поставить ногу. В его бледноватом лице были озабоченность и ожидание. Наверное, то же самое чувствовал, что и Артем.

В вестибюле райкома остро пахло свежей краской от блестящих стен и пола, пахло точно так же, как и в рудоуправлении, и это Артему показалось плохим признаком, как будто родственность запахов могла иметь общие корни, и исход дела грозил оказаться таким же, как и в рудоуправлении.

Он пытался отогнать от себя эти мысли, которые заранее настраивают на поражение, однако чуткий Иван тоже обратил внимание на запах: повел носом и досадливо поморщился. Видно, и в его сознании неудача в рудоуправлении накрепко связалась с запахом краски. Связалась — и никак от этого не отвертишься.

Представились в приемной пожилой, но очень ухоженной секретарше с тихим голосом. Она выслушала внимательно и, ступая осторожно, будто боясь своими шагами кого-то разбудить, исчезла за тяжелой, обитой черным дерматином дверью.

Появилась она скоро и так же бесшумно.

— Анатолий Кузьмич ждет вас, — прозвучало тихо, значительно, как бы доверяя важную тайну. И отступила в сторону, готовясь притворить за посетителями дверь.

Еще в гостинице Артем спрашивал Ивана про секретаря, и тот рассказал, что мог. Мужик из местных, ключевских, однако секретарем тут недавно. До этого работал в обкоме, и вот перевели сюда первым. Повышение ли — определенно не скажешь. Воевал в партизанах, Герой Советского Союза. Решительный до отчаянности, и в это верилось: иначе бы и Героем не был. И еще резковат. Но — с головой, знал, чего хочет. А чего хотел — добивался. Его и уважали, и побаивались.

Такие о нем были мнения.

Секретарь поднялся над черным, монументальным столом. Роста он оказался невысокого, но в плечах широкий, даже очень, и крепко сбитый, как говорят — медвежатый.

На темном пиджаке покачивалась Звезда Героя, будто живая. Притягивала к себе глаза.

Всем пожал руки, развалисто шагнул

навстречу. И не как-нибудь пожал вяло, ради приличия, а крепко до хруста, весело.

Энергичным жестом пригласил сесть. Сел и сам, удобно утвердившись в кресле.

— Ну, как устроились? Как ночевали? — спросил строго и в то же время доброжелательно, и опять Артем уловил искренность в словах секретаря. Не показная была забота — настоящая.

Основательный мужик, ничего не скажешь. Только куда он повернет разговор, этот основательный мужик? В какую сторону?

— Все в порядке, Анатолий Кузьмич, — сказал Глухов. — Спасибо. — И замолчал. Не спешил он начинать разговор, ждал от секретаря еще каких-то слов.

А тот вдруг задумался, решая что-то в уме, и заговорил негромко, медленно подбирая слова, глядя на Глухова со строгим участием черными, которые, казалось, излучали живую силу, глазами. Столько было этой силы, что посмотреть в них и поймешь: противостоять им трудно, невозможно.

— Когда ты вчера позвонил, Дмитрий Иванович, то прямо врасплох застал меня со своим делом. Я бы мог и вчера принять, но решил передвинуть разговор на сегодня. Чтобы и ты подумал как следует, посоветовался бы еще раз со своими. Да и мне подумать тоже надо было. Вопрос большой... Ну что ж, общую суть я знаю. Давайте поговорим конкретно.

Глухов поерзал на стуле, перевел дух, решаясь.

— Такое, значит, дело, Анатолий Кузьмич, — начал он, — отдыхая между словами, будто ему не хватало воздуха. — На основании опыта работы... нашего заповедника... я и вот специалисты пришли к выводу: если... мы не возьмем под свой контроль левый берег озера, то... горно-таежный комплекс, часть которого является заповедной, со временем погибнет.

У секретаря были гладко зачесанные назад черные блестящие волосы. Полные живой силы глаза были тоже с блеском, они глядели очень внимательно, от них, кажется, не ускользнет ни одна мелочь. Слегка прищурившись, будто все еще что-то решая, он пристально смотрел на Глухова. Не торопился, не перебивал, и не было в лице нетерпения. Было лишь внутреннее беспокойство, какая-то неясная маята.

Когда Глухов закончил свою мысль, спросил:

— Значит, вы требуете, чтобы вам передали левый берег по вершину хребта? Что-

бы изъяли эти земли из хозяйственного пользования всех видов. Так?

— Так, — качнул головой директор.

— И у вас, конечно, есть научные обоснования?

— Есть. Мы готовились.

— Хорошо. Вы можете коротко и понятно рассказать мне, чем вызвано ваше требование простым, доступным языком?

— Можем, — сказал Глухов и обернулся к Ивану. — Вот наш лесничий Иван Прокопьевич Рытов и расскажет.

Иван поднялся, но секретарь махнул рукой.

— Не надо вставать, рассказывайте сидя. Так проще будет. И пожалуйста, — добавил он, видя, что Иван достал записную книжку, — без всяких бумажек.

Иван придавил лежащую на столе записную книжку ладонью, словно боясь, что она может раскрыться сама по себе, задумчиво поглядел в потолок, перевел дыхание.

Глухов и Артем смотрели на него напряженно. Ну, давай, Иван, не выдай. И он чувствовал на себе эти взгляды.

— Значит, картина такова, — начал Иван. — Есть озеро. Неширокое, до шести километров. Но — длинное. Тянется на сотню километров. Окружено горной кедровой тайгой. Уникальное озеро. Прибрежная тайга богата промысловым зверем. Богата и редкими лечебными растениями, которые растут только тут, нигде больше в стране. Да и на земле вообще... Реликтовые кедрачи — тоже единственные в своем роде... Возьмем само озеро. Оно тоже — большая редкость. Очень глубокое, до трехсот метров. Огромные запасы пресной воды, поразительно чистой воды! Вода — сама по себе ценность, но ведь есть еще и рыбные запасы. Причем, какая рыба! Таймень, хариус, ленок. Но есть и морские виды рыб! Например, сельдь. Как она попала в озеро? Никто не знает. И вообще озеро полно загадок. В близком будущем в заповеднике станут работать ихтиологи, орнитологи, биологи, ботаники. Науке тут есть где развернуться. Непочатый край деятельности! — Иван сглотнул слюну и посмотрел на Анатолия Кузьмича. Тот слушал очень внимательно, покачивал головой — соглашался. Это подбодрило Ивана. — Наш горно-таежный комплекс — уникальный уголок земли, его называют жемчужиной Сибири. Его обязательно надо сохранить для потомков. Поэтому и создан заповедник. На правой стороне... — Иван вздохнул и продолжил уже другим голосом, скорбным. — Но есть и левая сторона. У нашего

озера. А она, как известно, находится в ведении леспромхоза. И как ни больно, является местом плановой рубки кедра. В старину кедр считали плодовым деревом. Старики по губам парней били, если те закуривали в кедряче. А нынче? Валют кедр почему зря. И что самое печальное — он не восстанавливается. Левобережный склон сильно оголен, постепенно разрушается. Зимой идут снежные лавины, весной загремят грязекаменные потоки. Все это летит в озеро, и оно загрязняется, мелеет. Микроклимат приозерной долины нарушается, потому что на левом берегу вырубали деревья. Проникают ветры, которых раньше тут было меньше. Все это ставит под угрозу существование озера в том виде, в котором мы должны его сохранить для будущего... Мы недавно летели над левым берегом вот с моим помощником, со Стригуновым, и лично мне страшно было. Просто страшно. Голые склоны, совсем голые. А что будет через пять лет? Через десять? Богатства левобережья находятся в безраздельном владении браконьеров и всевозможных любителей охоты в недозволенное время. Запасы зверей практически никем не охраняются. Бригады шишкобоев-частников осенью там — полные хозяева. Не задумываясь, валют деревья, чтобы обобрать с вершины десяток — другой шишек. Это ли не варварство? Полная бесконтрольность в обращении с народным достоянием! Нет заинтересованного хозяина на левой стороне. Леспромхозу заниматься охраной некогда. У них план по древесине. Других забот нет... Таким образом, включение берега в состав заповедника поможет сохранить озеро, ценных зверей, рыб, растения и, главное, кедр, запасы которого у нас в стране уже невелики. И ответственные за это — мы.

— Извините, Иван Прокопьевич, — перебил Глухов и, повернувшись к секретарю, сказал: — Я добавлю, Анатолий Кузьмич, что наш заповедник ведет работы по акклиматизации высококачественного соболя баргузинского кряжа. Однако, Анатолий Кузьмич, речка в верховьях, Сельга, откуда начинается озеро, перемерзает, и ценные зверьки переходят на левый берег, где мы их охранить от браконьеров не можем. К тому же браконьеры из-за Сельги посещают наши естественные питомники. Если бы левый берег был наш, попадать любителям наживы к нам было бы затруднительно, поскольку левый берег хорошо просматривается в бинокли с кордонов правобережья.

— Так... — проговорил задумчиво секретарь и откинулся на спинку кресла. — У вас все? Или, может, еще товарищ что скажет? — и он поглядел на Артема.

— У нас и у леспромхоза одна чашка — озеро. И когда с одного края хлебают, с другого убывает, — сказал Артем.

— Ну что же, логично, — одобрил секретарь, — ваша убежденность мне нравится. Ваше дружное наступление... Улыбнулся своим мыслям. — Помнится, Дмитрий Иванович, как в этом же самом кабинете мы выясняли ваши отношения с товарищем Рытовым. А теперь вы, я вижу, заодно. Сработались, значит. Это хорошо. Мне нравится, что вы все так дружно выступаете. Надеюсь, и в будущем так же будете... — Устало провел рукой по лицу сверху вниз и будто снял лукавую свою улыбку, и сразу построжел. — Теперь давайте поговорим по существу вашего дела. Вопрос непростой. Очень непростой. Я хорошо понимаю ваши заботы, но ведь надо думать не только об охране природы, но и об ее использовании. Вы понимаете, какой кусок выпадает из хозяйственного пользования? Ведь это — убыточно для нас. Как отнесется к этому управление лесного хозяйства? Вопрос надо согласовать с Госпланом.

— На левом берегу трудные для рубки места, — сказал Иван. — Валить — валют, а вывозить не все удается. Круто очень. Много деревьев в озеро падает, гниют там.

— Тогда почему молчит об этом Жолин? — спросил секретарь. — Он-то почему не поднимает вопрос? — и поглядел на Глухова, который тут же опустил глаза. — А-а, вы беседовали с Жолиным... — догадался секретарь. — И что же он?

Глухов пожал плечами.

— Ясно. Выскользнул Жолин? Ох, ли-са... — поморщился секретарь. — Вот если бы леспромхоз взял да вошел в управление лесного хозяйства с предложением исключить левый склон из плана добычи, сославшись на объективные причины, а управление обратилось бы в Госплан, тогда бы другое дело. Но я знаю, что Жолин не пойдет на это. В прошлом году у него трелевочный трактор упал в озеро. Так вот если у него половина тракторов упадет в озеро — и то он не пойдет на это.

— Не пойдет, — согласился Глухов.

— Вот то-то и оно. Кстати, у вас еще найдутся противники. Рудоуправление, насколько мне известно, тоже проявляет интерес к левому берегу. И если левобережье станет заповедным, им не дадут строить рудник. Так ведь?

Иван хлопнул по записной книжечке рукой и на память прочел:

— ...«На заповедных территориях навечно прекращается всякая хозяйственная деятельность, включая поиски и разработки полезных ископаемых...»

— Вот видите... Так что на это дело надо посмотреть и с точки зрения развития района в целом. Вы, Дмитрий Иванович, здесь недавно, а товарищ Рытов — старожил, должен помнить, каким был район несколько лет назад. Вся промышленность — один леспромхоз. Ключи напоминали захудалую деревню. А сейчас! Видели, какой райцентр отгрохали? Картинка — не село. Между нами говоря, мы ставим сейчас вопрос о реорганизации Новых Ключей в поселок городского типа. Открываются новые рудники, государство получает от нас все больше и больше золота. И требует все больше. А золото — есть золото. Это надо понимать, товарищи. Его роль на современном этапе.

— Валюта... — проронил Артем. И тонко усмехнулся.

— Валюта, — отозвался секретарь, но произнес это слово твердо, как бы затирая Артемову усмешку.

— Я помню, Анатолий Кузьмич, Старые Ключи, — сказал Иван. — Деревня была обыкновенная. И все-таки хоть важно золото, а кедр рубить государству невыгодно. Вырубленные кедрячи не восстановить ни нам, ни нашим внукам. Если разрешите, я зачитаю вам одну выдержку. Из журнала.

— Пожалуйста...

— «В настоящее время первостепенным делом заповедников признается охрана природных комплексов в целом. Однако сейчас уже начинается обсуждаться вопрос о глобальной роли заповедника земного шара для всей биосферы. И хотя сегодня охотхозяйственные и конкретные экономические факторы создания заповедников еще не утратили своего значения, постепенно они заменяются более серьезными доводами, вплоть до заботы о биологических ресурсах планеты. Но ведь удачно созданный заповедник одновременно является национальной гордостью, занимает свое место в ряду историко-культурных ценностей, и это его значение может лишь возрастать с течением времени по мере неизбежного, к сожалению, обеднения первоизданной природы». Вот что, Анатолий Кузьмич, говорят передовые советские ученые.

Секретарь слушал с интересом и даже лоб наморщил, кажется, он что-то вспомнил и не мог вспомнить. Потом сказал:

— Академик Юрков! — и хлопнул ладонью по столу, и засмеялся облегченно. Вот что он вспоминал — фамилию.

— Да, Юрков, — подтвердил Иван. — Это его слова. Он занимается вопросами охраны природы. У него много статей.

— А ведь, кстати, он писал когда-то и о наших кедровых лесах. Давно, правда. Лет десять назад. Не читали?

— Не встречалось.

— Поищите. Весьма интересно. Вот уж кто за вас бы вступился, так это он, Юрков.

— Мы воспользуемся вашим советом, Анатолий Кузьмич, — проговорил с улыбкой Артем. — Обязательно.

— А разве я вам что-нибудь советую? — улыбнулся в ответ секретарь. — Я вам ничего не советую. И вообще, товарищи, я не смогу поддержать вашу идею. Идея, конечно, хороша, слов нет. Но... — он развел руки, — ничего у вас не получится. Руководство района будет против. Скажет: как же так? Мы развиваем район, стараемся вытянуть его в крупный поселок городского типа, а вы назад тянете, в дикость? В прежнюю отсталость. Назад нас повернуть сейчас трудно. Даже невозможно. Поглядите, какой энтузиазм у людей. Рудоуправление появилось. Прогресс! Трудимся на важной стройке. Даем стране ценный металл! Не золото, так район еще бы сто лет прозябал в неизвестности, а тут как будто на виду уже у всех, в передовые выбиваемся. В газетах о нас пишут. В центральных. Это, брат ты мой, для нас не пустой звук. Людям себя почувствовали... Вот таким образом, Дмитрий Иванович... Да, вы вчера говорили, что составили ходатайство в райисполком. Оно у вас?

Глухов подал бумагу, и секретарь углубился в чтение. Читал он медленно, вдумчиво. Видать, характер у него был такой: глубоко вникать в каждую суть.

Прочтя бумагу, вздохнул безнадежно и вернул ее Глухову.

— Ну что же... Из райисполкома ваше ходатайство попадет к нам на бюро. Соберемся мы, члены бюро: я, Сорокин, Жолин, председатель райсовета, другие руководители и будем решать. — С участием поглядеть на Глухова. — Как вы считаете, Дмитрий Иванович, каково будет наше решение? Отдадим мы вам левый берег или не отдадим?

— Не отдадите, Анатолий Кузьмич.

— Верно, Дмитрий Иванович. Не отдадим. Вы видите, как я откровенен с вами! Я играю в открытую, без секретов. И если

бы даже я встал на вашу сторону — не выиграли бы мы. Меня бы просто не поняли наши товарищи. Но я не встану на вашу сторону, хотя и люблю тайгу. Главным все-таки считаю развитие района. Его будущее. Которое без рудников — немыслимо. Вот так...

— Все-таки, как нам быть? — спросил Иван.

— Не знаю, товарищи, не знаю. Поступайте, как знаете. — И поднялся над своим монументальным столом.

Секретарь провожал гостей до двери своего кабинета. И шагая вразвалку по ковровой дорожке, отчего-то неспокоен был. В его лице и в неторопливых движениях ощущалась какая-то недоговоренность. Он вдруг остановился, не дойдя до двери, и этим придержал гостей.

— Дмитрий Иванович, — спросил он, — у вас только одно было дело ко мне? Только о территории?

— Только, Анатолий Кузьмич.

— А больше никаких просьб нет? Помочь продуктами, к примеру, материалами? Или вы стали такие богатые?

— Да нет, Анатолий Кузьмич, богатыми нам быть пока не с чего. Просто мы уже кое-что выбили. В одном месте попросим, в другом, глядишь, и набирается. С миру по нитке...

— Павел Васильевич говорил вам насчет шефства?

— Говорил.

— Вы не отказывайтесь.

— Мы согласились.

— Правильно делаете, правильно... — с рассеянностью говорил секретарь. — Вы соседи. А с соседями надо жить дружно... — он говорил, но чувствовалось: не главные это были слова, были у него в душе какие-то и другие не высказанные пока. От этого и маялся секретарь.

И лишь только он замолчал, лишь только в кабинете восстановилась тишина, когда каждый перед тем, как проститься окончательно, думал: все ли сказано или еще что-то осталось несказанным, Артем вдруг набрался решимости.

— Анатолий Кузьмич... А вот в нашем главном деле... В общем, как бы вы поступили на нашем месте? Что бы сделали?

Секретарь внимательно на него посмотрел, и что-то приоткрылось в его глазах, как-то дрогнули они у него.

— Я бы не обращался в райисполком. Потому что обстановка ясна. Не так ли? Я бы написал сразу в Москву. Потому что только оттуда, издали, можно посмотреть

на наш район объективно. И объективно решить. Исходя из нужд государства в целом. Я бы подключил общественность, прессу. Поставил бы на дыбы всех, кто причастен к этому вопросу. Но сделал бы все это лишь тогда, когда был бы твердо уверен в своей правоте, и когда ради этой большой правоты не боялся бы сломать голову. А сломать ее, Стригунов, в этой ситуации очень легко. Легче некуда. Так что прежде, чем начинать борьбу, надо хорошенько все взвесить, поскольку борьба будет долгой и нелегкой. На быстрый успех рассчитывать нельзя. — Говоря все это, он смотрел только на Артема, показывая, что только к нему относятся эти слова, ни к кому другому, и что они неофициальны. Просто один человек делится мыслями с другим. Старший с младшим.

— Я на все готов, Анатолий Кузьмич, — горячо проговорил Артем, и секретарь поморщился от его слишком быстрого решения.

— Не поймите меня превратно, Стригунов, — сказал он с легкой усмешкой. — Я вам ничего не советую. Говорю лишь, как поступил бы сам. Это не значит, что и вам надо так поступать.

— Я понял.

— Ну вот и хорошо. — Секретарь поглядел теперь и на опустившего голову Глухова, и на Ивана, который боялся упустить хотя бы слово из того, что говорил секретарь. — Желаю вам всех благ.

Он крепко пожал всем руки, и Артем почувствовал в этом секретарском рукопожатии не просто прощание, а какую-то неясную поддержку, напутствие. Не ласковое напутствие — суровое.

Пока спускались по лестнице со второго этажа, пока шли по длинным коридорам к выходу — молчали. И еще некоторое время молча шествовали по улице, будто в кабинете выговорились до конца, и ни у кого никаких слов больше не осталось.

Потом Глухов сказал с отчаянной веселостью:

— Похоже, товарищи, что мы влетели с вами в историю. Вот уж не мог и подумать, какой оборот дело примет. Знал бы — ни за что бы не пошел на это... Теперь хочешь—не хочешь, обращайся в Москву. Через голову района. Веселенькие у нас перспективы. Как говорят, либо грудь в крестах, либо... — Тягостно вздохнул. — Насчет крестов — не знаю, а вот голова в кустах очень даже может оказаться. Под старость-то лет. Вам что... С вас спрос не большой. А с меня голову снимут — точно.

— Может, и не писать, — хмуро сказал Артем. — Секретарь же говорил, что он нам ничего не советует.

— Не будьте наивным, Стригунов, — усмехнулся Глухов, — и меня наивным не считайте. Если мы сейчас отступимся, значит, поставим себе клеймо: «Несерьезные люди». Анатолий Кузьмич этого не забудет. А несерьезных людей он не любит. Ну, партизан... И ведь повернул все как. Это надо же... Вот теперь и ломай голову. И думай, что к чему.

— Дмитрий Иванович, а если вам не подписываться в письме? — спросил Артем. — Мы свои подписи поставим, а вы — нет? Тогда вам ничего не будет.

— Перестаньте меня поддразнивать, Стригунов. «Ничего не будет...» Я пока что еще директор, а значит, моя подпись должна стоять первой. А потом уж ваши. И она будет стоять. Вот ведь мышеловка какая: пойдешь прямо — можешь голову потерять. А вернешься — позор примешь. Честь потеряешь. Да-а... Ну, хитер секретарь. Ну, партизан... — Глухов посмотрел на часы. — Ого, время-то летит. Пора, товарищи, в гостиницу. Надо кончать свои дела да плыть к себе домой. Насчет вертолета я вчера вечером договорился. Звонил от Сорокина. Пора домой плыть. Загостились мы тут, загостились...

— В гостинице их ждал Трофимыч.

— Вот вас я могу обрадовать, — сказал ему Глухов. — Идите к хозяйственникам рудоуправления. Сорокин нам кое-чего пожертвовал. На нашу бедность. Получите.

— Это хорошо, — довольно потер руки Трофимыч. — Мне как раз только что Чернов звонил. Пожелал встретиться. Мы его сейчас пощиплем... — Он тут же озаботился. Протер носовым платком круглые очки, водрузил их на нос, взял под мышку отощавший несколько портфель и, хитро усмехаясь, ушел.

— Хоть в этом удача — и то ладно, — задумчиво проговорил Глухов. — Одаривают, как бедных родственников... Но мы не гордые. Мы — возьмем. Пока дают... — Окинул взглядом помощника и лесничего, стоящих рядом в молчаливом ожидании. — Ну что, когда письмо писать будем? Сейчас или дома, в Полуденном?

— Сейчас, — быстро сказал Артем.

Иван согласно кивнул.

Глухов достал из папки бумагу, ручку.

— Давайте, Рытов, садитесь. Отступать нам поздно.

— Надо сразу и академику написать, — напомнил Артем. — За одним чтобы.

— Ему мы копию пошлем, — сказал Иван. — И приписку сделаем. Чтобы, если можно, помог нам.

— Давайте так, — согласился Глухов. Прощелся по комнате, прислушиваясь к своим мягким шагам. — Да-а, отступить — поздно. Поздно... Жизнь я уже почти прожил. Всякое видел. И хорошее, и плохое. Головы мне не жаль. А чести — жаль...

8

Раиса позвала среди ночи:

— Слышь, Саша, спишь, нет? Там вроде кто-то ходит.

Александр Тихонович очнулся от дремы.

— Волки... — неохотно отозвался он.

— Нет. Вроде, как под пимами снег хрустит. Шаги-то человечьи. Не звериные. Соболь как-то нехорошо ворчит. Вот опять хрустит. Под дверями топчется. Неужели глухой? — тихо проговорила она и, поднявшись на локте, затаилась, глядя то на невидимую во тьме дверь, то на оконце, едва-едва проступающее неясной синевой.

Клубков поднял голову, прислушался, и тотчас Соболь завозился у порога, глухо рыча и царапая когтями доски двери. Но и сквозь возню собаки явственно слышалось поскрипывание снега по ту сторону, даже прозвучал негромкий человеческий голос. Недовольный чем-то, раздраженный, и рука сама собой стала шарить по стенке, над головой — искала ружье.

Дверь подергали.

Соболь уже не рычал, а хрипел, и даже сквозь тьму, каким-то особым зрением видел Александр Тихонович ошетилившийся загривок Соболя и замершего перед дверью человека.

— Эй, есть кто живой? — спросил снаружи приглушенный голос.

Александр Тихонович нащупал ружье над головой, сдернул с гвоздя, переломил. Пощупал пальцем капсюли: продавлены бойком, нет ли, но в торопливости и волнении ничего не понял. Вытащил патроны и по весу понял: заряжены.

— Кто там? — спросил он громко, без щелчка закрывая замок ружья и кладя ружье на шкуры, стволом к двери.

— Открывай, свои!

Голос казался знакомым, но Клубков еще не мог сообразить, кто это. Знакомые у него разные есть.

— Свои все дома! — отозвался он, все еще выжидавая.

— Да открывай, Тихоныч. Не узнаешь? Это я, Ленка!

— Кнышев, чо ли? — в растерянности, шепотом спросила Ранса. — Откель ему тут взяты, Леньке-то?

Александр Тихонович ничего не ответил. Поднявшись, засветил коптилку, оделся и, успокоив Соболя, стал отпирать.

Отворил — и правда: с порога ему весело скалился Ленька Кнышев, никто другой.

Давно уж он Леньку не видел, с той самой поры, как последний раз плавал в Ключи. Еще со здоровой ногой. Он тогда, Кнышев, на собственной легковушке ехал, довольный, морда так и лоснилась от удачливости. В чайную завел—угостить. Только Александр Тихонович не сильно податливый — отказался. Знал: Ленька ни с того ни с сего не станет угощать, а обязательно с дальним прицелом. И как в воду глядел: в напарники метил.

Разговора тогда не вышло. Напарник-то нужен был Клубкову, да не такой. Этому — спину не подставляй, опасайся.

Ленька — жилистый мужик, ходкий и пронирующий. Он и в избушку втерся вертикально, проскользнул между косяком и хозяином, не дожидаясь, пока ему дорогу дадут. Не из тех. Поставил карабин к стенке, уселся на лавку перед печкой, в которой еще теплились уголья. Полушубок не сбросил и тощий мешок с плеч не снимал, только шапку скинул на колени.

Борода у него уже отросла порядочная, рыжая. Знать, давно Ленька тайгует, не иначе, как с поздней осени. И мешок за плечами больно тощий, еды в нем на раз взято. Видать, зимовье у него близко, присоседился где-то под боком, нежданный гость, негаданный.

Пригладил ладонью жидкие, слипшиеся от пота волосы, ухмыльнулся заросшим, похудающим лицом.

— Чо это у тебя там за охрана? — кивнул на дверь. — Нарочно расплодил или как?

— Волки-то? — спросил Клубков.

— Но.

— Черт их плодит. Развелись заразы...

Ленька все ухмылялся, оглядывал избушку. Зимовье как зимовье. Бревенчатые, закопченные стены, железная охотничья печка с прогоревшей дверцей. Пол из нетесаных, колотых плах, крохотное оконце. Свету оно даже днем мало впускает в избушку, зато медведь в него не влезет, не напакастит.

— Вроде, как не радый, что пришел? — спросил Ленька, сворачивая самокрутку.

— А ты разве какая божья благодать,

чтобы радоваться тебе? — сдержанно отозвался Клубков, усаживаясь на нары и удерживая ногами норовившего выскочить из-под низу Соболя, все еще оцетинившегося, глухо ворчащего на гостя. — Ангел какой?

— Да нет, я не благодать. И не ангел, — коротко, колко рассмеялся тот и нагнулся к печке, вылавливая рукой тлеющий уголек. Прикурил, покатав уголек на ладони и бросил обратно в печку. Распрямился, посмотрел на хозяина в упор.

Нехорошие были у Леньки глаза, с сухим блеском, звероватые какие-то, настоженные. Может, и у Клубкова такие же сейчас глаза, но ему не видно, а Ленькины он ясно видит перед собой — звероватые, на все готовые.

— А я вот зашел, — сказал тот, посаывая самокрутку впалыми щеками, и голос у него был сухой, воспаленный. — Как никак, а рядом живем. Я ведь на перевале в кедраче обжился. В зимовье.

— И давно? — поинтересовался Клубков.

— Да как тебе сказать... Эдак с месяцко уже.

«Врет. Больше», — подумал Клубков, а вслух еще спросил:

— Промышляешь, значит?

— Помаленечку, — скромно ответил Кнышев, но его глаза светились довольно, выдавали они его, глаза.

У Александра Тихоновича тяжело под сердцем ворохнулась злость, даже дыхание сбилось, и он опустил голову, чтобы не показать этого. Кто-кто, он-то знает это Ленькино «помаленечку». Если уж влез сюда, то присоседится, как клещ, всю округу почистит, захудалого соболишки не оставит. Ему здесь удобно, на перевале-то. Сверху до низу, до самой Сельги угодя обловить сможет да еще и через речку перескочить в заповедник у него не заржавеет. Взял-таки свое, подлец. Сколько лет мылился, набивался в напарники, а теперь, когда его самого выжили из родного дома, возле которого остались могилы отца и матери, беспризорные, вот тогда и обнаглел Ленька, пришел на угодя чужие как хозяин. Да еще и усмехается: «рядом живем». Сосед завелся...

— Ну, будет... — тяжело проговорил Александр Тихонович и поднял голову от пола. — Зачем пришел-то?

— Я же говорю: по-соседски, — хмурился от дыма Кнышев.

— Вон которые за дверью — тебе соседи.

— Зачем торопишься, Тихоныч? — слегка притушил глаза, унял их сухой блеск. — Я к тебе с добром. Не со злом. Сколь я к тебе просился — ты меня отталкивал, ровно собаку. Не брал к себе. Брезговал. Но я на тебя зла не держу, Тихоныч. Ты меня не брал, а я тебя беру. С худой ногой — беру... — покосился на маралью тушу у порога. — Зверовать ты, поди-ка, еще можешь. Только это дело нехитрое, марала завалить. Соболишек тебе нынче не взять. Соболя — зверь проворный, здоровые ноги побиты... Вот и пришел с добром. Пошли ко мне в напарники, Тихоныч. В убытке не останешься.

— Долго думал? — спросил Клубков еще спокойно, а пальцы шарили по доскам пар, что-то искали.

— Значит, не подходит? — Ленька удивленно приподнял рыжеватые брови и гримаску сделал на лице: удивленную и обиженную. И еще плечами подернул. Глядел на хозяина, ждал объяснения.

— Ты, верно, забыл наш разговор-то? — произнес задумчиво Клубков. — Тот, давнишний-то разговор?

— Да, это когда было... И время другое было. Ты еще тогда хозяином жил на Щучьем, угодря за собой держал. Никого не пускал. А теперь жизнь по-другому повернулась. Кто ты теперь, Тихоныч? Да, считай, что никто. Незаконный человек. У меня прав и то поболее твоего. Я-то договор с заготпушнинной имею, а у тебя никакой бумажки. Даже пустячной бумажки нету. Придет любой штатный охотник с договором и попрет тебя отсюда куда подальше. И ты ему против ничего сказать не сможешь... Я-то, дурак, еще пожалел его. Помогу, думал, а он... — Ленька плюнул на самокрутку, бросил и затоптал. — Ну как? — спросил еще обиженным голосом.

— Ты мои слова наперед знаешь, — произнес Клубков жестко. — А другого и не дождешься. Никогда. Покуда живой — не пушу. И мертвый буду — медведем откуда-нибудь выскочу, заломаю. Хоть с бумагой, хоть без бумаги — все одно.

— Гляди, Тихоныч, гляди... — длинно вздохнул Ленька. — Отказаться — большого ума не надо, да как бы не пожалеть потом. Работать я нынче широко, угодря большие, одному все не обрыскать. Придется, видно, кого другого просить. Из Ключей или еще откуда. Желающие будут, только свистни. Да неохота мне другого-то звать, кроме как тебя. Ты — мужик надежный. Напару-то мы бы озолотились тут. Я бы не обидел.

— Не обидел бы? — пасмурно усмехнулся Клубков.

— Не обидел бы.

Клубков качнулся на нарах.

— Когда это ты меня так полюбил-то? Когда успел?

— Да, я всегда к тебе был с душой. Это ты морду от меня воротил. Вот и сейчас воротил, и кобель твой готовый ко мне на шею скокнута, а я опять же — с добром. Когда не любил бы тебя по старой памяти, разве так бы с тобой толковал? Я бы много слов тебе не говорил, а показал бы бумагу на эти угодря — и весь с тобой разговор. И убирайся куда хошь. А я и бумагу не кажу, и с угодий не гоно.

— А ты покажи се, бумагу-то.

— Да, придется. Если так желаешь... — Ленька озаботился, полез рукой под полушку, шарил там, шарил, и лицо его приняло растерянное выражение. — В зимовье оставил. Придешь — покажу. Забыл с собой-то взять. Думал, по-доброму договорился.

— Ну, ладно... — проговорил горячим голосом Александр Тихонович, — ладно... Много ты чего говорил, теперь и меня послушай. Что я тебе скажу. Угодря эти — мои, Ленька, ничьи больше, — говорил и загибал пальцы на руке. — Ущелье — мое, кедрач на перевале — мой, Щучий мыс — мой, все тут мое! — пальцы крепко сжал в кулак и покачал им перед Кнышем. — Испокон мы тут, Клубковы, тайговали. Избушка на перевале — и та наша. Еще дед мой ладил ее. И эта, в которой ты сидишь, — тоже дед ладил. Для нас, для рода своего ладил, не для чужих, пришлых людей... А потому, Ленька, надо тебе искать другую тайгу, а не шариться на чужих угодря. За это в доброе-то время знаешь как наказывали? Таких вот охотничков-то? Но я на себя грех не хочу брать. До срока. А потому упреждаю: ступай отсюда куда подальше. Чтоб я ни одного следа твоего тут не видал. И бумагу захвати с собой, ежели она у тебя имеется. Кому-нибудь другому покажешь...

Ленька поглядел на качающийся перед ним кулак, и в его звероватых глазах метнулось бешенство, он даже вздрогнул и судорожно сглотнул слюну, но опять притушил глаза, опустил их вниз — успокаивался. Не все он еще высказал. Еще что-то было.

— Да, тебе одному не обловить угодря, — сказал он спокойно. — Ты вот жадничаешь, а того не поймешь, что добро зря пропадет. Без всякой пользы.

— А это уж я сам разберусь. Куда мне давать добро, — тоже успокаиваясь, проговорил Клубков. — Хозяин — барин.

— Хозяин... — Ленька усмехнулся. — Ты как дите малое, никак понять не можешь... Со Щучьего выперли и отсюда скоро выпрут. Живешь тут, как крот в норе, ничего не знаешь, не слышишь... Я вот что тебе скажу. Недавно я с одним мужиком разговаривал. Он раньше в заповеднике работал обходчиком, ну а теперь на руднике. Так вот он и говорит, будто в Полуденном только и разговоров как об левой стороне. Хотят они и эту сторону к себе взять, в заповедник. И, вроде как, собираются в Ключи ехать. Просить об этом самом. Чтобы им отдали.

— Врет он, врёт... Не верь, Саша, — подала голос, молчавшая до этого Раиса. — И бумаги у него нету никакой, и все он врёт!

— Когда приедут выселять, тогда увидите, вру или нет, — ухмыльнулся довольно Ленька. Новость сработала. И Раиса вон не выдержала, да и сам Клубков посмурнел. Виду не подал, а поверил, смущенье в душу ему запало. Пусть оно его теперь гложет. Пусть помучает. — Ну и этот самый мужик, — продолжал Ленька, выждав время, чтобы успели переварить услышанное, — сказывал, что больше всех там старался племянничек твой, Ванька Рытов. Будто бы так и говорил: мол, скворчнуть надо Клубкова и отудова, из-за перевала прогнать. Чтоб он нам наши новые уголья не попортил... И чо он на тебя такой злой, Тихоныч, а?

Клубков тяжело молчал.

— Давай, Тихоныч, так, — продолжал уже увереннее Ленька. — Неправда — в морду потом плюнешь. Да и врать-то мне какой резон? Они, заповеднички-то, вишь чо удумали: соболишек сюда черных запустили. А у каждого кота — жестянка на ухе, и там буквы какие-то и цифры. Если бы они не верили, что им отдадут эту сторону, то чего бы им сюда зверя пускать? Не пустили бы. Ни в жизнь... Я как услышал про черных-то соболишек, сразу сюда и забирался. Дай, думаю, обловлю места, пока кордонов не наставили. Потом уж не сумеешь, самого заловят. Главное, время бы не прозевать. Его не так уж много и осталось. Вот почему я и об напарнике шибко хлопочу. Мы бы оба обзолотились. Я добычливый, ты меня знаешь. Ну дак как? Все, поди, не веришь? — с кривой усмешкой помотал головой. — Ну, люди-и... Глухня — глухней, ничему не верят... —

Стащил с плеч мешок, начал развязывать. — Тут я одного кота добыл сегодня. Могу показать. Если желаете, — и с вопросом глядел на Клубкова и Раису. Как они? Они молчали, и он не стал развязывать узел. Мол, дело ваше.

И тут же Раиса не поверила.

— Покажи, покажи.

Ленька пожал плечами, нынул из мешка соболя, бросил Клубкову на колени. Равнодушно бросил, устало.

Черный был кот, совсем черный, ость даже при копилке искрилась, будто мелкие огоньки вспыхивали на каждом кончике, на каждом острие волоска. Нездешний был соболя, не этих мест. И по цвету, и по кряжу видно. Помимо воли Александр Тихонович залюбовался им, легонько дуя против шерсти. А на ушке — точно: жестянка прицеплена и на ней проглядывают буквы: «ПГЗ», а под этими буквами — совсем уж маленькие, их при таком свете не различишь.

— Ну «ПГЗ» это, как я понимаю, — Полуденский государственный заповедник, — сказал Ленька и не спешил брать соболя у хозяев, чтобы досыта они на него нагляделись. — Вот здесь, на гриве, и добыл. На перевале. Над самой твоей избой. Вокруг тебя, Тихоныч, черный соболя бродит, а ты знать не желаешь. Вишь, как интересно получается. А еще — хозя-я-ин...

Низко опустил Александр Тихонович тяжелую голову и молчал — слов не находилось. Как обухом оглоушили его Ленкины новости, да и меченый соболя сам за себя говорил. Откуда он сюда, на гриву, попал? Ясно: заповеднички выпустили. А раз выпустили, то все — уголья они заберут. Из Щучьего выжить его сумели и отсюда выживут. По пятам они за ним идут, как волка травят, никак отстать не хотят. Если и отсюда выгонят, куда податься? Только и останется — к гольцам, к вечным снежникам. Но это еще ладно, если к весне провернут дело. А вдруг да зимой все решат? Пошлют сюда экспедицию? После того случая с Сельгой от них теперь всего можно ждать.

Молчание Клубкова Ленька расценил по-своему: колеблется.

— Решайся, Тихоныч, чего сомневаешься, — подталкивал он с веселостью в голове. — Дело-то верное. Соболишки нынче шибко дорогие стали. И на заготпушнине набавили, и промеж людей, веришь, по сотне за кота дают, а то и больше. А я дак считаю, с заготпушнинной надо поменьше разговаривать. У меня есть надежные му-

жики... Слышь, — понизил он голос до заговорщицкого шепота, — есть у меня мужики из города. Им можно оптом. За любого kota, какой он ни есть — две заготпуштинские цены. Без разговоров. И деньги сразу. Без вычетов. Чистенькие... Так что решайся, Тихонич. До конца февраля тут полови, а потом — куда душа пожелает. Все равно тебе отсюда сниматься надо. Можешь в город податься. Кооперативную квартиру купишь — заживешь, как люди. Ты ведь еще и не знаешь, как люди-то живут. А я — знаю. Там баба за водой на реку не ходит. Открутила в кухне крантик — потекла водичка. Хошь холодная, хошь — горячая. Какая тебе нужна. Помыться захотел — напускай в ванну воды опять же из крантика и лезь, купайся. А нужник прямо в квартире.

Раиса заулыбалась.

— Горазд ты врать, Ленька. Нужник в квартире... А запах?

— Запаха никакого нету. Все водой промывается. А-а, глухия и есть глухия. Чего с вами говорить, — махнул рукой. — Одичали тут совсем, ничего культурного не видели... В городе — жизнь легкая, — сощурился мечтательно. — Ни за водой ходить не надо, ни печку топить не надо, — потому как — батареи. Сиди себе в теплой квартире, попивай чаек, да гляди в телевизор. Я бы на вашем месте так и сделал: скопил деньжат — и в город. А не хотите в город, можно квартиру достать и в Новых Ключах. Там сейчас дома тоже хорошие, городские. Кое-кому соболишек сунуть — и будет квартирка. Если уж боитесь далеко ехать. Сам я тоже последний сезон ловлю, к весне сматываться буду отсюда. Хватит, потайговал... Мне бы напарника на остатнее время. А потом — в разные стороны. Ты в одну, я в другую. И — не знаем друг дружку. Раньше в глаза не видели. Разбежались — и нету нас.

Слушал Александр Тихонович неторопливые, спокойные Ленькины слова и удивление брало, и боль была за самого себя, что вот он слушает и не оборвет его криком, которым уж давно душа наполнилась. Вот ведь к чему клонит: обловили угодья и разбежались. Будто воры какие! Да только воры так и делают, никто больше. И будто обожгло его. На воровство его этот пришлый, верткий человечишка клонит, а он уши развесил. И где воровать-то предлагает? На его же, Клубковых, угодьях, на тех самых угодьях, которыми кормился весь его род. Деда Клубков помнил смутно: сопливым пацаном еще был, как деда мед-

ведь заломал. А отца-то ясно видел, в последнее время он ему отчего-то часто приходил во сне. Ничего не говорил, а только глядел на него, на сына, с укором. За что он корил-то? Знать бы... Не жадный был его отец. Добывал — лишь на прокорм семьи, ну и в запас, на черный день, конечно, копил. Но — немного, меру знал. Угодья свои подчистую не облавливал. Еще с осени брал его, Сашку, и Прокопия, и шел с ними в тайгу: поглядеть какой урожай и на что. Много ли белки, соболя, горностая. Чего и сколько можно взять. Да так взять, чтоб в убытке не остаться, и зверя не извести, оставить на расплод. Он был тут хозяин и распоряжался в тайге умело, по-хозяйски. С осени, пока медведи накопили жиру и искали еще место под выворотнями, по чернотропу брал одного: ради шкуры и жиру. Шкуру стелили на пол для теплоты, жир вытапливали для лекарства и коптилок. Окорока — солили. Для себя и для собак. По осени же заваливали марала, а потом, глубокой зимой — еще одного. И хватало. Голодом не сидели, однако сильно-то и не объедались. Отец это считал вредным. А кедрач этот верховой? Когда шишковали, то опять же — бережно. Ветки зря не ломали. Боялись: отец увидит — отхлещет хворостиной, приговаривая: «Не пакости в тайге, не пакости!» Правда, Прокопию — тому реже доставалось, а ему, Сашке, очень даже часто. По молодости жадность-то шибко глаза ему застила. Только вот теперь, спустя много лет, начал вспоминать он укоряющий взгляд отца. Интересно было бы поглядеть, был бы отец живой, как бы он к заповеднику-то отнесся? Пошел бы к ним в обходчики или так же, спалив дом, забрался за перевал, подальше от всех? В эти далекие угодья, которыми пока что никто еще не завладел? Вот бы интересно узнать, да не узнаешь. Отец хоть и приходит во сне, да молчком. Одно лишь и приятно: с Ленькой он и разговаривать бы не удосужился. Тем более — воровать в своих же угодьях. А если уж и не в своих, пусть в скором будущем — заповедных, так все равно: рука не поднимется, потому что места эти для него — святые, памятью всех предков освященные. Вот ведь до какой стыдобы дожил: обобрать угодья и в разные стороны... Ну Ленька — пусть сам думает, куда бежать. Он не сильно таежный мужик, на мягком сиденьи собственной лежковушки любит зад покоить. Ему и тайга нужна только, чтобы обворовать ее, не больше. А он, Клубков, куда побежит? В какие края? Тот раз, ночью, чтобы как-

то утешить Раису, посулил неясно, дескать, доживем до весны, а там видно будет. Она и успокоилась, понадеявшись, что на самом деле уедут в город, к дочкам. А он потом поразмыслил над этим — и страшно стало. Даже подумать, что не увидит больше тайги — и то страшно. На кого бросать могилы отца и матери, деда, других предков, от которых он, Клубков, родился на белый свет? Звери — тем все одно, они родства своего не помнят. А ведь он-то человек, у него на все память есть. И душа есть. Сильно он прирос к этим местам и, если вырвет корни, то нигде больше уж не приживется. Даже деревья — и те пересаживают, пока они еще и не деревья вовсе, а только кустики. Принес же когда-то отец такой березовый кустик, посадил возле дома на Щучьем, большое дерево вымахало. Попробуй его теперь пересади — пропадет. Или дочек взять: уехали молодыми и ничего, живут себе в городе, будто и родились там. Но ведь они совсем молоденькими туда уехали, еще из интерната. Не корни у них были — корешочки, им лишь бы почва, они везде приживутся. Ему же и Раисе сниматься трудно. Это как на гибель идти. Но Раиса — женщина, женщины легче приживаются. Ей что... Сиди себе дома да еду вари. Ей еще легче будет там, в городской-то теплой квартире, а его тоска задушит. И так может получиться, что бросит все да и назад сбежит. Все может случиться, все... Жизнь — она ведь такая: то придушит, кажется, уж и жить дальше никак невозможно, а потом возьмет да посветит чем-нибудь спереди. Какой-нибудь маленькой надеждой. И снова жить можно. Бредешь к этому огонечку, тянешься к нему, откуда и силы берутся. Вдруг да и ему как-нибудь посветит к весне. Весна не только тайгу обновляет, но и саму человеческую душу. Вот на что надеялся тот раз Александр Тихонович: на весеннее обновление. Этим только и за жизнь держался.

Ленька уже ничего не говорил. Весь выговорился. Ждал теперь, когда Клубков скажет свой ответ. Легко ждал. И Клубков, наконец, поднял голову.

— Ну, вот так мы порешим, — сказал он хриловато. — Еще две ночи ты в избушке ночуй, а на третью — уходи.

— Я чего-то не понял... — Ленька изумленно тарашил глаза, и Клубков подумал, что он впервые вот так Ленькины глаза видит: неподвижные, замершие на одной точке. Сроду они у него виляют из стороны в сторону, сторонятся чужого взгляда, как яркого света, а тут — остановились на нем.

— Говорю, чтоб на третью ночь тебя в избушке не было.

Растерянность Ленькина прошла скоро. Снова зверовато глаза посверкивали, и он уже не скрывал этого. Не к чему было.

Усмехнулся.

— А ты отчаянный, Тихоныч. Старый, а шибко отчаянный, аж боязно за тебя. Гляди, как бы не сгинуть в тайге-то. Сгинешь — никто и искать не станет. Кому ты нужен, незаконный человек. Никто не знает, есть ты на свете, нет ли...

Кнышев поднялся со скамьи, нарочито лениво потянулся. Потом так же не спеша взял карабин, взвесил в руке и ухмыльнулся, увидев, что Клубков с места не двинулся, так и продолжал сидеть на нарах, как сидел, а вот Раиса, та словно бы невзначай положила руку на цевье ружья, и пальцы ее легли на нужные места. А стволы глядели на Леньку. Прямо на него.

И он этому тоже усмехнулся.

— До встречи, Тихоныч, — сказал он со значительностью. — Поди, еще свидимся в тайге-то.

Помни, что я сказал. Чтобы потом в претензиях не был, — и едва Ленька вышел, отпустил Соболя, который настороженно затаился у двери.

И хозяева тоже затаились. Ждали...

На воле Ленька поскрипел снегом, раскатывая, видно, лыжи, зло матернулся. Может, на хозяев, а может, и на волков, если те все еще крутились возле избушки. Щелкнул затвором карабина, и шорох лыж стал удаляться.

— Кинулись бы они на него, — сказала Раиса.

— Не кинутся. Ворон ворону глаз не выклюет, — уронил Александр Тихонович.

Запер дверь, стал укладываться на нарах.

— Что ж теперь будет-то? — горько спросила Раиса.

— Поглядим...

Прижалась к колючей мужниной щеке.

— Боязно мне, Саша. Сердце нехорошее чует...

— А ты ему не давай воли, сердцу-то, — сказал он грубовато и погладил мокрую щеку жены. — Ему только дай волю — не обрадуешься. Замучит вовсе.

Помолчав, спросил, глядя в темный потолок:

— Дочерние адреса-то у нас где?

— У меня. В кофте зашитые. А чего вспомнил? — В ее голосе был испуг. — Пошто сейчас-то вспомнил?

— Да я к тому, что как-то съездить бы

тебе надо. Попроведовать. Сколько ведь лет прошло...

— Много, Саша, много... — Загорюнилась Раиса. — Поди, уж и не узнать их теперь, взрослых-то, совсем.

— Узнаешь. Кровь скажет.

— А ты?

— Куда мне... С моей ногой, — вздохнул Александр Тихонович. — Съезди одна. Погляди, что и как там, а воротись — расскажешь. Обоим-то сразу нам не надо трогаться.

— Это что ты говоришь-то, Саша? Да как у тебя язык-то поворачивается такое сказать? — Она задышалась от возмущения и, повернувшись к мужу, пыталась разглядеть в темноте его глаза. — А если тут без меня, не дай бог, что-нибудь случится? Тогда как? Я ведь не переживу этого, Саша. Совестью потом изойду. Зачем же ты меня на такое толкаешь? Неужто заслужила, чтобы ты про меня так думал?

— Я хотел как лучше, — оправдываясь, уронил он.

— Лучше — если обоим ехать. Или обоим остаться тут на веки вечные. А если уж помирать, так тоже — вместе, в одночасье. Чтобы один не убивался по другому...

Потом они долго молчали.

Слушали, как, остывая, потрескивали уголья в печке, да на воле, где-то совсем близко, подвывали волки.

9

Воскресным утром, когда Артем вышел из дому и шагал узкой тропкой через березняк к селу, ему подумалось, что вот тропинку эту сам он пробил ежедневным своим хождением от дома к конторе, к магазину, и она плотно утоптана его ногами. Знай, иди да иди — приведет куда надо, не заблудишься. А к Ритиной душе не удалось ему дорожку проложить. Затянулась его дорожка к ней небылью. И еще подумалось ему, что вот минует он сейчас березник и увидит село не таким, как раньше — особенным, потому что и день был особенный, горький для него день, который только-только начинался, а Артем уж не вынес одиночества, шел к Ивану, чтобы хоть в разговорах отвлечься.

И правда, оживленным выглядело Полуденное, будто вдруг очнулось от спячки посередь зимы. В другие воскресенья, бывало, никого на улицах не увидишь, все отсиживаются по теплым избам, просто так на мороз не выманишь, собаки — и те где-то прятались. А тут — и мороз не мороз.

Мужики, как шатуны, бродят от дома к дому, пересмеиваются, перемигиваются, томятся в ожидании часа, когда можно будет идти к дому Спириных.

Бабы в нарядных, цветастых шалях, вынутых из сундуков и чемоданов, стоят возле своих калиток, громко переговариваются с соседями через дорогу. Кажется, будто село только тем и жило, что ждало, когда же, наконец, Анисим с Ритой станут играть свадьбу. И вот насилу дождалось.

Возле магазина былолюдно.

Анисим в новом желтом полушубке, с заиндеветшей бородой, вдвоем с кем-то из мужиков стаскивал с крыльца ящик водки. Любопытные и помощники-доброхоты радостно гомонили, были в приподнятом настроении, предчувствуя большое веселье. Даже собаки и те откуда-то сбежались, и не грызлись между собой, а сидели вокруг магазинного крыльца чинно, как на выставке, мели хвостами снег, тоже чего-то ждали.

Артем поздоровался ровным, может, чуточку излишне бодрым голосом и пошел дальше, стараясь не смотреть на калитки, возле которых дежурили бабы, чтобы не видеть сочувственных глаз, но и спиной видел: все ему вслед глядят. И лишь отойдет он подалее, сразу же и заговорят о нем. О его неудавшемся сватовстве к Рите. До конца зимы теперь всем разговоров хватит, если не случится еще что-нибудь особенное и не отвлечет от него всеобщего внимания.

Затаенный, нахохлившийся от любопытных взглядов, шел Артем по улице мимо конторы, мимо дома Риты, даже на вид теперь пустого и холодного, с заколоченными крест-накрест окнами. Тропинка у калитки снегом запорошена — никаких следов. Неделю назад перешла Рита к Анисиму. Боялась, что опоздает. А может, и опасалась, как бы он, Артем, снова к ней не пришел? Вдруг да этого и боялась?

Как бы то ни было, но уже не будет теперь светить по вечерам Ритино окно. И никто не отворит эту калитку. Некому...

Через дорогу же, из трубы Анисимова дома, густо валит дым — жарили и парили для всего села. Весело сновали по двору женщины — помогали: то одно тащили из погреба в избу, то другое. Скоро совсем весело тут будет.

Артем отвернулся и больше по сторонам не глядел, только себе под ноги. Чего глядеть? Хорошего все равно ничего не увидит. Только душу растравит.

Иван был в своем огороде, ползал на

корточках перед саженцами кедров, мерял под ними глубину снега тонкой рейкой. Побритый был Иван, свежий какой-то. Не иначе, как тоже на свадьбу готовился, и это Артема неприятно удивило. Хорош друг!

Увидев Артема, поднялся, отряхнул снег с колен.

— Весной пересажу куда-нибудь на пролысины, — сказал он, будто продолжая давно начатый разговор. — Весь огород они у меня затеяют, эти кедр. А хорошие уже стали. Правда? Я вот подумал: а не станут ли они раньше плодоносить? Эти искусственно выращенные? А? Как думаешь? И вообще, вывести бы культурный сорт кедра. Со здоровыми шишками. Величиной со здоровый огурец-семенник. Ведь можно, наверно? Раньше яблоки-дички были совсем мелкие, а теперь какие? Летом я в Ключах Альке покупал — прямо огромные, даже крупнее тех, что мы в кафе ели. На вечере-то на том. А кедр чем хуже? Почему его нельзя культурным сделать? И разводить наравне с яблонями? Любой бы хозяин такой кедр посадил бы у себя в саду.

— Наверно, можно, — вяло отозвался Артем. — Попробуй.

— Попробуй... — усмехнулся Иван. — Хорошие сорта яблок много лет выводились. Сколько селекционеров родилось и умерло, пока сегодняшние яблочки появились. Так что и на кедр одной жизни не хватит. Ни моей жизни не хватит, ни Алькиной... Вот если бы после меня кедром Алька занялся, а потом его дети, внуки, дети внуков, тогда бы что-то вышло...

— Далеко заглядываешь, — сказал Артем. — Это конечно хорошо — мечтать. Да нам бы пока, при жизни, тот кедр сохранить, который есть. И то бы прекрасно было. Вертолет-то когда будет?

— Ты, как Глухов, заговорил, — прищурился Иван. — Только о сегодняшнем дне думаешь. Непохоже это на тебя. Что-то ты весь мятый. Не спишь, что ли?

— Когда будет вертолет-то? — переспросил Артем.

— Завтра с утра.

— Не могли сегодня?

— В воскресенье-то? Ну ты даешь, Артем. Сегодня все отдыхают. Даже летчики... — Он еще что-то хотел сказать помощнику, но повнимательнее глянул в его лицо и понял: Артем готов сейчас плыть ли, лететь ли куда угодно, лишь бы только не быть этот день в Полуденном. А потому он молча взял его под руку и увел в дом, где жарко топились печи, было тепло, уютно и спокойно. Размеренно ходики тикали со

стены, отсчитывая время, Алька возился на диване со щенком.

Сели пить чай, которым в селе принято начинать и новый день, и разговор с гостем.

— Не спал? — спросил Иван как бы между прочим.

— Дрыхнул без задних ног, — отозвался Артем, давясь кипятком.

— Не нравится мне твой вид, — снова сказал Иван. — Весь какой-то зеленый, мятый. Смотреть тошно.

— Я могу и уйти!

Артем рывком вскочил с табуретки, но Иван поймал его за руку. Успел поймать. И держал крепко.

— Садись, — проговорил он скрипучим голосом. — Есть разговор.

Артем безразлично пожал плечами и сел. С безразличием на лице. Говори что хочешь, мне все равно. Ничем не удивишь.

— На свадьбу пойдешь?

— Обязательно. Там меня ждут-не ждутся.

— Значит, не хочешь идти?

— Ты что, издеваешься? — тихо спросил Артем.

— Да нет, Артем, не издеваюсь. Хорошо; что ты пришел, а то я уже сам собирался к тебе. На эту тему поговорить.

— И побрился с утра и приделся? Для этого самого?

— Для этого самого. И ты пойдешь побреешься и приоденешься, Артем. Прямо сейчас вот и пойдешь.

— Значит, чтоб потом на свадьбу?

— На свадьбу.

— Интересно, кем же я там буду, на свадьбе-то? — горько усмехался Артем. — Хочешь на посмешище выставить?

— Гостем будешь. Обыкновенным гостем. Смеяться никто не будет. Сам увидишь.

— Нет, Иван, нет, — покачал головой Артем. — Тут ты меня не заставишь. Прав у тебя таких нет. Другое — что хочешь проси, и я сделаю, а на свадьбу — извини... Извини, Иван...

— Ну как знаешь... Не пойдешь — людей обидишь. Все подумают, что ты затаил зло. Остерегаться тебя будут. Отношения со всеми будут уже скованными, не такими, как до этого. Тут вот как, Артем, вопрос стоит: если думаешь жить в Полуденном — придется идти к Анисиму. Хочешь-не хочешь, а придется. Надо подняться над самим собой. Сердце зажми в кулак, а иди.

— Легко тебе советовать, Иван, — ворчливо проговорил Артем. — Совсем даже

легко. Даже задумываться не надо. А если я не смогу в кулак-то зажать?

— Значит, грош тебе цена, — холодно бросил Иван.

— Может, и грош, — легко согласился Артем. — А может, и правда уехать мне отсюда? Куда-нибудь подальше? Чем сердце-то в кулаке держать. Я ведь не такой сильный, как ты. Это у тебя все просто, а у меня — нет... Не просто...

— Дава-ай! — крикнул Иван. — Уезжай, Артем. Это ты верно решил! — вскочил с места, заходил по комнате. — Чего мучаться? Для какой надобности? Сел да уехал! Куда проще! Мы вот с Алькой тоже: посмотрим, посмотрим да и тоже подадимся к мамке в город. Гори он синим огнем этот заповедник! Что, нам больше всех надо? Какие-то письма рассылаем ученым, какой-то левой стороны добиваемся! Лесники вон разбегаются, и мы уйдем вместе с ними. — Повернулся к сыну. — Ну как, Алька, уедем отсюда?

— Уедем, — сказал Алька. — А когда?

— Да в любое время.

— Когда поспим?

— Завтра и уедем. Собраться нам не долго.

Обернулся к окаменевшему Артему.

— Видел, как мы быстро все решили? Пропадай кедр! Какое мне дело до того, научатся их выращивать или нет? Да на все плевать! Потому что мне, понимаешь, лично мне — трудно! А раз лично мне трудно, то я плюю на всех остальных! И твои соболи тоже пусть пропадают. Переловят их браконьеры — и хорошо. Вольготно им будет, браконьерам — никто не помешает. Все охраннички разбежались кто куда!

Сел к столу и шумно перевел дыхание.

— Ты вот что скажи, Артем: твердо решил ехать или придуриваешься? Цену себе набиваешь?

Артем растерянно пожал плечами.

— Говори: да или нет?

— Не знаю, — с дрожью в голосе выговорил Артем. Слишком уж неожиданно все получилось. Неожиданно и нехорошо.

— Ты не виляй, — наседал Иван. — Держи свою линию до конца. Из института ушел, на стройке прижали — ходу, и отсюда таким же манером? Здесь, выходит, тоже стерильности нет. А может, дело-то в тебе самом?

Артем молча встал, сдернул с гвоздя у двери телогрейку, шапку и выскочил во двор. Во дворе постоял с одеждой в руках, нахлобучил шапку. Подумал-подумал, кинул телогрейку на ступеньку и сел.

«Вот только и осталось — уехать», — с горестной усмешкой подумал о себе. Опять в город? Так он уж позабыл свою прежнюю жизнь, и город его не манил. Что мотаться с места на место. А лесной институт? Выходит, все бросать? Так нет, он и не собирался никуда сбегать. Просто одолела слабость, а тот и рад стараться — прицепился к слову. Все-таки нехорошо вышло, гадко, и он, Артем, виноват. Он один, никто больше... Уехать... Еще и подумать не успел, а сердце заныло. Ну не будет видеть Риту, а память-то ведь останется, от нее не убежишь никуда. Она всегда в тебе, память...

Продрог в одном свитере, в комок сжался. Вся недлиная его жизнь прошла перед глазами и сейчас, будто на самом деле перед скорым расставанием, поглядел он новым взглядом на соседние дома, на заснеженную Громотуху и таким все это родным показалось, что даже глаза защищало. Да и не в одной местности все дело. Лишь тут, в Полуденном, почувствовал Артем себя человеком. Не последней фигурой был он тут, в селе, — помощник лесничего. В его ведении десятки кордонов, сотни гектаров заповедных угодий, и он уже привык думать о людях, которые живут на тех кордонах, привык о них заботиться и вообще чувствовал себя хозяином всего этого огромного заповедника. И не он ли так беспокоился о левой стороне? Не его ли подпись пошла в Москву? Вот сколько, оказывается, держал на своих плечах он, Артем. Так много держал, что и сам даже не знал этого. Только теперь, мысленно подводя итог, и понял. А ведь еще не все он вспомнил. И каждая его забота: племенные соболи, левобережье, браконьерский след, маралы, понавшие в бескормицу, а также другие большие и малые дела, которыми он жил, невидимыми путями держали его, не пускали от себя: так он, оказывается, прирос к своим ежедневным заботам, что просто уже не может без них. Они ему необходимы как воздух...

Заскрипела дверь в сенях.

Иван вышел на крыльцо, но Артем даже не обернулся.

Иван поскрипел снегом, сказал:

— Какая-то дурь у нас вышла. А?

Артем вздохнул, не ответил.

— Ладно, пошли в избу. Наплели оба невесть чего да и мучаемся, дурьи головы... Ты меня извини. За последнее время что-то нервы не в порядке стали, и глаз дергается. Пошли, Артем.

Артем поднялся, вошел вслед за Иваном.

Снова принялись за чай.

— Иногда у меня просто ужасное настроение бывает, — тихонько говорил Иван. — Отчаянное настроение... Так бы бросил все и — к Тамаре. Прямо пешком. Через горы, через тайгу. Только бы к ней... Тебе, Артем, легче, ты — один. А нас-то с Алькой двое. Я еще как-то могу держаться, потому что понимаю, что у нас произошло, а ему не объяснишь. Тоскует пацан, глядеть жалко. Думал, как-нибудь привыкнем без Тамары, а не выходит.

— У меня тоже не выходит, — отозвался Артем. — Иной раз думаю: ну все, переболел. А потом окна ее увижу, которые крест-накрест досками заколочены, — и начинается сызнова. Силы мне не хватает, Ваня. Занял бы кто, силы-то...

— Не везет нам с тобой, Артем, — задумчиво сказал Иван. — Не везет и не везет, хоть тресни. А только держаться мы должны. Вон какое большое дело мы замесили... Давай договор заключим: если я ослабну, ты меня поддержишь, а ты — я помогу. Нам надо подтягивать друг дружку. Иначе нельзя. Как ты на это?

— Давай, — согласился Артем. — Может, получится.

— Получится, — уверил Иван. — Обязательно получится... А насчет свадьбы... Не хочется, чтобы люди на тебя косились. Зажми сердце в кулак и иди. Ведь мы вместе там будем. В случае чего — я с тобой. Да и сильно-то долго не засидимся. Поздравим, повременим малость и уйдем. Ты уж поддержи себя в руках.

— Постараюсь, — пообещал Артем.

— Постарайся. Надо.

Молча покурили, а потом Артем ушел. Переодеваться.

В дом Спиринных Артем с Иваном пришли, когда там веселье шло уже вовсю. Было шумно и дымно от махорки.

Едва Артем вошел в горницу, как увидел Риту. Ее нельзя было не увидеть сразу. Она сидела рядом с Анисимом во главе стола, где и положено сидеть жениху с невестой, смотрела оттуда на вошедших с радостью. Некоторое время Артем только и видел ее глаза — улыбающиеся и в то же время вопросительные и молящие. Казалось, они говорили: ведь ты, Артем, хорошо будешь себя вести? Ведь плохого ты ничего тут не скажешь, не сделаешь? И он ответил ей взглядом же: я обещал, Рита. А раз обещал, значит, можешь успокоиться.

Потом он различил и Анисима, празд-

ничного, в новой рубаше, и разнаряженных женщин, и всех остальных гостей.

И вдруг ему не стало хватать воздуха. Он судорожно перевел дыхание. Хотелось лишь одного: уйти. Куда угодно, но уйти, не быть здесь. Однако он уже вошел, деваться некуда. Оставалось сделать как советовал Иван: сжать сердце в кулак.

Артему раньше казалось, что лишь только он войдет, как в доме сразу же и наступит тишина, особенная тишина, нехорошая. Вот, де, «жених» явился. Полюбуйтесь на него. А тишины и не было. Мужики, наоборот, радостно загудели вновь пришедшим. Торжественный и благообразный Анисим встал и пригласил гостей к столу. Потрясающе и Ивану, и Артему.

Руку же Артема подержал дольше необходимого.

Сказал негромко, но так, чтоб все услышали:

— За уважение спасибо тебе, Артем.

С чувством сказал и сам усадил рядом с Иваном.

Хоть и горько было Артему, а немного посветлело на душе. Хватило же сил у него подняться над своим горем. Значит, не такой уж он и слабый. Все глядите, и ты, Рита, гляди, как он ведет себя на ее свадьбе. Какой он веселый. И улыбался, улыбался всем без исключения.

Опоздавшим поднесли по стакану водки.

Артем никогда так много не пил, даже испугался, но тут же с решимостью принял стакан. Может, так-то и лучше будет? Оглушить себя, чтобы больше ничего не чувствовать?

Он поднял стакан, понимая, что сейчас все на него смотрят, ждут от него каких-то важных слов. И Иван тоже смотрит, и у него ждущие глаза. Ну что же, он скажет...

— За молодоженов! За вас, Рита и Анисим! Живите счастливо! — проговорил Артем громко и у всех на виду опорожнил стакан до конца, после чего опустил на лавку рядом с Иваном, который что-то тихо ему говорил ободряюще, ласково.

— Вот это по-нашему, вот это ладно! — размягченными голосами заговорили мужики и тянулись к Артему похлопать его по плечу. — Главное, ни на кого зла не держи. Будет время и тебя, парень, оженят. Не обидим!

Артем улыбался, кивал им в ответ, но даже кожей лица чувствовал, какая жалкая на его лице улыбка. С этим уж он ничего поделать не мог.

Когда его, наконец, оставили в покое, огляделся внимательнее. Увидел: стены-гор-

ницы были увешаны портретами Риты. На одних полотнах она была веселая, на других — грустная.

«Как иконы», — подумал Артем с легким раздражением, замечая, что изображения расплываются в его глазах, а шум в избе постепенно приглушается, уже не резок, как раньше, его слышно будто сквозь вату.

— Пьянею, — сказал Артем сам себе и толкнул Ивана в бок.

— Не пора мне, Ваня?

— Еще маленько продержись, — шепнул Иван. — Неудобно уходить сразу же. Возьми себя в руки.

— Возьму, — усмехнулся Артем. — Раз надо — какой разговор!

В это время мужики повели песню, и Артем тоже стал подпевать, удивляясь, что песня эта, никогда прежде им неслыханная, почему-то вдруг оказалась близка ему и понятна.

Вы не вейтеса, русые кудри,  
Над моею больной голово-ой!

Подпевал Артем вслед за мужиками, и легче становилось, и боль отпускала его. Ничего... Все переживем. Только сердце в кулаке держать надо крепко. Покуда силы есть... Пел Артем и замечал: косится на него Рита. Не с портретов — живая. Гляди, Рита, гляди! Видишь, какой веселый? Это так просто — быть веселым. Просто надо уметь сердце в кулаке держать. Держать крепко, чтобы не вырвалось.

Потом еще были тосты и еще. И Артем снова не отставал от всех. Боялся он отчего-то отстать.

Когда Иван вывел его на крыльцо, Артем еще держался на ногах, мог стоять самостоятельно, без поддержки.

— Ну и пил же ты, братец, — удивленно сказал Иван. — Идти можешь? Или поможь?

— Могу, — нетвердо проговорил Артем. — Слышь, Ваня, я там ничего такого не сказал? Никого не обидел?

— Все нормально, — утешил Иван. — С выпивкой маленько переиграл, но это не беда. В общем — молодец. Пережил — и слава богу. Теперь легче будет. Вот увидишь... О, да ты уже готовый! Пойдем-ка ко мне, — и потащил враз обмякшего помощника. — Уложу тебя спать. А мне надо еще борщ сварить да заморозить. Чтобы в тайге мы могли жить по-человечески... Погода что-то портится. Ветерок как сечет... Ну хорош, Артем, хорош... Утром я отпою тебя кофе. Приведу в норму.

Отошли уже далеко от дома Спириных, и Иван остановился отдохнуть, придерживая Артема, чтобы тот не рухнул в сугроб.

— Чего молчишь? Отключился?

Заглянул в глаза и увидел слезы.

— Сдурел что ли, Артем? Ну-ка перестань, слышишь? Глаза испортишь. Кто же на таком морозе плачет? — и заботливо вытирал теплой рукой его глаза. — Потерпи до дома. Там — сколько хочешь. Вместе поплачем. А тут — нельзя.

10

Утром случилось как раз то, чего больше всего опасались: испортилась погода. До этого неделю стоял сухой, звонкий мороз, а тут будто нарочно: неожиданно-негаданно накатилась оттепель с ветром и мокрым снегом. Серое небо опустилось до самых крыш, дым из труб жался к сугробам, грязно стелились по улице. Уж не только Громотуха, близкие лесистые склоны и те не проглядывались — все было занавешено частыми и плотными снежными зарядами.

Артем с Иваном смотрели из окна в сторону поскотины. Лукашову, если и прилетит он, между конторой и магазином никак не приземлится — там намело высокие сугробы, только на поскотину можно сесть. Если вообще можно. Поскотина же растворилась в белой мгле, в сплошной круговерти.

Перед крыльцом, на сугробе, облепленный снегом, лежал Иванов рюкзак с мороженым борщом. Сквозь стекло видно было, как мокрые снежные хлопья облепливали рюкзак, он уже походил на большой катыш, из которых лепят снежных баб.

— Скоро потечет твой борщ, — сказал Артем.

— Смех смехом, а правда, куда я его дену, если Лукашов не прилетит? Борща этого на неделю хватит.

— Ешь, раз наварил.

— В крайнем случае, я и тебя заставлю его есть. Не отвертись... Впрочем, борщ — ерунда. Вот следы заметет — это худо.

— Худо, — согласно кивнул Артем. — Только я думаю, он все равно прилетит. Увидишь.

И правда: вскоре послышался характерный треск вертолета, треск то наплывал и слышался ясно, то пропадал, и из серого мешева туч вынырнул вертолет Лукашова. Машина заходила со стороны озера, быстро снижаясь, и, подняв облако снега, втер-

лась между магазином и конторой, на свое обычное место.

Артем с Иваном только изумленно переглянулись: Лукашов есть Лукашов! И принялись одеваться.

— Голова не болит? — торопливо спросил Иван, натягивая штормовку поверх телогрейки.

— Другое болит.

— Другое зажми в кулак.

— Есть, товарищ командир...

В кабинет быстро вошел Глухов.

— Ну, как говорится, ни пуха! Бланки актов взяли?

— Взяли.

— В случае чего, составляйте акты. А этим делом... — кивнул на прислоненные к стене ружья, — не увлекайтесь.

— Постарайтесь...

Подхватили на крыльце весь уже облепленный снегом рюкзак, кинулись к вертолету.

Лукашов, видя подбегающих лесничего с помощником, распахнул дверцу и, поздравившись, предупредил:

— Забросить я вас заброшу, а когда заберу — не знаю. Сводка плохая на всю неделю. — Он неодобрительно оглядел небо. — Видите, что делается? Так что решайте.

— Уже решились! — крикнул Иван и стал засовывать в багажник рюкзаки и две пары коротких лыж.

Взлетели нормально. Косо поплыли в сторону заснеженных крыши Полуденного, над ними стлались рваные, грязноватые клочья облаков. Вертолет резко затрясло под порывами ветра, и Артем заопасался, как бы Лукашов не передумал, не вернулся бы, но тот сидел спокойно, держал курс вдоль берега озера, над самым краем припая, где кипели черные волны.

Навстречу медленно ползла, покачиваясь с боку на бок, заповедная сторона. Мелькнули домишки первых кордонов, ушел назад Черный мыс с избой Гаврилы Афанасьевича. Темной точкой посреди двора стоял сам старик, видимо, выскочивший на гул мотора. Скоро и Черный мыс пропал, впереди замаячили хребты оконечности озера, и Иван, который все это время внимательно глядел вниз, вдруг склонился к Лукашову и стал что-то показывать внизу, на редколесном склоне.

Лукашов коротко кивнул и стал снижаться.

Вертолет завис над ровной площадкой, где снег был приглажен ветрами и казался твердым, который не так просто про-

давить. Иван с готовностью держался за ручку двери, ждал, когда машина приземлится.

Лукашов наблюдал в нижнее стекло.

Колеса висели уже в метре от полированной снежной поверхности. Ветер мешал, норовил завалить машину набок, но Лукашов опускал ее все ниже и ниже. Вот колеса коснулись снега и просели, не найдя опоры. Мотор загудел надрывисто, вырывая машину из рыхлого снега, такого обманчиво твердого сверху. Бешено вибрировали стенки кабины, казалось, вот-вот легкая машина не выдержит и развалится от тряски. Однако колеса все-таки вырвались из снега, и вертолет рывком взлетел вверх, словно бы его подбросили.

Лукашов обернулся и отрицательно помотал головой.

— Давай ниже! Я прыгну! — кричал Иван, сжимая ручку двери и неотрывно глядя вниз.

Лукашов развернул машину против ветра и снова стал осторожно снижаться. Когда до снега оставалось метра полтора, Иван распахнул дверцу и боком вывалился вниз.

Вертолет снова подбросило.

В иллюминатор Артем видел, как проваливаясь в снег, Иван торопливо брел к двум приземистым кедром и скоро скрылся под их кронами. Минуты три его не было. Потом появился, махнул чем-то. Победоносно махнул и побрел назад, к вертолету.

Лукашов сбросил веревочную лестницу, и Артем помог Ивану влезть в чрево вертолета.

Отдышавшись, лесничий вынул из-за пазухи замерзшего соболя.

— Твой?

Артем расправил пальцами окоченевшее ушко зверька и разглядел оцинкованную пломбочку со знакомыми буквами «ПГЗ». Да и без пломбы было видно, что соболик этот — не коренной, не озерный, а присланный из другого заповедника. Меченный им, Артемом. Попался-таки в браконьерский капкан этот неудачливый новосел. А кто знает, сколько еще племенных соболей досталось неведомому пока разбойнику, околпашемуся в кедраче на перевале? Два? Три? Или целый десяток?

Артем сунул зверька в карман телогрейки и вздохнул.

Пересекли замерзшую Сельгу и висели уже над Щучьим мысом.

Иван опять склонился к летнабу, и вертолет заложил круг над мысом на небольшой высоте.

Артем тоже прильнул к иллюминатору, боясь увидеть внизу следы, но снег на Щучьем был не тронут никакими следами. Пусто и безжизненно было на Щучьем, даже и полуобгорелых бревен не видно — все занесло снегом, все покрыто белизной.

— Мертво! — крикнул Артем.

Это Иван и сам видел, что мертво, но в выкрике Артема он уловил вызов и выжидательно посмотрел на помощника. Не выразится ли тот яснее. Однако Артем сделал вид, что не заметил его взгляда, смотрел в иллюминатор до тех пор, пока Щучий мыс не исчез позади.

Вертолет лез вверх, к перевалу. Но склон был чист. Никаких следов. Метель и здесь сделала свое дело. Что же касается браконьера, то он, судя по всему, эти дни не ходил проверять капканы. Переждал непогоду и сегодня. Или обходы у него больше, или помешало что...

— Здесь! — крикнул Лукашов, показывая рукой вниз.

Да, машина висела уже над перевалом, и под нею было то самое место, где в прошлый раз исчезла лыжня.

Иван поглядел на ровное место, безо всяких намеков на лыжню и поморщился.

— В кедраче тихо. Там ее отыщем!

— Придется прыгать! — снова крикнул Лукашов.

— Не впервой! — отозвался Иван.

Вертолет завис над снежной целиной у самой кромки кедрача. Это единственное, что мог сделать для них Лукашов, и он это сделал.

Артем посмотрел вниз. Кедровые стояли совсем рядом, черны и тяжелы. Сплошной стеной уходили они по перевалу далеко-далеко, в необозримые глазом пространства. Сверху казалось, что кедрач настолько плотен, что между стволами не пройти, не проползти — там стоял сплошной мрак. Пологие шапки ближних деревьев беспокойны на фоне серого, тревожного неба, и от этого было жутковато, тревожно покидать хоть и холодную, тряскую, но обжитую кабину вертолета.

В распахнутую дверцу полетели рюкзаки, лыжи концами вниз, чтобы далеко не укатились. Потом в ветреную круговерт вывалились и сами хозяева с ружьями в руках.

Провалились в снег по горло. Барахтались, освобождаясь, выползая из своих ям. Помахали на прощанье Лукашovu: лети, мол, домой. Все нормально!

Вертолет покачался над ними, обдувая тугим ветром от винта, развернулся на од-

ном месте и пошел к озеру. Треск его мотора быстро затих в услившихся порывах ветра.

Выбрались из снега, сели под кедром на рюкзаки — покурить перед дорогой.

— Километра два отсюда — и избушка, — сказал Иван. — Если верить карте. Кого-то мы там увидим... Кого, Артем, как думаешь?

— Не знаю.

Иван улыбался загадочно.

— Так уж и не знаешь?

— Хочешь сказать, Клубкова? — холодно спросил Артем.

— А почему бы и нет? У меня, например, такое предчувствие, что увижу своего дядю родного. А у тебя?

— А у меня предчувствие, что ты сильно ошибаешься, Иван.

— Посмотрим, посмотрим... — с усмешкой проговорил Иван и, бросив окуроч, стал заряжать ружье.

Артем тоже сунул в патронник гильзу с волчьей картечью и вдруг подумал, что не на волка заготовлена эта картечь, а на человека. Конечно, он первым не выстрелит в человека, ружье взято для обороны, не больше. Но ведь всяко может быть. Тайга есть тайга. Здесь законы совсем другие. И все равно нехорошо на душе стало. Тревожно от шума кедров над головой.

Иван стоял уже на широких, обитых маральим камусом, лыжах, к чему-то прислушивался.

— Двинемся, — проговорил он тихо и пошел первым.

В кедраче было сумрачно. Приглушенно шумел ветер в вершинах, сыпалась вниз снежная пыль.

Лыжня нашлась сразу.

Иван нагнулся, тронул пальцами затвердевшие стенки.

— Старая, — сказал он негромко.

И снова пошли вперед, теперь уже по лыжне. Двигались медленно, кое-где пролезая под низкими лапами деревьев, обходя выворотни и упавшие стволы.

Под кедровой колодиной, в затишке, Иван нашел капкан. Кусок мерзлого мяса над капканом с боков был обглодан. Осторожный зверь подходил — не попался. Метров через двести в другом капкане лежал мертвый соболь — не меченый, коренной.

Капканы стали попадаться часто. Некоторые из них оказались нетронуты, и Иван захлопывал их концом палки, в других были либо сами зверьки, либо лапки от них.

Глядя на утопанный снег возле капканов, Артем пытался понять, что тут произо-

шло. Вот зверек перегрыз собственную лапу, ушел на трех, а вот тому не повезло: попал в зубы лисице.

Скоро в его рюкзаке лежало уже восемь соболиных тушек и две из них — с оцинкованными пломбочками на ушах. Широко гулял племенной соболь, мало ему заповедных угодий, на левую сторону пошел. Не защити его тут — многие попадут в капканы.

— Вот что делает, паразит, — тихо ругался Иван, передавая Артему соболиную лапку. — Капканов наставил много, а проверяет как попало. Сколько зверя зря перепортил. Или такой большой круг взял, что осматривать не успевают?

— Узнать бы только кто это. Он у нас за все рассчитается.

— Узнаем. По воздуху не летает. Все равно следы оставит.

Артем уже порядочно устал, когда шедший впереди Иван неожиданно остановился.

— Кажется, пришли, — сказал он возбужденно. — Впереди кедрач редееет, а там, вроде, большая поляна. Самое место для зимовья. Да и по времени уже — пора ему быть.

Иван сбросил с плеча ружье и пошел уже осторожнее, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь. Заметил сломленную веточку на осинке — осмотрел ее до тошно. Многозначительно глянул на Артема. Дескать, веточку мог сломать идущий тут человек. Головой или, скорее, концом ружейного ствола.

Переходя от дерева к дереву, вышли к поляне. Там, на середине, действительно стояла избушка. Низкая, черная, издали похожая на пень со снежной шапкой наверху.

Иван понаблюдая за ней из-за дерева, сказал:

— Обитаемое зимовье.

— Почему?

— А вон сороки. Видишь?

Около зимовья на снегу копошились сороки. Артем их видел, но связь между ними и тем, кто обитает в избушке, понять не мог. Вопросительно обернулся к Ивану.

— Если птицы возле избушки крутятся, значит там живет человек. Они ведь отбросы ищут. Зря сороки тут держаться не станут. Вот только не знаю дома ли он? Надо подождать.

Вытоптали лунки в снегу, сели на рюкзаки, на всякий случай положив под руки ружья.

Избушка отсюда хорошо просматривалась, видна была даже небольшая дверь.

Снег подле нее плотно утоптан. На короткой жестяной трубе снега не видно. Артем напряг зрение и разглядел волнистый воздух над трубой. Значит, сегодня топили печку. С утра. Не остыла еще.

Он поежился. Пока шли, было тепло, даже жарко, теперь холод медленно заползал под телогрейку, коченели пальцы в шерстяных варежках.

— Заморозит он нас тут, — шевельнулся Иван.

— Может, в избушку пойдем? Борща твоего разогреем?

— Ни в коем разе, — выдохнул Иван. — Посидим еще. А то вместо борща пулю схлопочем.

Сидели молча, прислушиваясь к тайге, к избушке, но возле было тихо, безжизненно. Теперь донимал уже не только холод, но и голод. Время без солнца определить было трудно, однако, судя по всему, время шло послеобеденное. Желудок подскакивал.

— Нет его дома, — сказал Артем. — Давно бы уже вышел.

Иван растирал руки, не отвечал. В лице его чувствовалось недоумение, даже растерянность.

— Ты чего?

— Похоже, пролетели мы с тобой, — проговорил он раздраженно. — У меня такое ощущение, будто за нами кто-то наблюдает... Только сиди, как сидишь. Не оборачивайся. Сзади нас кто-то есть.

— Тебе не померещилось?

— Нет. К сожалению... Ты вот что. Ложись в снег. Поглубже. Осторожно так ложись, чтобы не вспугнуть. Голову прячь за рюкзак. Там тебя не достанут. А я перекачусь за дерево. Устраивайся поскорее, а потом я...

Артем вытянул ноги и, буровя ими снег, стал медленно сползать с рюкзака. Мучительно хотелось обернуться и посмотреть, кто же там, за их спинами. Неужели браконьер услышал вертолет и обошел их, притаился сзади так, что они сами попали в засаду? Но, поймав предостерегающий взгляд Ивана, не посмел обернуться, сползал с рюкзака и уже спиной ощущал чужой, враждебный глаз.

Полежав так некоторое время, Артем убрал голову с рюкзака, подумав, что рюкзак — неважное укрытие, ничего в нем особенно плотного нет, только замерзшие соболи.

Это сообразил и Иван.

— Перебирайся за мой рюкзак. Все-таки мороженный борщ... — и ждал. Напря-

женно ждал. Стянул с рук варежки, сунул их за пазуху. Правую руку положил как бы мимоходом на цевье ружья.

Артем уже весь лежал в снегу за тяжелым Ивановым рюкзаком и тоже сжимал ружье, готовый в любую минуту повернуться лицом туда, где кто-то прячется. Страх совсем не было. Были лишь тревога и любопытство.

Иван, наконец, решился. Сейчас он перекатится за дерево. «Сейчас...» — сердце у Артема стучало ошалело, мешало слушать что там, за спиной.

«Ну, — мысленно торопил Артем. — Скорее же!»

Иван будто подслушал его. Вдруг дернулся и покатился боком к замшелому стволу кедра. Он очень торопился, Иван. Облепленный снегом, словно ком, катился к дереву, судорожно переворачиваясь с боку на бок.

И сразу же гулко ударил выстрел, взметнув фонтанчик снега рядом с Иваном. Но тот был уже за деревом.

Артем осторожно выглянул из-за рюкзака.

Шагах в сорока за деревом стоял человек. Из-за корявого ствола виднелось бордатовое и потому плохо различимое лицо. Трудно было узнать, кто это. По виду — совсем незнакомый человек, но на Клубкова не похож. Александра Тихоновича Артем узнал бы сразу. Этот — худощавее, моложе... Оттуда же, из-за дерева, торчало дуло карабина — тонкое, черное. Не ружье у мужика было — карабин. Это и Иван из-за своего дерева заметил и криво усмехнулся. Это было худо.

Человек, боком высунувшись из-за дерева, наблюдал за Артемом. Дуло карабина вдруг начало медленно подниматься. Легкая струйка седого дыма курилась над концом.

«А ведь он — в меня...» — с изумлением понял Артем, вминаясь лицом в снег.

Ружье лежало рядом, но Артем не трогал его и только зачарованно смотрел и смотрел на карабин и, затаившись, обреченно ждал выстрела.

Гулко ударил выстрел. В рюкзаке что-то хлопнуло, и в это время, чуть запоздав, хлестнул ружейный выстрел.

Артем видел, как человек дернулся за дерево, как кусочки коры, срезанные картечью, невесомо падали к подножью.

И было тихо...

— Бросай оружие! Выходи! — крикнул Иван.

За деревом молчали.

— Я тебя узнал! Ты — Кнышев. Выходи!

— Никак, ты, Ванька? — спросил из-за дерева человек. — Какого тебе дьявола надо-то? В чужих угодьях?

— Бросай карабин! Тут все узнаешь!

— Эти угодья мне отписаны!

— Бросай карабин и подходи! Покажешь разрешение!

— А кто ты такой, чтоб тебе показывать?

— Тут разберемся!

Человек за деревом молчал, не высывался.

— Ну! — крикнул Иван. — Давай живее!

— Счас! — откликнулись из-за дерева глухо, и Артем увидел, что тот, подавшись немного назад, так что из-за укрытия виднелась его спина, стал целиться в Ивана. Аккуратно целился, чтобы попасть наверняка.

«А ведь он, этот Кнышев, не пугает, — ошарашило Артема. — Он целится не чтобы поугадать, а убить». Раньше до него это как-то не доходило, теперь дошло. Даже озноб прошел по спине.

Он нашарил ружье, подтянул к себе. Сухощелкнул курок, становясь на боевой взвод. В прорезь он видал круглую мушку. Она покачивалась на том месте, где недавно виднелось человеческое лицо, но сейчас торчал только ствол карабина, ничего больше. Да с другой стороны дерева выпирала пола полушубка.

Артем подождал.

Потихоньку выдвинулась заросшая щека. Показалась сдвинутая на лоб шапка. Сейчас он выстрелит.

Черная мушка покачивалась на этой щеке, а пальцы не могли надавить на спуск. «В человека! В человека!» — кричало все изнутри, и не было сил надавить спуск. Но ведь Кнышев-то наверняка сейчас надавит. Тем более, что Иван, высунувшись из-за своего укрытия, был виден ему.

Мушка, как бы против воли, сползла с заросшей щеки и, зайдя чуть вперед, остановилась на руках, держащих карабин.

Сейчас или будет поздно!

Выстрела Артем не слышал, только сильно отдавало в плечо, и тут же он увидел, как Кнышев дернулся назад, за дерево, прокричал что-то злобно, наверное, картечина задела карабин. И затаился, не высываясь больше. А может — ранил?

Артем глянул на Ивана. Тот, привалившись боком к замшелому стволу кедра, прислушивался. Странно белели его паль-

шы, сжимавшие цевье ружья. Подморозил, что ли?

— Выходи, Кнышев! Все равно не уйдешь! — крикнул Иван и снова прислушался, настороженно сжимая ружье.

Кнышев молчал. Что с ним там, за деревом? Может, и правда зацепил его картечью? Или хитрит, выжидает? Надо окружать, переползая за другое дерево. Двое-то могут его окружить.

Артем показал Ивану знаками, что сейчас поползет.

Тот отрицательно помотал головой.

А чего выжидать?

Вжимаясь лицом в снег, Артем отполз от рюкзака в сторону и сразу же почувствовал себя беззащитным, видным отовсюду в податливо-мягком снегу, и запоздало пришел страх. Он судорожно полз к ближайшему кедру, и сердце замирало от жуты, и уже корил себя последними словами за малодушие. Надо было бить в самого Кнышева, а не в карабин, смалодушничал он, смалодушничал. И теперь, возможно, из-за этого пострадает Иван или сам он захлебнется кровью в этом снегу.

Кнышев за деревом уловил движение. Он быстро выглянул и вскинул карабин. Артем ясно видел даже деловитый прищур Кнышева. Ну вот и все... Даже сердце остановилось от ожидания. Он вжался в снег, заостенел в неподвижности, заранее чувствуя телом жгучий удар.

И когда хлестнул выстрел, он даже сначала не понял, что это ружейный выстрел, не карабинный и еще некоторое время лежал, ничего не чувствуя, прислушиваясь к самому себе. Но когда поднял глаза, увидел, что Кнышева нет и на том месте, откуда он выглядывал, падали срезанные картечью сухие ветки.

«Ведь это стрелял Иван! Не Кнышев! Он просто прикрыл!»

И будто заново ожил, сильнее рванулся к толстому подножью кедра, к близкому убежищу, потом вскочил и, пока Кнышев был отвлечен Иваном, перескочил за другое дерево, сразу же обострившимся зрением различив бок браконьера, который, привалившись к кедру, осторожно наблюдал за Иваном.

«Не увидел он меня, не увидел!» — лихорадочно заработала мысль, будто очнувшись от оцепенения. И разглядывал, словно хотел запомнить на всю жизнь и полушубок, и ватные штаны, и короткие лыжи, торчком воткнутые в снег. И самого Кнышева, стоящего к нему боком.

В Кнышева отсюда выстрелить Артем

успеет. Он даже заранее увидел на грязно-рыжем полушубке черные дыры от картечи, и опять душа отчего-то запротивилась. От легкой ли возможности убить или отчего-то другого, но Артем обрадовался, увидев воткнутые в снег лыжи. Вот куда надо стрелять. В лыжи. Тогда не уйдет Кнышев. Тогда — все!

Прицелился, плавно потянул спуск.

Раздался визг картечи и треск древесины.

Попал! Попал!

Кнышев обернулся, повел стволом, и Артем еще не успел спрятаться, как пуля свистнула возле шапки.

Артем нырнул за спасительный ствол, а когда снова выглянул, увидел, что Кнышев, пригибаясь, ирваливаясь в снег, торопливо бежал прочь.

— Уходит! — крикнул Артем, перезаряжая ружье непослушными пальцами, никак не попадая гильзой в патронник.

Ивана он не видел, и тот отчего-то молчал. Наверное, не мог разглядеть убегающего Кнышева из-за деревьев.

Торопливо вогнал патрон и не целясь выстрелил по петляющей среди кедров фигуре. Но взял низко, угадывая по ногам.

Кнышев метнулся за колодину, оттуда рывком перескочил за выворотень и там притаился за толстым смолевым корневищем.

— Отстань, Ванька! Жить надоело? — хрипло спросил Кнышев.

— Бросай карабин! — ответил Иван, выглядывая из-за дерева.

— Давай разойдемся по-людски! — еще крикнул Кнышев. — Вы в одну сторону, я — в другую. Разбежимся — и завязано! Или перестреляю я вас как рябчиков. Из карабина-то!

— Чего ж не перестрелял?

— Думал, по-хорошему разойдемся!

— Бросай карабин и выходи!

В ответ прогремел выстрел.

Иван скрылся и этим воспользовался Кнышев. Выскочил из-за выворотня, побежал, увязая в глубоком снегу, опасно оглядываясь на ходу. Он мог сейчас уйти. Артемовы лыжи сзади остались, да и Иван сильно вперед выдвинулся. Пока вернуться за лыжами, пока погонишься, тот подкараулит выстрелом.

— Стой! — крикнул Артем и бросился вдогонку, стараясь не упустить из вида мельтешащую, залепленную снегом спицу. — Стой! Все равно не уйдешь! — дышанье срывалось, в глазах мерцали оранжевые круги, но он все бежал и бежал, сжи-

мая в руках ружье и чуть не плача от бессилия: выстрелить в спину у него опять не было сил. От отчаяния он не чувствовал усталости, дыхание понемногу наладилось, и Артем с радостью видел, что он догоняет. Все ближе и ближе маячила перед ним спина Кнышева.

Сзади что-то кричал Иван, наверное, хотел остановить его, но Артем не слышал, только бежал и бежал, готовый вцепиться в эту спину, повиснуть на ней мертвой хваткой.

Кнышев, наверное, понял, что его догоняют, потому что он вдруг крутанулся на месте, присел, оскалась, и Артем еще ничего не успел сообразить, в нем жила еще погоня, как увидел направленный на себя тонкий ствол карабина. И сразу же сверкнул короткий язычок огня, показавшийся ослепительно ярким на сером снегу, перед ним щелкнул молоденький кедр, отбросив вбок широкую щепу, и что-то упругое резко толкнуло Артема в плечо, обожгло, и он, как бы запнувшись, с лету зарылся лицом в угольно-черный снег.

Он уже не видел, как бежал к нему Иван во весь рост, как упал рядом, заглядывая в глаза помощнику.

— Зацепило? Где? — и увидел расплывающееся темное пятно на плече телогрейки.

Вытер ладонью тающий снег на лице Артема. Лицо было еще румяное, разгоряченное погоней, но румянность быстро сошла.

— Вот гад... — тихо проговорил Иван и с ненавистью поглядел в сторону бурелома, где слышался удаляющийся треск сучьев и валежника. Уходил Кнышев...

Выстрелил на звук из обеих стволов и понимая, что картечь не нашла кого надо, бросил ружье, склонился над бледнеющим Артемом, судорожно перевел дух.

Артем был без сознания, дыхание еле улавливалось.

Иван легонько расстегнул пуговицы его телогрейки под штормовкой, задрал свитер — и поморщился: майка пузырилась от крови. Отрезал ножом клочок своей исподней рубахи, протер края раны.

Артем застонал.

Надо бы перевязать, да индивидуальный пакет остался в рюкзаке. Наспех перевязал разодранной на полосы рубахой и в изнеможении опустился в снег. Похоже, пуля в кости, и как быть, если Лукашов сегодня не прилетит? А он не прилетит. И избушка далековато. Куда тащить парня? Разве что к рюкзакам? Там лыжи. Артема можно

уложить на лыжи и везти. И опять вопрос: куда везти? На лыжах-то? Пока что надо добраться до рюкзаков, там видно будет.

Иван поднялся из снега и огляделся.

Было тихо, только в верхах тревожно шумели кроны. Уже заметно стемнело. Наверно, скоро солнце уйдет за перевал — и наступит темнота. Конечно, в рюкзаке есть небольшая, на двоих, палатка, но ведь Артем ранен. В палатке ему долго не прожить. На морозе, с пулей в кости.

Повесил на шею оба ружья. Взвалил на спину застонавшего Артема и, покачиваясь, проваливаясь по пояс в снег, пошел к рюкзакам. Пока одолел десяток шагов — взмок, пот глаза заливал, но он шел и шел, осторожно переставляя ноги в глубоком снегу и боясь только одного — упасть раньше времени. Надо было скорее дойти до рюкзаков и потом — в избушку. Пока Кнышев не опередил их. Ему ведь тоже некуда было бежать, кроме как в избушку. Весь вопрос — кто скорее.

Сил у Ивана уже не было, и он положил Артема на спину.

— Ну ты как? — запаленно говорил он, со страхом вглядываясь в белеющее лицо помощника. — Держаться можешь? Потерпи маленько. Все будет нормально. В зимовье я тебя перевяжу по-человечески... Ты меня слышишь, нет? Артем! Ты потерпи...

Артем никак не отзывался, лишь чуть подрагивали прикрытые веки, и снова Иван взвалил его на спину, и снова каждый шаг давался с трудом. Стволы деревьев двоились в глазах, скакали вкривь и вкось. Ружья раскачивались на шее, больно били по груди, ремни терли шею, но он ничего этого не замечал, только шел и шел, мысленно отсчитывая шаги. Много еще их осталось. Далеко Кнышев увел их от рюкзаков, и Иван шел не по старым следам, а целной, напрямую.

Белая, ровная пелена снега, покачиваясь с боку на бок, ползла навстречу. Иногда Иван останавливался и переводил дыхание стоя, с Артемом на спине, чтобы сэкономить силы, и шел, закусив губу, прикусывая ее до крови, упрямо глядел на медленно ползущий навстречу снег. Сколько еще шагов осталось?

Вдруг он остановился и сквозь желтые всполохи в глазах различил цепь рваных следов, идущих в ту же сторону, к избушке. Этот след выходил сбоку, делал полукруг и обгонял их. И как только Иван осознал происшедшее, так и опустился Артема в снег. Все ясно. Кнышев обошел их. Он встретит

их пулей, заберет барахло из зимовья и уйдет. И никто не узнает, что тут случилось. Тайга — бессловесный свидетель.

Иван лег на снег, распластался, раскинув руки. Пока была надежда — и силы откуда-то брались, из неведомых глубин, а ушла надежда на избушку, и сразу обессилел. Куда теперь податься? Либо тут, на снегу коченеть, либо напрямиком — под пули. Другого пути у них с Артемом не было.

И сознание, тоже уже бессильное и вялое, заволакивалось теплым туманом. Расплывались вершины кедров, и, казалось ему, что он не в тайге, а дома, в кровати, и Алька, играя с ним, тербит его волосы. Ласково так прикасается к волосам, нежно, что сердце заходится от родности к сыну, и хочется, затаившись, неподвижно лежать и лежать, ощущая эту ласку.

Ветер прошел по верхушкам кедров, раскачивая деревья, и тотчас же отозвалась низовая поземка. Побежала серая волна по насту, подметая тайгу. Наткнулась на лежащих в неподвижности людей, закружила вокруг них, стараясь загладить эти темные бугорки, сровнять все под одно.

Иван открыл глаза и увидел, как прямо в лицо падает сверху серебряная снежная пыль. Он ощутил ее прикосновение на горячем лице, будто тонкие иголки вонзились в кожу, и дернулся, стряхивая снег с бровей и ресниц.

Нет, это не Алька... Это ветер... А холод все заползал и заползал в самую душу. Иван видел лежащего рядом Артема с белым спокойным лицом, и посторонним зрением, как если бы глаза отделялись от него, и отойдя в сторону, глядели на самого себя, увидел и себя, припорошенного поземкой, распластанного на снегу, жалкого, беспомощного.

— Надо подниматься, — шевельнул онемевшими губами. — Надо подниматься, — повторил он, как будто уверял самого себя. — Надо идти. Идти...

Он попробовал шевельнуть и руками, но и руки, и тело были словно налиты свинцом — не повиновались, словно жили сами по себе, отдельно от него.

А невесомая серебряная пыль все падала и падала сверху, пуржила поземка рядом, заглаживая и рваные следы позади лежащих людей, и самих людей, тоненько пошныстывала, убаюкивая.

Иван еще дернулся, но снег держал плотно, не отпускал.

И злые слезы выступали из глаз...

После полудня, когда солнце, так и не показавшись, перевалило с одного гребня гор за другой, миновав ущелье, Александр Тихонович и Раиса Семеновна сели пить чай. Все равно в метель делать больше было нечего, а чаепитие какое ни есть, а занятие, все получше безделья.

В избушке густо запахло смородиновым листом, заваренным в медном охотничьем чайнике, с которым Клубков некогда тайговал, и Раиса втихомолку вздохнула: уж и забыли вкус настоящего, фабричного чая, после Щучьего его больше не пробовали. Только смородиновый лист да бадан и заваривали. Какая это была хорошая жизнь по сравнению с теперешней. Сиделись почаевничать, так и было с чем, и на стол поглядеть, бывало, одно удовольствие. И сахар-то на столе всегда стоял в берестяном тесе, хоть ложками его черпай — не хочу. И варений разных наваривала из лесных ягод. Дух стоял в избе словно на земляничной поляне, одним духом сыт будешь. А какие пряники выпекала она? Рассыпчатые, сдобные, из муки-крупчатки, тесто заводила на хмеле, била в него яиц без счета, добавляла масло скоромное, сметану. Жизнь была богатая, ничего не скажешь. Только и осталось — вспоминать, да память не шибко накормит. Ведь поглядеть смешно, чем она нынче мужика потчует. Ладно, хоть успела прихватить из горящего дома мешочек с сушеной малиной, а то хлебали бы одну зеленую жижу, пахнущую запаренным венником, да заедали бы черными, затхлыми сухарями.

Вздохнула втихомолку и подумала: вот ведь как интересно человек устроен. Жили на Щучьем не в слепой избушке, а в большом теплом доме, с полным хозяйством, так еще чем-то недовольные были, еще какого-то лешего им не доставало. Она же, Раиса, жаловалась на свою жизнь. Веселья ей не хватало. А как сгорела вся ее прежняя жизнь вместе с домом, так и старое время показалось таким светлым, что при одном воспоминании слезы на глаза наворачивались. Да что проку в слезах, плачь не плачь, а такого все равно больше не будет. Не воротишь.

Александр Тихонович заметил тайный Раисин вздох, но виду не подал, равнодушно тянул терпкую горячую жижу да смотрел в крохотное стеклышко оконца, в которое и видно-то было лишь кусок сугроба с острым гребнем, слабо курящимся от поземки, да полсосны — кусок корявого ствола.

Думал: знать бы загодя, что придется ему зимовать в этой охотничьей избушке, так и окошко бы сделал пошире, чтобы светлее было, а то и днем и ночью — все в потемках. Дверь бы поднял повыше, чтоб не сгибаться в три погибели, когда входишь. Щели бы мхом подконопатил, пол утеплил бы, короче, довел бы избушку до ума. Так ведь не знал он ничего. Скажи ему летом, что зимой будет жить он за перевалом, в узком ущелье, так засмеялся бы. Да только вся беда в том, что не знаем мы, не ведаем, что с нами дальше будет. И не худа от будущего ждем, а только добра, на доброе и настраиваемся, живем без оглядки. Про беду и не вспоминаем, не знаем, что она рядом ходит и только выбирает момент, чтобы схватить за горло. И что толку после времени вздыхать: кабы знал...

Соболь, втянувшись, дремал у порога. Вдруг он вздрогнул, вскочил и прислушался.

— Волки ходят, чо ли? — спросила Раиса.

Александр Тихонович перестал пить, выжидательно смотрел то на собаку, то на дверь.

И в это время издали донесся выстрел.

— Стреляют. Слышишь? — прошептала Раиса испуганно. — Уж лучше бы волки пришли. Волки — они и есть волки. С имя спокойнее.

— Из карабина, вроде, стреляли, — отозвался, наконец, Клубков. — На перевале кто-то есть.

— Ленька, однако?

— Может, и Ленька. Больше тут никого нету, — согласился с покорностью Александр Тихонович и помрачнел. Не послушался, выходит, Кнышев. Шарится в его угожьях.

Снова прозвучал выстрел, но уже не такой, а раскатистый — ружейный, непохожий звуком на первый.

— Вроде как с напарником, — тоже шепотом проговорил Александр Тихонович. — Уж не марала ли быют? — и обернулся к жене, как будто она могла знать, что там такое на перевале происходит.

Раиса не отвечала и, испуганно приложив руку к груди, слушала, даже дыханье задержала.

Один за другим прогремели еще выстрелы, и звучали они все по-разному. Один звонче, другие — глуше. Вышло, что не один он там на перевале, Ленька-то. И даже не двое. Больше их было.

— Если на марала, что-то многовато

охотников, — сказал Клубков. — Да и сколько можно стрелять по одному зверю? Ему и одного заряда хватит. Тут — другое, тут, похоже, перепалка, мать...

— Откуда ж тут взялся людям?

— Вот и я думаю: откуда?

Клубков достал кисет, стал задумчиво сворачивать самокрутку, но передумал. Осторожно положил на оконце клочок бумаги со щепотью махорки и взялся наматывать портянки.

— Ты куда? — спросила Раиса настороженно.

— Туда.

— Зачем?

— Поглядеть надо.

— Чего глядеть-то? Пушай они там грызутся меж собой сколь хотят. Они — сами по себе, мы тоже от них отдельные. Не лезут к нам, слава богу, и то ладно. Зачем встречать-то? Поди, Ленька там с дружкой со своими. Не лезь ты к ним, Саша, не лезь. От греха подальше...

— Шибко близко они, мать, стреляют-то. Того и гляди, сюда придут. Уж лучше поглядеть, кто там такие орудуют. Я ввязываться и не буду. Узнаю только — и назад. Тут видишь какое дело, непохоже, чтобы дружки там Ленькины были. Откуда они возьмутся дружки-то его. Сдается мне, мать, что друг в дружку они стреляют. Уж не милиция ли какая... Так-то ведь сидеть нельзя, как кроты в норе. Досидимся, что накроют они нас тут.

— А я дак думаю, лучше от греха подальше, — покачала головой Раиса. — Не глянется мне все это.

— От греха подальше... — усмехнулся Александр Тихонович. — Я уж и не знаю куда идти, чтоб подальше-то от него быть, от греха. Куда ни сунешься — везде он, грех. Может, лучше-то как раз и поглядеть, чтоб знать.

Клубков оделся, взял ружье.

— Гляди не ввязывайся к им. Их ведь там не один, — предупредила Раиса, видя, что мужа не отговорить.

— Не буду, Рая, не буду.

На воле он привязал к ошейнику Соболя длинный ремешок, встал на лыжи, свистнул.

Пес напрягся привычно, Александр Тихонович взялся за ремешок и, отталкиваясь здоровой ногой, помогал. Медленно поднимались на перевал, с отдыхом, оба прислушивались к тайге.

Еще несколько выстрелов ударили на перевале, но теперь звучали они глуше. Стреляющие люди уходили к озерной сто-

роне гребня, и скоро их совсем не стало слышно.

На перевале Александр Тихонович нашел старое зимовье и обошел его далеко, скрываясь за деревьями. К Леньке он давно собирался наведаться, узнать, выполнил ли его совет Кнышев, да Раиса все отговаривала, мол, не трогают нас и ладно. А теперь вот случай привел, и Клубков твердо знал: и не думал Ленька уходить из зимовья, плевал он на все предупреждения.

К зимовью из тайги тянулся глубокий, рваный след. Кто-то пеший к избушке шел, без лыж. Может быть, что это сам Ленька и есть, а значит, близко подходить нельзя. С ним надо погодить. Чтоб не напоротся на пулю-то. Чего ж это он пеший-то шел? Потерял лыжи, а может отобрали?

Александр Тихонович прислушался, сдернув с головы шапку. Навострил уши и Соболь, видя, что хозяин озабочен, осторожно, но нигде ничего подозрительного слышно не было. Только шуршала слабая низовая поэмка, да в верхах, раскачиваясь, шумели кедровые кроны.

Соболь долго глядел на избушку, подняв высоко морду, принюхивался, потом обернулся к хозяину и вильнул завитком хвоста.

— Никого, значит? — спросил тихо Клубков. — Пойдем дальше...

Снова пошли, внимательно приглядываясь к насту, и скоро нашли под кедрами два рюкзака и две пары охотничьих лыж. В подтаявшем снегу валялись стреляные ружейные гильзы. Понятно... Хороший охотник зря гильзу не бросит даже папковую, он ее еще несколько раз зарядит, а тут валялись латунные, дорогие. Видно, не до гильз было, шибко торопились перезарядить ружья.

А сидели тут двое. В скраде. Один прятался за деревом, другой лежал за рюкзаками. Кого-то караулили. Третьего. А этот третий зашел к ним из-за спины и стал стрелять. Рюкзак прорван пулей, и кора дерева с боку содрана. Но, вроде, никого не ранил, не убил, этот третий. Потому что двое за ним гнались. Без лыж. Перебегали от дерева к дереву и стреляли.

Александр Тихонович еще прошел вдоль рваных следов, туда, где прятался третий. Увидел торчащие из снега лыжи. Одна лыжина была расщеплена выстрелом. Вот, оказывается, почему к избушке тянулся пеший след. Лыжи у него подпортили.

Нагнулся, поднял из утопанного у подножья дерева снега карабинную гильзу, разглядывал. Вроде, как и на самом деле,

Ленька тут стоял, со своим карабином. От кого-то он отстреливался. От кого? Понятно, не от дружков. Отстреливался и уходил пеший. Вот здесь он бежал. Шибко бежал. Торопился...

Собака тащила хозяйна дальше, рядом со следами. Снег тут был сильно смят. Двое бежали за третьим. Куда-то они делись теперь? Где они есть?

Александр Тихонович зорко глядел по сторонам и ружье на всякий случай держал в руке.

Вдруг Соболь заворчал и остановился, настороженно уставившись вперед, натянул ремень.

Впереди в снегу копошилось что-то живое. Человек — не человек. Разглядеть трудно, но уже на снегу здесь и там виднелись бурые пятна. Кого-то подстрелили...

Клубков заторошил собаку и та, навострив уши и вытянув вперед морду, осторожно принюхиваясь, стала приближаться. И тут он понял: в снегу лежали двое. Люди. Один был, видно, ранен, второй некоторое время тащил его и потом тоже лег.

Клубков присел над людьми, пригляделся и изумленно покачал головой. В бледном лице лежащего ближе к нему человека уловил он знакомые черты Артема. Телогрейка на плече задубела, чернела замерзшей кровью. И хоть сильно изменился Артем, а узнать можно было. Это он, никто другой. Вот кого, оказывается, подстрелил Ленька. Артема!

И еще не успел Александр Тихонович прийти в себя от изумления, как узнал и второго. Иван!

— Племянничек... Свидетель... — прохрипел Клубков в растерянности. Сколько злобы скопилось к Ваньке, а тут даже и растерялся. Вот он лежит на снегу, еле дышит. Делай с ним теперь что хочешь, говори, что пожелаешь.

— Ну здравствуй, Ванька, здравствуй. Долго я тебя дождался и дождался. Есть, значит, на земле правда-то. Никуда от нее не денся...

Иван никак не отзывался. Заострившиеся скулы потемнели от стужи, глаза закрыты. Только легкий парок и дает понять, что не замерз еще окончательно, жив.

Клубков похлопал его ладонью по щеке. Иван медленно, с трудом приоткрыл глаза, непонимающе глядел на склонившегося перед ним человека.

— Не узнаешь, никак? — тихонько смеялся Клубков.

Иван чуть шевельнул губами, дернулся, пытается встать.

— Узнал, значит, — довольно усмехнулся Клубков, оглядываясь. Ружье Ивана лежало в стороне, и он его чуть отодвинул ногой, хотя тот и не собирался его хватать. Сил, видать, у Ивана не было. Не до ружья.

— Это хорошо, что узнал, — говорил Клубков. — Я, Ваьпка, по твоей-то милости, уж и на человека непохожий стал, а ты узнал. Молодец. Не иначе, как родственная кровь в тебе отозвалась. У нее ведь дальняя память, у крови-то.

— Хватит, — глухим, бесцветным голосом отозвался Иван. — Надо парня спасти. Раненый он. Много крови потерял.

— Не о себе, значит, думаешь?

— О себе мне думать нечего.

— Гляди, какой благородный... Сроду бы не подумал. Не об себе он думает... Ну, ладно. Парня-то я спасу. Сам схохну, а его спасу, Артемия-то. А вот тебя, Ванечка... я, однако, прямо тут и решу. Ты как, готовый? Смерть-то принять?

Ничто в лице Ивана не изменилось, не дрогнуло, только губы тверже сжались. Потом шевельнулись.

— Давай. Только быстрее, — глядел на Клубкова потемневшими, усталыми глазами. Ждал.

Клубков неторопливо поднял ружье, прицелился в грудь.

Тот молчал, только еще больше заострились скулы. Ни страха, ни мольбы — ничего. Равнодушно ждал.

Александр Тихонович усмехнулся и опустил ружье.

— Нет, Ванечка, однако, рано будет стрелять-то тебя. Мне с хромой ногой не дотащить Артема до избы-то. Ты еще мне подсобишь парня донести. А потом уж я и решу тебя. Шибко торопиться мне некуда. Подожду.

Распластанный на снегу, Иван зло усмехнулся.

— Как хочешь, — и начал медленно подниматься.

Встал, покачиваясь на ногах.

— Бери парня, — приказал Клубков.

Иван склонился над Артемом, осторожно поднимал его из снега, и Клубков помог ему втащить помощника на спину.

— До лыж дотащи, там что-нибудь придумаем, — сказал Клубков и огляделся. — Кто стрелял в Артемия? Ленька?

— Он, — выдохнул Иван, сгибаясь под тяжестью.

— А теперь он где?

— Ушел...

— Куда ушел?

— Туда... — Иван махнул рукой в сто-

рону. — Опредил он нас, круг сделал и — к избушке.

— Знаю... Давай тащи. — сказал Александр Тихонович и пошел сбоку, повесив на плечо два ружья, а третье, свое, неся в руке, настороженно вглядываясь вперед.

Возле рюкзаков он тоже помедлил, хоронясь за деревом, однако избушка выглядела пустой, ничем не настораживала. Куда же он делся, Ленька-то? Может, уже ушел?

Вытянул из-за ремня топор, подал Ивану.

— Руби лапы, волокушу сделаем.

Иван нарубил толстых ветвей, привязал их к Артемовым лыжам, подстелил сверху мягкого лапнику и в изголовье устроил Артемов же рюкзак.

Вдвоем положили Артема на лыжи. Он уже не стонал, и поглядев в его белое лицо, Клубков заторопился. Прицепил ремешок к спаренным лыжам.

— Домой, Соболь.

Обернулся к Ивану. Тот стоял не двигаясь.

— А ты чего? Пошли, пошли. Надевай рюкзак. Ружья возьми. А то мне их так много-то тащить несподручно да и кобелю помочь надо. Не конь ведь он.

Иван надел рюкзак, повесил на плечо ружья, свое и Артемово, и двинулся вслед за хромящим Клубковым, который вместе с собакой тянул ремень волокуши.

Быстро смеркалось, однако с перевала в распадок катились легко, волокушу с Артемом даже придерживать приходилось, и через полчаса подъезжали уже к избушке.

Подняли Артема на руки, внесли внутрь, положили на нары.

Увидев Ивана, Раиса Семеновна рот от удивления раскрыла, но ничего у мужа не спросила, только отодвинулась в сторону, давая дорогу. Горестными глазами посмотрела на уложенного на нары Артема и, наверное, все сама поняла.

— Ну-ка, мать, погляди, что с ним, — сказал Клубков, торопливо раздеваясь и с тревогой косясь на Артема.

— В плечо его, — сказал Иван, но на его слова хозяева не обратили никакого внимания. Раиса расстегивала пуговицы окровавленной телогрейки, Александр Тихонович заглядывал с боку.

— Живой он хоть?

— Вроде, живой, — отозвалась Раиса. — Плечо вон как раздулось. Все синее прямо.

— Ты пощупай. Там, однако, пуля.

Раиса стала щупать плечо.

Артем застонал.

— Тут твердо. Похоже, и правда что-то есть, — проговорила Раиса с жалостью. — Чего делать-то будем?

— Плясать будем, — грубовато откликнулся Клубков. — Давай чайник-то. Обмыть кровь надо.

Раиса нашла клочок чистой тряпки, смочила из чайника, стала смывать кровь с плеча Артема.

Александр Тихонович подумал, вздохнул и стал закатывать рукава свитера.

— Будешь вынимать? — спросила Раиса.

— Не оставлять же ее там, — хмыкнул он. — Докторов у нас тут нету. Тайга...

Сполоснул руки, вынул из ножен свой охотничий нож, сунул лезвие в печь — прокалывать.

Иван молча наблюдал за ним.

Прокалив нож и дождавшись, пока лезвие остынет, Клубков от печки шагнул к нарам.

— Ну-ка, бери, мать, коптилку. Да ближе свети, ближе. Высунь фитилек-то, чего она у тебя моргает?

Подождал, пока жена поправит фитилек.

— Держись, Артемий.

Пулю он нащупал скоро, однако она никак не давалась: срывалась с конца ножа.

Артем стонал. Бледность с его лица постепенно сходила.

— Терпи, Артемий, терпи, — говорил Александр Тихонович, копясь ножом в ране. — Сейчас мы ее вытащим. Никуда она не денется.

— Ты помягче ковыряй-то, — укоризненно сказала Раиса. — Живое ведь тело, а он, как медведь, наел и ковыряется.

Клубков не ответил. Он уже вспотел от напряжения.

— Ближе свети, ближе. Вот она, пуля-то, возле самой кости. Я ее раскачал. Ах, зараза...

— Дак вынимай, если раскачал, — нервничала Раиса и вся скривилась от боли, словно у нее самой вытаскивали пулю.

— Нет, еще нож надо, — откатнулся назад Клубков. — Одним не выходит. — И посмотрел на Ивана.

Тот вынул свой нож. Подал.

Теперь Александр Тихонович работал уже двумя ножами, и жена держала коптилку совсем близко, чуть не подпаливая ему бороду, но он этого не замечал.

Наконец, зацепив пулю, тихонько потащил ее двумя остриями, стараясь неловким движением не отпустить, и даже не дышал,

так напрягся весь. Потом в изнеможении откатнулся от нар и выдохнул:

— Вот она, зараза.

Пуля лежала на ладони Клубкова. Тяжелая, смятая спереди. Латунная оболочка от удара лопнула, обнажив свинец. Бурой была пуля от запекшейся крови, и Раиса передернулась знобко.

— Кто это его, Саша? — спросила она.

— Ленька. Кто же еще, — надрывно вздохнул. — Ну, ладно, Ленька, ладно... — обещающе проговорил он и дрожащими пальцами стал сворачивать самокрутку.

Раиса тем временем еще раз промыла рану, достала из угла стакан, обмотанный сверху тряпкой, открыла. Там оказалась дегтярно-черная мазь.

— Вот правильно, — одобрил Клубков. — Эта смолка шибко хорошо раны заживляет. Ты еще вот что. Попой-ка его золотым корнем. Видишь, как тяжело дышит. А молодец. Терпел.

— Раскраснелся, — сказала Раиса, склоняясь над Артемом.

— Тут раскраснеешься, — хмыкнул Клубков насмешливо. Подождал, пока Раиса смазала рану, забинтовала, уложила на шкуры Артема, накрыла шкурой же, и, когда уже отошла от нар, спросил: — Ну дак что, Рая, будем делать с другим-то гостем? С племянничком-то моим кровным?

Раиса покосилась на Ивана, который все это время стоял истуканом возле дверей, и ничего не ответила. Присела перед печкой, подкидывала дрова.

— Не знаешь, что с ним и делать? — спросил ее Клубков и повернулся к Ивану. — Погляди, до какой жизни ты нас довел. Как дикие звери нынче живем. От родного дома одни головешки остались. Кончил ты нас, Ванька, насмерть кончил, разорил. Ох, сколько я думал про тебя, сколько думал... Лежу, бывало, ночью, а сам про тебя вспоминаю. И внутри все прямо так и зудит. Ну, думаю, неужто не попадется он мне? Ведь не может же быть так, чтобы не попался. Ведь есть же какая-то правда на земле. Она обязательно пошлет тебя ко мне. И — послала ведь. Вот он ты передо мной стоишь. Скажи, каким мне тебя судом судить, какую тебе кару придумать? Скажи, а то я и кары такой не найду. Потому что, какую ни придумаю, все кажется мало. Шибко большое зло ты нам сделал. Жизни человеческой лишил.

— Думай сам, — сказал Иван безразличным голосом. — Как хочешь, так и суди. Я в твоих руках. Но если уж ты хочешь знать, что я могу посоветовать, так это са-

мого себя судить. Не меня. Ты сам, Тихоныч, довел себя до такой жизни.

— Значит, я сам виноватый? — ехидно прищурился Клубков судорожно затягиваясь дымом.

— Ты сам. Сам, Тихоныч, никто другой. Ты по-людски жить не хотел. Как честные люди живут. Все волком на отшибе жил, вот и дожил до такого положения. И не ищи виноватых. Ты один кругом виноват. С какого боку ни посмотри.

— Мне вот еще что интересно, — горячим голосом продолжал Клубков. — Шибко меня интерес берет. Такой вот интерес... Ну, то, что катать камни на Сельге директора ты надоумил, у меня даже никаких сомнений нет. Ты это надоумил. Сам он сроду бы до такого не додумался, директор наших мест не знает. Так вот, как ты считаешь, правильно вы тот раз сделали? Полюдски или нет? Что воду по сухому рукаву пустили? Что границу свою за мой дом передвинули? Что смухлевали?

— Правильно.

— И совесть не грызла? Ни одной минуты?

— Ни единой, — Иван твердо смотрел в глаза Клубкову, не уводил их в сторону, не юлил. Будто тот спросил его: «Правда ли, что снег бел?» И он ответил: «Правда». А взглядом добавил: «Конечно, белый. Какого же цвета ему еще положено быть, как не белому». Очень уж уверенно смотрел в немигающие глаза Клубкова. — Тебя, Тихоныч, никак нельзя было оставлять на Щучьем мысе. На самой заповедной границе. Ты там без надзора был. Что хотел, то и делал. Соболей ловил? Ловил, сколько хотел. Петли на маралов ставил? Ставил. Тебе даже своих мест не хватало. К нам заскакивал. К Кугушеву Гавриле Афанасьевичу на Черный мыс, на солонец тамошний заскакивал? Был ты там, даже не отпирайся. И как же мы после всего этого могли терпеть тебя на самой границе, в тихом, безлюдном углу? Никак не могли. Права не имели тебя там терпеть. И выселили.

— Значит, по правде сделали, по справедливости?

— Что-то ты, Тихоныч, о правде много говорить стал. Раньше я от тебя про нее отчего-то не слыхал. Никогда. Или не до правды тебе тогда было? Ты ведь по правде-то сроду и не жил, чего это заговорил о ней под старость-то лет? Много раньше тебе надо было ее искать. А теперь — поздно. Она от тебя сильно далеко. Зря стараешься.

— А от вас близко? — затягиваясь та-

бачным дымом, спросил Александр Тихонович. Всю уже самокрутку истянул, она уже пальцы прижигала, а он этого не видел. Тянулся к ней губами и тянулся, хоть еще чуточку выжать из нее дыма.

— От нас близко. А чего ей, правде, тут делать на левой стороне? Ей тут совсем делать нечего. Тут стреляют, петли ставят, капканы. Вот она и ушла к нам. Может, раньше ее тут сколько-то и было, а теперь она вся у нас. В тишине да покое.

— Так и вся? — щурился от дыма Клубков.

— Вся, Тихоныч, вся. Или ты о какой-то другой правде говоришь, о своей, особенной.

— Да почему же об особенной. Она одна, правда. Ее другой, особенной, и нету. И она не может в одном каком-то месте собраться. Она везде есть. Вот как солнышко светит, его лучи всюду попадают, все живет этим светом. Всякая лесная тварь, даже малые букашки. В самое что ни на есть глухое ущелье — и то солнышко заглядывает. Даже сюда ко мне — и то попадает. Ненадолго, а попадает, чтобы увидел его и обрадовался. И когда кто говорит, что вся правда у него находится, то это уже и есть неправда, несправедливость. Потому что она шибко большая, чтобы одним рукам удержать. И вам ее, заповеднику, тоже не удержать. Вам только кажется, что она у вас, а она — везде. — Клубков обжег губы, бросил окурочек к печке и повел вокруг себя рукой. — Везде она, Ванечка. И если у вас, в заповеднике, — сила, то это еще не правда. Сила и правда не одно и то же. Силе всегда кажется, что правда на ее стороне. Ей и самой так кажется и другим она приказывает так верить. А кто не верит, так того пинком по особенному месту. Ты, мол, как это, такой-рассякой, не веришь мне, силе? Какое имеешь право не верить? Не рассуждай, а верь!

Иван усмехнулся:

— Перегибаешь, Тихоныч. Перегнуть в этом вопросе совсем просто. Тебе перед самим собой надо как-то оправдаться, вот ты и выворачиваешься, как можешь. Вот и крутишься. О правде, о справедливости заговорил. Язык-то как у тебя поворачивается?

— Вот. Видишь как! — поднял палец Клубков. — У тебя душа страдает, если кто другой о правде говорит. Настолько вы ее своей считаете, что другим и говорить о ней нельзя.

— Все, Тихоныч, кончим воду в ступе толочь. Можешь меня застрелить, сделать

что захочешь, а я вины перед тобой никакой не чувствовал и не чувствую. Я делал все так, как требовала справедливость. И тут ты меня никак не сдвинешь, — и Иван рубанул рукой, словно обрубил разговор.

После этого отрешенно прислонился к косяку и глаза прикрыл от усталости. Делай, мол, со мной что хочешь, да поскорее. Надоело мне все это.

Клубков молчал. Ранса молчала, склонившись над Артемом, поправляя на нем сбившуюся в сторону маралью шкуру. Жар был у Артема, он что-то бормотал в забыты, стонал, сбрасывал здоровой рукой тяжелое покрывало.

— Ну, ладно, — отстраненным уже голосом проговорил Клубков и поглядел на рюкзаки у порога. — Который тут твой?

— Вот этот, большой, — кивнул Иван себе под ноги.

— Чем он у тебя так набитый?

— Борщ мороженный, хлеб, остальная провизия.

— Выкладывай, — приказал Клубков.

Иван развязал рюкзак, вытащил мешок с борщом, громыхнув, поставил на пол отдельно.

— Хлеба много?

— Две буханки да вот мешочек с сухарями.

— Одну буханку оставь, остальные давай.

Иван отдал.

— Патронов, спичек много?

— Чего ты спрашиваешь, Тихоныч, — усмехнулся Иван. — Ты не спрашивай. Бери да и все. Ты ведь правый нынче у нас. А правый и есть правый. Он что ни делает, все правильно.

Клубков оттопырил на Иване телогрейку, заглянул в патронташ и недовольно покривился. Десятка два было патронов.

Пошарился в рюкзаке, вынул еще патроны, три пачки по десять штук, фабричные. В полиэтиленовом мешочке. Положил на нарты. Туда же бросил три коробка спичек.

Спросил:

— В кармане коробок еще есть?

Иван похлопал себя по карману.

— Есть. Отдать, что ли? У живого берешь, мертвого обшаривать не желаешь?

— Оставь себе, — буркнул Клубков и оглядел лежащий на полу, сразу похудевший рюкзак. — Надевай свой рюкзак. Пошли.

На воле была уже ночь, беззвездная ночь, сплошной мрак. Пуржило даже тут, в

ущелье. А что дальше делается, хотя бы на перевале? Там всюю метет. Отсюда слышать было.

— Бери лыжи, — сказал Клубков, стоя с Ивановым ружьем в руках.

Иван взял прислоненные к стене свои лыжи, надел.

— Ты вот что, Тихоныч, поправится Стригунов, переправь его как-нибудь на Черный мыс. К Кугушеву. Как полегчает ему, так сразу и переправь.

— Об Стригунове не заботься. О нем есть кому позаботиться, — насмешливо проговорил Клубков и протянул ружье.

— Чего это? — не понял Иван.

— Забирай свой дробовик и езжай.

— Куда? — еще спросил Иван. Однако ружье взял и держал, не зная, что с ним делать.

— Куда глаза глядят.

Иван усмехнулся, не трогаясь с места.

— Мудришь, Тихоныч. В затылок собираешься выстрелить? Так я против. Ты уж лучше в грудь стреляй, так честнее будет. Не хочется мне затылком пулю принимать. Я в лицо тебе перед смертью посмотреть хочу. На справедливое твое лицо.

— Больно жизнь тебе быстро приелась.

— Не приелась, нет. А если уж помирать, то помирать должно как человеку. Не отворачиваться от смерти.

— А может, пощады попросишь? — спросил Клубков.

— Не попрошу, Тихоныч, не жди. Пощады виноватые просят или те, которые за свое дело до конца постоять не могут. А я — могу; и помирать мне не страшно. Стреляй быстрее. А боишься возле избушки, так давай отойдем.

— Я раздумал тебя стрелять, — сказал вдруг Клубков. — Видишь, при мне никакого ружья нету, — и он развел руки в стороны, показывая, что они пустые. — Раздумал стрелять, но и простить тоже душа не лежит. Слишком много ты нам горя принес. Ты и сам того не знаешь, как много. Своей правдой-то. И если твоя правда несет другому горе, то она не правда и даже не полуправда, а вовсе ложь. Вот так, Ванечка, только так и никак иначе. Отпускаю я тебя. Доберешься до своих — счастливая у тебя судьба, а если нет — никто не виноват. Волчишек тут шибко много расплодилось. По ночи они смелые.

— Отпускаешь? — спросил Иван, не веря.

— Отпускаю. Злой ты шибко. Злой, а отпускаю.

— Добрый-то ты какой, Тихоныч! Прямо не знаю как тебя и благодарить. Спасибо, Александр Тихонович, что жизнь подарил. Может, на колени перед тобой пасть? Или так ладно? — язвительно проговорил Иван. — За доброту твою?

— На колени не надо. Не за что. Я ведь тебе не жизнь подарил, а только надежду, — терпеливо поправил Клубков. — И если доберешься до своих, если живой останешься, то помни, что я тебе говорил. Правда не всегда там, где сила. Ее, правду-то, сила служанкой себе сделать

желает, да только никогда еще из этого ничего путного не выходило. Это запомни. Может, когда и сам поймешь. Если еще поживешь... Иди, Ванечка, иди...

Иван криво усмехнулся в темноте, скрипнул лыжами и, не оборачиваясь, двинулся во тьму, туда, где в верхах подывал ветер ли, волки ли — не разберешь. На перевал. У него один только ориентир и был. В гору — значит верно.

*Окончание следует*

Укачин Борис Укачинович родился в одном из отдаленных селений Горного Алтая Каярлык, в семье скотовода. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор многих поэтических книг, изданных на Алтае и в Москве. Пишет прозу. Повести Б. Укачина публиковались в журналах «Знамя» («До смерти еще далеко»), «Сибирские огни» («Горные духи»), альманахе «Алтай» («Цвет времени») и др. Член Союза писателей СССР.



Борис УКАЧИН

## Из книги „Эхо вечного Алтая“

### РАДОСТИ АЛТАЙЦА

1.

Люди, люди, радость большая:  
путь начав на земле Алтая,  
приглядеться к людям и странам,  
быть повсюду гостем желанным,  
не назойливым, любознательным,  
за вниманье к себе — признательным.  
А услышав сердцем, как Время  
перелистывает страницу —  
не спеша проститься со всеми,  
всем с достоинством поклониться,  
поклониться и улыбнуться,  
о чужой порог — не запнуться,  
в отчий край, на Алтай вернуться —  
люди, люди, радость какая!

2.

Радость — каждый день глядеть на солнце,  
видеть материнские морщины...  
Чувствовать себя чуть-чуть ребенком —  
это тоже радость для мужчины!

Радость — чай, заправленный талканом,  
одаряющий теплом и силой,  
пить из пиалы широкой, белой,  
со щербинкой памятной и милой.  
Этот чай готовила родная,

сдабривала травами Алтая,  
пить его, ладони согревая, —  
радость, люди.  
Радость — и какая!

3.

Радость — встретить старого друга,  
в дорогие черты взглядеться  
и увидеть друга не старым,  
а таким, как в юности, в детстве!  
Тут уж песни сами споются,  
слезы на глаза навернутся,  
грусть и радость в одно сольются,  
высшей радостью обернутся!

4.

Не сердись на меня, подруга,  
я и эту радость не скрою:  
радость — встретить любовь былую,  
поглядеть в лицо дорогое,  
снова сердцем к ней протянуться,  
горькой радостью задохнуться...  
Что мне делать, прости, подруга,  
мне вину отпусти, подруга,  
эта радость — во мне, со мною,  
я, мужчина, ее не скрою!

5.

Радость, о, радость, мои друзья:  
сын мой лицом — как в юности я!

Радость, о, радость, мои друзья:  
метко стреляет мой сын, как я!  
Радость, о, радость, мои друзья:  
сын мой стреляет лучше, чем я!  
Пусть в побежденных сегодня я —  
слаще победы радость моя!

6.

Хорошо, если сытно мой скот зимовал  
и на пастбище весело откочевал!  
Но вдвойне веселее гляжу я на всех,  
если так же удачлив и добрый сосед.  
Радость к радости — радостней сердцу вдвойне!  
За двоих и поется, и дышится мне!

7.

Радость — если вешний гром ударит!  
Радость — час, когда отец подарит  
верное, бывалое ружье  
и седло надежное свое!  
Радость — свадьба дочки, свадьба сына!  
Дважды радость, ежели притом  
не вдали — в тени родной долины  
рядом с отчим встал сыновий дом!  
Радость — и неспешная беседа,

и добросердечие соседа,  
и семья, в которой тишина  
глупой ссорой не осквернена!  
Радость — конь, и звезды, и дорога,  
И улыбка, и благая весть...  
Радостей, как звезд, на свете много,  
хорошо, что их не перечесть!

8.

Радость — Время, в какое пришлось мне родиться!  
Радость — это возможность взлететь, словно птица,  
с невеликого горного аэродрома —  
и у Черного моря в тот же день очутиться  
и бродить возле моря, как дома!  
Или — в поезде, длинном, как зеленое лето,  
плавно, медленно мчаться по просторам планеты,  
или плыть на красивом большом корабле  
от знакомой земли — к незнакомой земле,  
плыть, земные края для себя открывая,  
плыть, алтайскую песню свою напевая,  
а в конце всех дорог  
при алтайской луне  
вновь скакать  
по знакомым горам  
на коне!

Перевел с алтайского Илья ФОНЯКОВ.



Бедюров Бронтой Янгович родился в 1947 году в селе Онгудай Горно-Алтайской автономной области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Книга стихов «Песни молодого маймана» вышла в издательстве «Современник» в 1974 году. Два поэтических сборника — «Краски гор» (1969) и «Месяц Возрождения» (1970) — изданы на родном языке.

Член Союза писателей СССР.

### Бронтой БЕДЮРОВ

#### ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ МАТЕРИ

Рубашка, которую ты  
постирала мне на дорогу,  
на теле моем, пропитанном пылью  
Великой Степи, —  
на мне,  
точно светлая память, хранимая строго  
о шершавых ладонях твоих, эне!\*

Курут, белый сыр,  
тот, что ты дала мне на дорогу,  
я не ем, берегу  
до решающих дней,  
как суровую память,  
ту, что можно лишь изредка трогать —  
о белом молоке  
твоих грудей иссохших, эне!

А сам все пою  
ту песню,  
длинную-длинную песню твою,  
ту, которую пела ты нам  
в наше далекое детство.  
Под звуки той песни  
когда-то.

\* Эне — мать (алт.).

держась за подол,  
я встал и пошел.  
Один за другим,  
легко разгибая  
тонкие ножки свои,  
поднимались мы все, эличата.\*

А поднимаясь,  
мы видели Солнце  
над нашими маленькими,  
точно шишки у кедра  
головками,  
и мы солнцу махали  
все вместе  
руками неловкими,  
похожими на стебли цветков  
с пятью лепестками.  
Под звуки той песни.  
Да, я все чаще пою  
песню, что пела ты нам,  
эту вечную песню Пути,  
ту, которую начал я там,  
на склонах моей Теректы!

Перевел с алтайского Ю. НЕЙМАН.

\* Эличата — детеныши косули.



Саруева Александра Федоровна родилась в селе Онгудай Горно-Алтайской автономной области. В 1930 году окончила школу крестьянской молодежи, была учительницей, работала в райкоме комсомола, в книжном издательстве. Участница Великой Отечественной войны, в рядах народных ополченцев защищала Ленинград. Автор поэтических сборников «Звезда моей матери», «Мой Алтай», «Сырга», «Алмаз» и др., книг рассказов «Человек рожден для счастья», «Синички».

Член Союза писателей СССР.

### Александра САРУЕВА

#### ДЕНЬ АЛТАЯ МОЕГО

Утро.

Занимается заря.

На горах  
костры белков горят.

И плывет их отблеск  
на простор,  
наполняя чаши  
всех озер.

Вновь

на краски щедр

передо мной

открывает душу  
край родной.

Проступил зубчато перевал.

Вот начался  
птичий карнавал.

Вот марал  
прошел своей тропой  
к звонкому ручью на водопой.

Вот петух пропел:

— Ку-ка-реку!

Грузовик промчал по большаку.

Ранний всадник  
в сутеми сырой  
торопливо скрылся за горой.

И под ярким пологом зари  
вышли на работу косари.

За прокосом  
тянется прокос  
по разливам

серебристых рос.

Где-то ровно  
тарахтит движок.

В кузне горн  
кузнец уже разжег.

Пропылило стадо от села...

Начались обычные дела —  
будний день Алтая моего,  
радостный  
и светлый для него.

Перевел с алтайского  
Г. ВОЛОДИН.

\* \* \*

Не хочется деревьям увядать —  
повремените, листья, опадать!  
Не засти, туча, яркого луча —  
повремени, небес не омрачай!  
Повремени, трава, не увядай  
и горестно к земле не припадай!  
Повремени, сентябрь, повремени  
и птиц на Юг далекий не гони!  
Пусть лета бабьего продлятся дни —  
ты не дыши, мороз, повремени!  
Не замерзай, ручей, беги, звеня!..  
Повремени, судьба, не старь меня!

Перевел с алтайского  
Г. ВОЛОДИН.

Пирогова Зоя Тимофеевна родилась в г. Ленинграде, пережив здесь суровое блокадное детство. Окончила библиотечный факультет Ленинградского института культуры имени Крупской, много лет заведовала городской библиотекой в г. Кировске Ленинградской области.

С 1972 года живет в Горном Алтае. В далеком поселке Карагай Усть-Коксинского аймака усилиями З. Т. Пироговой в этом году открыта библиотека. Рисует, пишет очерки и рассказы, которые, по свидетельству самой Зои Пироговой, являются былями, невыдуманными историями.

В альманахе «Алтай» публикуется впервые.

**Зоя ПИРОГОВА**

## В ОБЪЕЗДЕ

— Хотите табуны посмотреть? Я еду сегодня в объезд.

Это говорит Леонид, наш сосед табунщик. Он привез хлеб из маленькой лавочки при дойных гуртах, что в восьми километрах. Дружеская услуга. Дотемна загорелый, широкоплечий, он ладно сидит на красивом рыжем коне с белой лысиной и ласковым именем — Сынок.

— Ну конечно, хочу, еще бы! А конь?

— Будет конь.

— Но я освобожусь только через час.

— Хорошо, я оседлаю и выведу вас встретить. Не опаздывайте.

И вот я иду по знакомой тропе вдоль реки. Если идти по ней долго, часа три-четыре, то путь преградит высокий голый хребет. За ним — Казахстан. А если чуть раньше свернуть влево и подняться высоко по болотистому склону с редким корявым кедром, то совершенно неожиданно можно увидеть маленькое круглое, как чаша, темно-зеленое озеро. Над ним высокая снежная шапка. Озеро — тайна. Молчаливо-холодное. Природа сокровенно спрятала его под охрану шапки. И вечная тишина вокруг. Ниже, в кедраче, наш летний рабочий лагерь, где добывали маралий корень.

Но сейчас мой путь короток — до избышки табунщиков три километра. Под ногами шуршат опавшие листья — ранний листопад засушливого лета. Впереди мелькнуло черное и белое — это Бобка и Тайга. А следом их хозяин. В поводу он ведет рослого карего коня под седлом.

— Вот ваш конь. Это Бородач — наш запасной. Садитесь.

Леонид подает повод. Со смехом смотрю на морду коня. На нижней ее части длинные черные волоски, напоминающие жидкую козлиную бородку. Шел конь резво и весело.

Тропа повернула, и мы увидели на ней стреноженную темно-пегую лошадь с густой спутанной гривой и челкой. Она была похожа на грустную растрепанную тетку.

— Это еще куда собрался? — крикнул Леонид. Лошадь покорно повернулась и прыгала вдоль тропы рядом с нами.

— Что, Игренька, скучно одному? — посочувствовала я растрепе. Игренька, объездной конь второго табунщика, уехавшего со смены на мотоцикле. Не любят кони одиночества и всегда стремятся к общению с собратьями.

Избушка табунщиков стоит на широкой поляне. Маленькая, крепкая. Перед ней поленица дров, куча шелухи от кедровых шишек. Леонид взял двухстволку, опоясался патронташем. В своей старой фетровой шляпе, ярко-узорной теплой рубашке и новых джинсах, он походил на ковбоя из американского фильма. Я улыбнулась и спросила — видел ли он фильмы с ковбоями. Нет, он не видел. Да и в кино не часто бывает, разве что зимой. Работа надолго уходит в горы, а дома семья, хозяйство.

Выехали. Игренька тронулся было за нами, но властный окрик остановил его. Он обижено затряс светлыми патлами и тоскливо заржал.

— Игренька, бедный... — Мне жаль его.

Но вот и он, и избушка позади. Мы едем краем широкой долины, ровно заросшей невысокой и уже пожелтевшей травой. В конце долины высится скалистая гора со свежей вершиной. Через нее тяжело переползают синеватые тучи. Лениво, словно в раздумье, кружит березовый лист. По лицу мягко задела желтая мохнатка лиственничной ветки. Осень. Осень... Вон прощальными кострами вспыхнули рябины в темных ельниках сиверов. А рощицы молодого частого осинника, похожие на островки, уже отгорели и голые, потускневшие, зябко жмутся к бурым склонам. Зато дружно и светло желтеют листья. С ними осень в горах ярче и праздничней.

— А ну-ка веселой! — Леонид неожиданно оборачивается и лукаво улыбается. Его конь срывается с места в галоп. Я не успеваю натянуть повод, а мой Бородач уже стремится догнать его. Я слегка наклоняюсь вперед, сильнее упираюсь в стремя. В лицо ударяет ветер, дробно и весело стучат копыта по сухой дороге. Рассыпались волосы, беспричинно смешно. Мой Бородач обгоняет Сынка и скачет дальше. Взлетает на пригорок и переходит на шаг. Леонид догоняет и тоже смеется. В живых зеленых глазах озорная лукавина. Знаю, ему хотелось увидеть — не боюсь ли я быстрой скачки. Обычно сдержанный, молчаливый, застенчивый, он так заразительно смеется, когда весел.

Дальше кони идут неторопливым шагом, и Леонид рассказывает:

— А я ведь с пяти лет на коне. Сначала дома помогал, потом в колхозе. В тринадцать уже самостоятельно работал. Отец у нас с войны не вернулся...

Едем ельником. Вдруг разноголосо залаяли собаки. Прыгают возле небольшой елки. На ней белочка. Замерла, в лапках шишка. Уронила ее и прижалась к стволу. Переждав, запрыгала выше. Легко метнулся черный пушистый хвост. Собаки обиженно потявкали и потрусили за нами. Вот Леонид хмурится, озабоченно поглядывая по сторонам.

— Что? — спрашиваю.

— Да коней не видать. Должны быть здесь, все три табуна.

Долина осталась позади. Начался широкий лог, уходящий к реке. Дорога свернула в сторону, а мы едем по тропе. Поворот — и вдруг перед нами обгорелая гора. Словно неожиданный резкий звук ворвался в мягкую мелодию осени. Словно военный смерч пронесся по склонам. Черные пики стволов, обломки сучьев, как вздетые к небу

руки, — помогите... И на другой стороне лог весь длинный склон горы мертво чернеет гарью.

— Ох, и задал нам тогда страху этот пожар! — говорит Леонид. Он говорит еще что-то, но я уже не слышу, отключаюсь. Память мгновенно переносит меня в тот августовский день. Лето было нынче очень сухое. То там, то тут начинались пожары, медленные, низовые. К дыму привыкли. Тушили пожары местными силами, иногда тревожно гудел пожарный вертолет. Горело недалеко, то затухая, то разгораясь. В тот день с утра было все, как всегда, а с полудня вдруг рванул ветер. И сразу все изменилось. Небо быстро заволакивало дымом. Со стороны пожара поползли темные багровые тучи, вселяя тревогу. Солнце погасло, и стало тускло-темно, как при затмении. Закружились крупные черные хлопья, обгорелые листья. Зарево наползало, разрасталось. Только на севере еще светлела узкая полоска неба у самого горизонта. Дом наш один в узко-зажатой долине обмелевшей реки. За домом крутой склон. Взбегаю на него. Что там, далеко ли огонь? Но все заволокло дымом. Заметалась из дома во двор. За мной кошка с котенком, собака. Глупые, как я вас защищу? И нигде ни души. Ни прохожего, ни проезжего. Что делать? В доме так темно, что едва различимы предметы. Дрожат колени, надо что-то делать. Книги! Хватаю мешки, сбрасываю в них книги с полок, складываю в железный бак и запикиваю в подвал (тогда я не знала, что это не спасает). В рюкзак укладываю кое-что из одежды, записные книжки, исписанные тетради. На миг замираю над фотоальбомом. Вспомнились слова Наташи, молодого ботаника из экспедиции: «Мама наша говорила: девчонки, если пожар случится, главное — спасайте фотографии: все можно потом нажить, а их не вернешь. В них память, лица дорогие. Берегите их». Выбрасываю свитер, кладу альбом. Ведь там и правда, столько неповторимых снимков. Рюкзак тяжел. Неужели... Ну как же это? Семен уже шестой день в горах, в лагере. Что там? В отчаянии опускаюсь на крыльцо, усыпанное пеплом. Даже не заметила, что ветер переменялся. И вдруг утих совсем. Медленно, очень медленно, раздвигая завесу дыма, начинает светлеть небо. Рюкзак не распаковываю — что-то еще принесет ночь? А ночью пошел спасительный и долгожданный дождь. Потом на пожар прибыли машины с солдатами. И вот все позади.

— Я уж на остров готовился переби-

раться, — снова услышала я голос Леонида. Он не заметил, как я отключилась.

— Ну уж и остров! — Вспомнился крошечный островок с галечной отмелью и кустами тальника, обмелевшая река. А он засмеялся:

— От огня хоть куда побежишь, все вода кругом. Да... было бы делов, скота-то сколь кругом! Вот и зверь потревожился, вчера скотники снежного барса видели. Видать, с Катуня или из Казахстана ушел, там тоже горело.

— А табуны где же были?

— Они тогда на гладком белке ходили, там тихо было. А вон и кони! — Впереди пестрой россыпью бродил табун.

— Вы осторожней, жеребец здесь злой.

Я натянула повод. Леонид цикнул на залаявшего было моего Тумана. Кони повернули головы в нашу сторону. Тревожно заржала красивая гривастая кобылица. Замерли, чутко вздрагивая, длинноногие жеребята, такие милые и трогательные; такие разные по цвету, с белыми звездочками, лысинками, чулочками. Жеребец Резвый — белый мускулистый красавец, с длиннющей серебристой гривой и хвостом. Он величаво-медленно оглянулся на нас и тронулся вверх. За ним послушно потянулся его богатый гарем из тридцати пяти кобылиц с жеребятами.

— Резвый! Куда подался?

Жеребец замедлил шаг и вскоре остановился. Кобылицы стали лениво щипать траву. Жеребята продолжали свои игры. Смешно подпрыгивали, неуклюже вскидывая тоненькие ножки.

— ...два, три, четыре... — считал табунщик. Облегченно вздохнул. — Все на месте. — Еще раз внимательно оглядел табун, что-то раздумывая, потом сказал. — Поехали дальше.

По пути рассказывал о Резвом, что это самый умный жеребец. У него в табуне железная дисциплина — ни кобылиц, ни жеребят не растеряет. И еще у него есть помощница — рослая белая кобылица. Когда ему неохота, она ведет табун или заворачивает оставших. Я спросила:

— А если какая-нибудь лошадь уйдет в другой табун?

Леонид рассмеялся:

— Разве он пустит? Он ее так причешет!.. И к себе чужих не возьмет.

Проехали немного и в маленькой лощинке увидели остальные два табуна. Мне показалось, что они соединились в один. Леонид слегка прищурился. — Вот паршивец, ну куда ведет? Раздерутся еще. Эгей! —

крикнул в разноцветную массу, где преобладали черные кони. Из этой общей массы вдруг отделилась группа и плотным косяком пошла в гору. Леонид быстро считал. — Все вроде.

Третий табун спокойно пасся возле тропы. Его хозяин был вороным. Он даже не взглянул на нас. Обошел свой табун со стороны тропы и чуть отогнал его в сторону. Длинное сильное тело жеребца упруго изгибалось при ходьбе, поблескивало черным атласом кожи.

Сколько прелести в вольных животных, не знающих ни узды, ни упряжи! Кобылицы величавы и нежны. Задумчиво, ласково глядят они на своих жеребят, на синеющие вдаль горы. Ветер лениво шевелит длинные, волнистые хвосты, гривы.

Пора уезжать.

— Они так и останутся здесь?

— Да кто ж их знает, ездить, смотреть надо. К реке бы не ушли. Там сразу перейти захотят и подадутся вверх. Наищешься тогда. Осенью весь скот беспокойный — зиму чует.

Я подумала о скором пенастье. Представила промокшего всадника, ветер, мокрые хлопья раннего снега и прячущиеся в укромных закутках гор или ельников табуны. Потом придет зима, упадут снега. И надо перегонять табуны на новые, мало-снежные места. И снова объезды, объезды, морозы, бураны. Сухое лето — плохие корма. Кони будут голодны, беспокойны. А к весне начнут жеребиться кобылицы, и снова будет много хлопот.

— Ну, что загрустили? — улыбается Леонид.

— Да я о вас вот раздумывала. Трудно бывает?

— Работа... — Пожал плечами, замолчал. Ну, конечно, разве он станет жаловаться. Работать он умеет. И работу свою любит, несмотря на ее трудности, а возможно, именно потому и любит.

Выехав на дорогу, снова пустили коней вскачь. Погода разгулялась, нежно заголубело предвечернее небо.

В избушке Леонид быстро, по-хозяйски, затопил железную печурку, согрел чай. Я ужасно проголодалась, потому весело, с удовольствием ела сыр, рыбные консервы, запивая крепким дочерна чаем. «Не варил я сегодня», — оправдываясь, говорит хозяин и кладет передо мной редкое в тайге лакомство — красный помидор. В избушке стало тепло. Транзистор рассказывает веселые истории мистера Пиквика. Белеют на полке аккуратные мешочки с крупами, су-

харями. На столике стопка книг. В ней один старый толстый том — загадка без начала и конца. А вот и моя книга — деревенские повести и рассказы Федора Абрамова. Как-то знакомый пастух, возвращая мне эту книгу, восхищенно сказал: «Здорово, ну как про нашу жизнь!»

Потом Леонид провожает меня. Мы переезжаем реку, и здесь я прощаюсь со своим гидом и карим Бородачом. Домой мы с Туманом возвращаемся уже в сумерки. Нас встречает молчаливая изба. В ней теп-

ло, уютно и очень тихо. Включаю приемник, торопясь вспугнуть тишину и как бы раздвинуть перед собой мир, объять его хотя бы мысленно. Впереди долгий осенний вечер с письмами, книгами.

А ночью мне снились кони. Будто ловила я уздой диковатых скакунов. Бились на ветру золотистые гривы.

*Горный Алтай,  
Усть-Кокса*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.akunb.ru



Палкин Эркемен Матынович родился в 1934 году в селе Ело Онгудайского аймака Горно-Алтайской автономной области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор многих книг — «Новый человек», «Родные люди», «Новое время», «Черный огонь», «Жеребенок ржет», «Алан» и др., изданных на алтайском и русском языках.

Долгое время возглавлял Горно-Алтайскую писательскую организацию, в настоящее время — заместитель редактора газеты «Алтайдын Чолмоны».

Член Союза писателей СССР.

### Эркемен ПАЛКИН

#### АЛТАЙ

Пустынные,  
задумчивые горы,  
очерченные тропами  
хребты,  
туманов  
белопенные узоры,  
озера  
небывалой красоты.  
Стоит  
могучих лиственниц стена,  
кукушки плач,  
пронзителен и долог,  
в зеленых долах  
ржанье табуна:  
Алтай ты мой —  
моя земная доля.  
Слышны здесь всюду  
голоса маралов,  
здесь наши предки  
обрели приют.  
Молчит тайга,

от песен замирая,  
отары бесконечные  
снуют.  
Корой стоянки летние  
тут пахнут,  
здесь кисточки-дымы  
айлы ткут.  
Живут здесь  
замечательные парни,  
застенчивые девушки  
живут.  
Родная речь  
вовсеки не смолкает:  
все это ты —  
мой дорогой Алтай.  
Чернеет казылган\*  
на черных скалах,  
на россыпях  
крыжовнику простор,  
в урочищах  
взор ягоды ласкают,  
пионами  
алеют склоны гор.

Кедровые орехи собирай:  
все это ты —  
Алтай —  
мой щедрый край.  
Жизнь явью на мечту  
теперь похожа, —  
и я гляжу  
уверенно вперед.  
Земля моя,  
ты стала мне дороже,  
хоть память о минувшем  
не умрет.  
Пронзили твою душу  
наши песни,  
звенят они  
и летом и весной.  
...Года уходят,  
тая в поднебесье,  
каким ты будешь,  
мой Алтай родной!!

Перевел с алтайского  
Владимир КУДИМОВ.

\* Казылган — разновидность смородины.

Ередеев Александр Янганович родился в 1937 году в селе Иня Онгудайского аймака. Окончил Горно-Алтайский зооветеринарный техникум, а затем Литературный институт имени А. М. Горького. Автор сборников «Безымянные цветы», «Голос марала», «Голубая чаща» и др., изданных на родном языке. Работает корреспондентом областного радио.

Член Союза писателей СССР.



Александр ЕРЕДЕЕВ

#### НА СТОЯНКЕ ЧАБАНА ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Вокруг такая тишь и белизна,  
душа таким волнением пронзена,  
как будто бы метельной этой ночью  
была земля впервые создана.  
Куда ни глянешь, всюду белый цвет,  
ничей в снегу не отпечатан след.  
На все четыре стороны уходит  
необозримый, необъятный свет.  
Мир замер в изумлении. Но вдруг,  
как новый стих, родился первый звук.  
Дверь скрипнула, корова промычала,  
пахнуло дымом зимнее жильё.  
Не в этом ли извечное начало  
поэзия берет и бытие!

Перевел с алтайского Ст. ЗОЛОТЦЕВ.

\* \* \*

Тихо-тихо, чисто-чисто.  
В зябком небе синь.  
На снегу стоит искристом  
мой трехлетний сын.  
В медовом комбинезоне,  
словно космонавт,  
что стоит в полетной зоне  
ожидая старт.  
Чисто-чисто, тихо-тихо.  
Ярко светит лед.  
В небо ель взметнулась лихо,  
словно звездолет.

Перевел с алтайского Н. ЧЕРКАСОВ.

Юрий МАЙОРОВ

## ЗДЕСЬ, В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ...

В октябре 1949 года была образована Германская Демократическая Республика. Это был поворотный пункт в истории немецкого народа. На Западе делались провокационные прогнозы: проживет ли государство рабочих и крестьян 100 дней. Прошло более четверти века... Сегодня подобные гадания выглядят нелепыми упражнениями безумцев. Республика набирает силы с каждым годом, растёт ее международный авторитет. Образование ГДР стало возможным благодаря тому, что Советский Союз сокрушил фашизм, постоянно и повседневно оказывал и оказывает братскую помощь молодой республике. Германская Демократическая Республика сегодня — это сталь Геннигсдорфа, новые кварталы Берлина, машиностроительные заводы Карл-Маркшадта, электронные предприятия Иены...

...Недалеко от побережья Балтийского моря, где когда-то прусские юнкеры выжимали соки из немецких батраков и польских косарей-сезонников, где сознательно тормозилось развитие культуры, в декабре 1973 года рабочие, ученые и инженеры СССР, ГДР, Венгрии, Польши и ЧССР отпраздновали пуск в эксплуатацию крупнейшей энергетической установ-

ки в ГДР. А незадолго до этого в противоположном конце страны, в Рудных горах, вспыхнул газопровод «Северное сияние», соединившего химические предприятия ГДР с Севером Советского Союза.

Можно привести немало подобных фактов трудного содружества. «Мы, представители двух миллионов коммунистов Германской Демократической Республики, хотели бы выразить свое восхищение и глубочайшее уважение советскому народу, народу — созидателю, народу — труженику», — говорил с высокой трибуны XXV съезда КПСС Первый секретарь Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии Эрих Хонеккер.

Весна 76-го для Германской Демократической Республики — это время IX съезда Социалистической единой партии Германии. Это время новых свершений, новых планов строительства социализма.

Путь к этой весне был сложным и долгим. О некоторых страницах истории и сегодняшней жизни ГДР рассказывается в заметках Ю. Майорова, побывавшего в братской стране по приглашению Союза журналистов Германской Демократической Республики.

### 1. ТРЕТИЙ БАРЕЛЬЕФ

...Эту удивительную историю я услышал в городе Галле, что расположен в нескольких десятках километров от Лейпцига. Здесь живут мастеровые люди и бывает не так уж много туристов. Исторических памятников, ансамблей в промышленных зонах, как известно, маловато. Искусство средневековой всегда искало более тихие места.

Но есть в городе Галле одна драгоценная реликвия, которой гордится каждый житель. И после того, как я узнал ее историю, не могу вместе с ними не разделить этой гордости. Речь идет о самом первом памятнике В. И. Ленину в Германии...

Вернемся к 1920 году. В то время в Германии затухали заводы и фабрики, но клокотал рабочий люд. Великая Октябрьская революция раскрыла на многое глаза и немецким пролетариям. «Красным сердцем средней Германии» называли в то время город Галле. Совершенно естественно, что именно Галле стал одним из центров молодой коммунистической партии.

Трехэтажный дом под № 14 на Лерхенфельдштрассе. Здесь разместился окружной комитет. Здесь же печатались партийная газета «Классенкампф» невиданным по тем временам тиражом — 40 000 экземпляров. На страницах ежедневно рассказывалось о задачах борьбы против империализма, печаталась

правдивая информация о Советском Союзе. В этом здании не раз выступали Эрнст Тельман, Вильгельм Пик и многие другие выдающиеся деятели немецкого рабочего движения. Недаром дом на Лерхенфельдштрассе вскоре стали называть «зданием классовой борьбы».

Осень 1928 года. Коммунисты Верге и Барнак только что вернулись из поездки в Советский Союз. Расспросам и рассказам не было конца. Тогда-то и родилось предложение: открыть в «здании классовой борьбы» ленинский уголок. И, прежде всего, было решено создать барельеф Владимира Ильича. Это была сложная и трудная задача. Смешно даже подумать, чтобы какая-нибудь официальная фирма взялась бы за исполнение заказа. Рабочие знали также, что подвергались смертельной опасности. Штурмовики уже свирепствовали повсюду...

Все делалось в полном секрете. Эскиз барельефа разработал архитектор-коммунист Кнауце. Выполнить его взялся скульптор Вилл, который хотя и не был коммунистом, но горячо симпатизировал Советскому Союзу, идеям марксизма-ленинизма. Рабочий кирпичного завода в Пассендорфе гончар Вальштаб достал нужную глину и помогал скульптору при формовке барельефа. Было решено сделать три экземпляра.

В одну из темных весенних ночей барельефы тайно были доставлены на кирпичный завод. Обжигались они между обыкновенными кирпичами.

И вот 13 марта 1929 года ленинский уголок был открыт. Он как бы напоминал каждому, кто приходил в окружком, о необходимости борьбы за освобождение рабочего класса, верности идеям марксизма-ленинизма. На праздник пришли сотни рабочих. Это было яркое проявление пролетарского интернационализма, любви к Владимиру Ильичу Ленину.

...1933 год. Наступили самые черные дни в истории немецкого народа. К власти пришел Гитлер. И, конечно, первые удары фашистов были направлены в «красное сердце средней Германии».

В здании окружкома разместилось гестапо. Палачи изуродовали барельеф с изображением пролетарского вождя, а комнаты превратили в застенки. Среди издевательств было предусмотрено и такое: избитых узников гестаповцы проволакивали мимо оскверненного памятника В. И. Ленину. Палачи надеялись, что истерзанные пытками антифашисты будут надломлены от одного вида такой картины.

Ничтожества! Своим изулитством они достигли противоположных результатов. Даже изуродованный барельеф придавал коммунистам силы. Не сразу это дошло до гестаповцев. А когда дошло — барельеф окончательно разрушили.

Второй барельеф постигла подобная же судьба. Он находился в здании Союза потребителей кооперации в г. Мерзебурге. И после прихода к власти фашисты тут же уничтожили его.

Но, как мы помним, барельефов было три. Причем третий оставался в мастерской скульптора Вилла. Естественно, что к нему тоже пожаловали гестаповцы. Они провели обыск и нашли барельеф. Но «интеллектуалы» от заплечных дел не представляли себе облика основателя первого в мире государства рабочих и крестьян. И поверили скульптору, что перед ними — изображение... его деда.

Разумеется, после этого оставлять барельеф в мастерской было еще более опасно. И тогда с огромными предосторожностями драгоценную реликвию замуровали в подвале одного дома по улице Зандберг. Люди даже в тяжелую пору верили, что фашистская ночь не бесконечна.

Казалось, сделано все, что возможно. Но дом, в котором спрятали барельеф, был уничтожен во время авиационного налета.

Уцелела ли реликвия? На этот вопрос ответ был получен только после разгрома фашизма. В один из светлых дней сорок пятого рабочие города начали осторожно разбирать развалины здания. И вскоре обнаружили барельеф В. И. Ленина. В полной сохранности! Наверное, во всем этом есть что-то символическое. Нельзя уничтожить бессмертное, всепобеждающее.

С огромным волнением рассматривали рабочие черты великого человека. А затем барельеф установили на том же месте, где он находился в 1929 году. Это здание сегодня носит имя Отто Шлага, выдающегося деятеля коммунистической партии. Он был арестован фашистами в 1933 году и через одиннадцать лет после жесточайших пыток погиб непокоренным в Заксенхаузене.

Давно поросли чертополохом могилы тех, кто мечтал покорить весь мир. Но вечны, как сама жизнь, ленинские идеи, любовь к ним. Ежегодно тысячи людей посещают здание имени Отто Шлага, здание, ставшее местом революционной славы.

## 2. ПОЕДИНОК В РЕЙХСТАГЕ

Этот волнующий поединок, навсегда вошедший в историю, поединок между коммунистом и фашистом, в стенах рейхстага произошел задолго до весны

сорок пятого. За спиной фашиста — вооруженные до зубов солдаты, вышколенные полицейские, опытные провокаторы, высокооплачиваемые продажные судьи... За спиной коммуниста — тоже полицейские. Но из тех, которые готовы стрелять ему в затылок. За его спиной — мрачная камера, из которой выводят только на заседание суда, сумрачные лица надзирателей. Нет! Я ошибаюсь! За его спиной незримо стоял каждый честный человек земного шара, могучий Советский Союз. И его сильнейшее оружие — не автомат, а убежденность коммуниста.

...Осень тридцать третьего. Лейпциг. Зал пленарных заседаний Германского имперского суда. Массивные колонны, тяжеловесная мебель, нависающий бархат... Почти физически ощущается давление всей обстановки. Ничего не сдвинешь! Все вечно и неизблемо!

За полукруглым столом — четвертый уголовный сенат имперского суда. В середине — стул с самой высокой спинкой. На нем президент сената доктор Бюнгер. Он был в свое время министром юстиции и премьер-министром Саксонии. Что-то, а дело свое доктор Бюнгер знал. Оно и понятно. Иначе сидел бы в другом месте.

По левую сторону от президента сената — советник имперского суда доктор Кендрес. На счету — немало громких дел против коммунистов. Уже в то время он слыл среди фашистов «своим парнем». Рядом с Бюнгером — Фрелих, Лэрш и Руш.

Справа от суда восседал главный прокурор империи доктор Вернер и его помощник, ярый антикоммунист доктор Карризиус.

Я сознательно называю только фамилии. Ибо все их обладатели, в сущности, одинаковы. Все они представители земледельцев и высших чиновников. Все служили офицерами в первой мировой войне. Все прошли обучение и школу реакционной немецкой юстиции.

Слева, прямо против прокурора, за барьером, скамьи подсудимых. На заднем ряду, второй стул справа — Георгий Димитров. Рядом его товарищи Благой Попов и Василь Танев. В середине зала пять длинных столов. За каждым — десятка два журналистов. Корреспонденты самых реакционных буржуазных газет. В первые дни процесса ни один советский корреспондент не был допущен в зал заседания.

За прессой — публика. Избранные иностранные дипломаты, высокопоставленные министерские бюрократы, уже успевшие выдвинуться деятели фашистских организаций.

Гестаповцы и специальные криминалисты-чиновники тщательно проверяли документы всех посетителей. Впускались только те, кто имел обязательный однодневный пропуск.

Фашистские главари считали процесс так образцово подготовленным, что не сомневались в успехе! Еще бы! Ведь ставка кровавого режима была весьма велика. Гитлер и его приспешники надеялись с помощью процесса убить несколько зайцев. И прежде всего — снять с себя вину за поджог рейхстага. Оправдать массовый террор. Кроме того, закрепить, так сказать, юридически свою роль — ударного отряда самой реакционной буржуазии в борьбе с коммунизмом.

И, наконец, фашисты рассчитывали вскоре после своего успеха начать новый процесс над председателем Коммунистической партии Германии Эрнстом Тельманом.

Геббельс старался всюю. Должен же в историю войти триумф фашизма! Для записи судебных процессов были приглашены лучшие стенографисты рейха. Велись киносъемки. Процесс транслировался по фашистскому радио. Вначале...

Весь процесс был записан на 2 000 пластинках. Если бы только фашисты знали, как жестоко обойдется с ними история! После войны эти пластинки были найдены в архивах радио. И сегодня есть возможность в подлиннике восстановить события тех дней. Я слушал некоторые записи в музее имени Георгия Димитрова, в городе Лейпциге.

...Один из ноябрьских дней тридцать третьего. К нему гитлеровцы готовились особенно тщательно. Не случайно именно это судебное заседание было перенесено из Лейпцига в Берлин.

Здесь — та же душная атмосфера фашистского суда и та же непоколебимость коммуниста. Но, так сказать, на арену суда был выброшен фашистский козырный туз — премьер-министр и министр внутренних дел Пруссии Геринг. И вот наступил момент, которого так ждала затаившая дыхание публика. Которого ждали во всем мире. Димитров против Геринга...

Димитров: — После того, как вы, как премьер-министр и министр внутренних дел Пруссии, заявили, официально заявили Германии и всему миру, что поджигателями рейхстага являются коммунисты...

Геринг, срываясь с места: — Конечно!

— Что это совершила Коммунистическая партия...

Геринг: — Конечно!

— Что Коммунистическая партия Германии связалась с иностранным коммунистом Ван дер Люббе и с другими подобными субъектами, не направило ли это заявление, это заявление полицейское, а затем и судебное следствие в определенном направлении и не исключило ли оно возможности идти по другим следам в поисках истинных поджигателей рейхстага?

Спокойствие Димитрова, его предельно точные вопросы требуют и точного ответа.

А именно этого и боится больше всего Геринг и начинает юлить:

— Я ответственный министр и в качестве такового для меня было не столь важным установить личность отдельного мелкого преступника, а ту партию, то мировоззрение, которые за это отвечают.

Геринг выдает себя с головой: неважно, кто преступник, важно свалить преступление на партию, на какую партию?

— Это было политическое преступление, и для меня было ясно тотчас же, как и сегодня, что преступников надо искать в вашей партии.

Подобное солдафонство покорило даже председателя суда. И он попытался спасти положение:

— Поскольку вы (обращаясь к Димитрову) говорили о судебном убеждении, то я обращаю внимание на это. Вы ведь только что говорили об этом? О судебном убеждении?

Но Димитров неумолим:

— Нет, нет, г-н председатель, я сказал, что подобная политическая точка зрения могла бы повлиять на расследование со стороны полиции и последующее судебное следствие, в силу чего данные расследования и велись главным образом в одном только направлении. Поэтому я спрашиваю.

Герингу снова не терпится:

— Однако надо добавить: если это и повлияло на выбор направления, то расследования велись только в правильном направлении.

Георгий Димитров: — Это ваше мнение, я придерживаюсь совершенно другого мнения.

Геринг явно кокетничает перед публикой:

— Логично, однако мое мнение является решающим.

Следует мгновенный ответ, как разящая молния:

— Само собой разумеется, ведь я подсудимый.

В зале раздался шумок. Геринг багровеет от ярости.

А председатель сумел лишь выдать из себя, обращаясь к Димитрову:

— Вам надлежит лишь ставить вопросы.

Лишь вопросы! Пожалуйста!

— Известно ли г-ну председателю, г-ну премьер-министру Герингу, что эта партия с таким, как он сказал, преступным мировоззрением является правящей на шестой части земного шара? Это — Советский Союз.

Геринг: — К сожалению!

Димитров: — Советский Союз находится с Германией в дипломатических, политических и хозяйственных отношениях. Благодаря их заказам, хозяйственным заказам Советского Союза, сотни тысяч немецких рабочих получили и будут получать работу. Известно ли это вам?

Геринг багровеет уже от своего бессилия. Но надо что-то отвечать.

— А я здесь имею дело только с Коммунистической партией Германии и с зарубежными коммунистическими мошенниками, приехавшими для поджога рейхстага.

Логике фактов противопоставлено самое заурядное хамство. А лошадная публика, позабыв про свою аристократическую спесь, угодливо завопила:

— Bravo!

Георгий Димитров с презрением взглянул на бесновавшихся:

— Конечно, они говорят « bravo », « bravo ». Вести борьбу против Коммунистической партии Германии — это ваше право. А право Коммунистической партии находится в Германии на нелегальном положении, бороться и побеждать и победить ваше правительство. Это — вопрос соотношения сил, а не вопрос права.

Председатель в ужасе кричит:

— Димитров, я запрещаю вам вести здесь пропаганду.

В ответ следует кивок в сторону свирепеющего Геринга:

— А он ведет здесь национал-социалистическую. И буржуазная Фемида публично сбрасывает мантию беспристрастности.

— Мне это совершенно безразлично. Я запрещаю вам категорически...

Разумеется, запретить Герингу вести пропаганду, да еще категорически запретить, судья не посмел.

Георгий Димитров: — Г-н председатель, в связи с моим последним вопросом здесь непременно следует вопрос: партия и мировоззрение. Г-н премьер-министр Геринг заявил, что такая иностранная держава, как Советский Союз, может делать все, все, что она только захочет, а в Германии ведется борьба против Коммунистической партии. Правильное мировоззрение, это большевикское мировоззрение господствует, это мировоззрение господствует в Советском Союзе, в величайшей и лучшей стране мира. Известно ли это?

Господин премьер-министр окончательно срывается:

— Послушайте же, теперь я вам скажу, что известно германскому народу. Германскому народу известно, что вы бессовестно себя ведете, что вы явились сюда, чтобы поджечь рейхстаг, и позволяете себе еще такие дерзости. Но я здесь не для того, чтобы позволить вам допрашивать себя, как на суде. Вы в моих глазах мошенник, которого давно надо повесить.

Это уже было слишком даже для имперского суда. По вышколенной публике снова прошел шумок. Председатель робко упрекнул хулигана:

— Господин премьер-министр!

Георгий Димитров: — Очень хорошо.

И председатель срывает всю свою злость на под-  
судимом:

— Димитров, я вам уже сказал, что вы не долж-  
ны вести здесь коммунистическую пропаганду.

И, видя протестующее движение Димитрова, про-  
должил с ложным негодованием свою речь:

— Если вы теперь скажете еще одно слово, я  
снова выпрожаю вас вон, чтобы вы не занимались  
коммунистической пропагандой. Это вы уже сдела-  
ли во второй раз, и поэтому пусть вас не удивляет,  
что г-н свидетель так негодует. Я вам это категори-  
чески запрещаю. Если вы вообще задаете вопросы,  
то они должны относиться только к делу.

Георгий Димитров: — Я очень доволен, я очень  
доволен ответом г-на Геринга...

Председатель, явно не владея собой, переходит  
на крик:

— Мне совершенно безразлично, довольны вы  
или нет.

Георгий Димитров: — Очень доволен!

— После этих слов я лишаю вас слова.

Георгий Димитров: — Я ставлю вопросы.

— Я лишаю вас слова. Садитесь.

Георгий Димитров: — У меня есть право ставить  
вопросы, относящиеся к делу.

— Я лишаю вас слова.

Каждому сидящему в зале было ясно, под чью  
дудку пляшет судья. И больше всех самому Ди-  
митрову:

— Вы, наверное, боитесь моих вопросов,  
г-н премьер-министр?

Такую публичную пощечину «господин свиде-  
тель» вынести не мог. Геринг буквально взревел:

— Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь,  
как только вы выйдете из зала суда! Подлец!

Председатель:

— Димитров исключается на следующие три дня.  
Немедленно вон его!

Полицейские услужливо бросились к Димитрову  
и силой вывели его из суда. Но всем присутствующим,  
абсолютно всем, было предельно ясно: зал  
покидал Победитель.

### 3. ПЕПЕЛ ЗАКСЕНХАУЗЕНА

Первое впечатление — это невероятное, несо-  
местимое с человеческим разумом соседство: ни с  
чем не сравнимое варварство — и вековые, уходя-  
щие в небо сосны; зловещие грубы крематория —  
и такие родные березы; аккуратные дорожки — и  
колючая проволока с током высокого напряжения.  
Да был ли весь чудовищный кошмар здесь, на этом,  
как сейчас кажется, почти курортном месте? Был!  
Был! Был!

Не верю в этот воздух! Не верю в эти деревья!  
Не верю в эту землю! 18 гектаров занимал концен-  
трационный лагерь. Сто тысяч узников погибло здесь.  
На каждого погибшего по два метра. Но мученики  
были лишены даже этого. С полной нагрузкой рабо-  
тал крематорий. И пепел погибших рассеивался по  
округу.

Он стучит в наши сердца. Он предупреждает:  
помните, что такое фашизм. Помните о цене, кото-  
рую заплатило человечество во второй мировой  
войне.

Сегодня преступления гитлеровцев известны всему  
миру: Освенцим и Майданек, Трелинка и Бухен-  
вальд... И все-таки даже среди всего этого ада  
Заксенхаузен занимал особое место. Возникший в  
1936 году, Заксенхаузен стал, если можно так вы-  
разиться, опорным концлагерем, «крестным отцом»  
всех лагерей смерти. Здесь обрабатывались новей-

шие методы уничтожения людей, проходили «прак-  
тику» палачи... Так, изверг-комендант Бухенвальда  
Кох начинал свою карьеру в Заксенхаузене. Именно  
здесь фрау Кох ввела моду — делать из человече-  
ской кожи абажуры и переплеты для книг.

...Я смотрю на такой чистенький аппельплац. Он  
обрамлен широкой дорогой. Странной дорогой. Пять-  
десять метров асфальта. Затем столько же метров  
щебня. Снова асфальт. Его сменяет булыжник. Эта  
аккуратная и странная дорога — по существу путь  
в крематорий. До тридцати километров в сутки про-  
ходили узники по ней, проверяя прочность солдат-  
ских сапог. А за плечами каждого, до последней  
степени изможденного человека — вешевой мешок с  
20 килограммами песка. Каждый пятый из колонны  
не выдерживал этой пытки даже в течение суток...

...Среди барачков находился так называемый  
«Индустригоф». Здесь уничтожали советских воен-  
нопленных. Уже к середине ноября сорок первого  
числа расстрелянных превысило 18 тысяч. Пепел по-  
гибших стучит в наши сердца...

Заксенхаузен — олицетворение не только фа-  
шистского зверства, но и фашистского цинизма.  
На броне (входных воротах) висела издевательская  
надпись: «Труд освобождает».

В Заксенхаузене имелись так называемые «крас-  
ные домики». Занавесочки, цветочки... Сюда водили  
представителей Международного красного креста.  
Дескать, смотрите собственными глазами, какие мы,  
фашисты, благородные. Своих врагов держим чуть  
ли не в раю. Если дело было зимой, то гостей обя-  
зательно проводили мимо елки, что была установ-  
лена сразу за брамой. Какая идилия! А рядом с  
«красными домиками», в камере № 16 карцера по  
вторникам и пятницам расстреливали узников. Во-  
круг елочки никогда и не было новогодних хорова-  
дов. Это была всего-навсего замаскированная висе-  
лица... А дорога из «красных домиков» — этого  
концентрационного рая — тоже вела прямо в ад,  
где вместо костров дымились печи крематория, по-  
жирившие по 28 трупов в час.

Но Заксенхаузен — это и символ непокоренного  
человеческого духа. Антифашисты многих нацио-  
нальностей сумели создать хорошо законспирирован-  
ное, прочное и эффективное подполье. Невероятно,  
но факт: подпольная организация имела даже свой  
передатчик. Длительное время каждую среду и суб-  
боту велись передачи «Радиостанции немецкого Со-  
противления». Гестаповцы прилагали огромные уси-  
лия для того, чтобы расправиться с подпольной  
радиостанцией. Но тщетно. Все это вызывало страш-  
ную ярость Геббельса. А передачи, между прочим,  
велись из трансформаторной будки.

Особенно эффективным и грозным стало внутри-  
лагерное сопротивление, когда в его ряды встали  
советские люди. Массовый саботаж, уничтожение  
провокаторов, листовки, побег, подготовка к вос-  
станию... История Заксенхаузена знает немало  
потрясающих примеров героизма. Именно из филиала  
Заксенхаузена совершил легендарный побег на  
самолете советский летчик Михаил Девятаев. Десять  
полуживых узников похитили тяжелый бомбарди-  
ровщик «Хейнкель-111».

4 000 эсэсовцев охраняли узников. А это значит,  
что на фронте отсутствовала почти половина отбор-  
ной дивизии.

...1 мая 1945 года. Восемнадцать тысяч осво-  
бжденных советскими солдатами узников на 20  
разных языках поют «Интернационал». Памятью  
ста тысяч мертвых они клянутся:

«Поддерживать и укреплять нерушимую дружбу,  
делать все, чтобы сохранить ее навеки.

Делать все возможное, чтобы никогда больше не  
было ни фашизма, ни войны».

И последнее. Палачей судил советский суд. Вернувшись в 1956 году в Западную Германию, убийцы подняли вой об «ужасах сибирских лагерей». И сразу вспомнили о гуманизме. Не будем сейчас вдаваться в детали. Повторяю: они вернулись спустя 11 лет после окончания войны.

Для справки: средний срок жизни узника Заксенхаузена составлял 9 месяцев. Всего же за время существования фашистских лагерей в них побывало 18 миллионов человек. 11 миллионов остались там навсегда.

#### 4. ЦВЕТЫ ПОТДСАМА

Не так уже редко в газетах встречается рубрика «Журналист меняет профессию». Но то, что произошло в Потсдаме, я увидел впервые. В один из осенних дней все журналисты местной окружной газеты «Маркише фолкштимме» превратились в продавцов... цветов. На центральной улице имени Клементя Готвальда они заняли свои рабочие места уже с 10 часов утра. На заранее приготовленных прилавках — яркая радуга гвоздик, роз, гладиолусов... Покупатели не заставили себя долго ждать. Не прошло и часа, как была распродана первая тысяча букетов. Но прилавки не пустеют.

На специальных машинах из ближайших кооперативов доставляются новые партии цветов. Торговля продолжается все нарастающими темпами.

«Сменить профессию» местных журналистов заставило вовсе не желание написать бойкий репортаж об особенностях сферы обслуживания. Они проводили «базар цветов солидарности». Весь сбор от продажи идет в фонд помощи прогрессивным журналистам земного шара. В этот день, например, было продано более 3 000 букетов, на сумму свыше 15 000 марок. Но дело, конечно, не только и не столько в деньгах.

— Базар цветов солидарности, — рассказывает редактор «Маркише Фолкштимме» Петер Троммер, — это, в сущности, общий городской праздник, в котором принимают участие все. Где мы берем цветы? Нам их бесплатно поставляют ближайшие кооперативы, дачники. За несколько дней до базара мы в своей газете даем несколько объявлений. Готовим специальные плакаты на штандартах. Соответствующую рекламу делает и наша региональная радиостанция. Словом, потсдамцы знают цели и назначение базара цветов.

— Видимо, созданы какие-то моральные стимулы для тех, кто не жалеет своих цветов?

— Разумеется. Кооперативы и частные владельцы получают специальные грамоты. И, поверьте, энтузиазм очень велик. Например, дачники, которые не выращивают цветы, готовы делать денежные взносы в сумме 20—25 марок.

— А кто покупает цветы?

— Ну, конечно, прежде всего влюбленные, — улыбается Петер Троммер. — Впрочем, не только они. Одно предприятие закупило сразу больше сотни букетов. Для женщин, которые работали в ночное время. Говорят, производительность труда в ту смену выросла необыкновенно... Подобные «базары цветов солидарности» мы проводим ежегодно и не только в Потсдаме, но и в других более мелких городах нашего округа.

Цветы Потсдама... Я видел их не только у влюбленных. Я видел их и там, где, как говорится, каждый камень дышит историей. Я имею в виду Цицилиенхоф. Когда осенью 1917 года кронпринц Вильгельм Гогенцоллерн возводил резиденцию, он вряд ли предполагал ее дальнейшую судьбу. Ухлопав, ни

много ни мало 8 миллионов золотых марок, сентиментальный Вильгельм назвал дорогостоящее сооружение именем принцессы Цицилии. Как это трогательно! И какие удобства. Густой парк, могучие стены надежно отделяли 178 комнат усадьбы от улиц, на которых люди умирали с голода.

В марте сорок пятого «вся королевская рать» сбежала из Цицилиенхофа в Западную Германию. Не забудь, правда, прихватить с собой драгоценный инвентарь.

А в июле 1945 года здесь начались Потсдамские переговоры стран-победительниц. Принципы Потсдамского соглашения и борьба за их торжество сыграли исключительную роль в деле мирного сосуществования социалистических и капиталистических стран. Успех конференции — это успех Советского Союза, всех миролюбивых народов. Красное знамя Победы, водруженное советским солдатом над рейхстагом, стало символом всемирно-исторической победы социализма.

...Сегодня Цицилиенхоф — музей. Здесь всегда много посетителей. И много цветов. Особенно у входа, на обширной клумбе. Это не только цветы солидарности, но и цветы благодарности. Ведь недаром же все они образуют громадную красную звезду...

#### 5. ЩИТ БЕРЛИНА

К этому трудно привыкнуть. В Берлине, столице Германской Демократической Республики, так часто слышишь слово «граница». Граница! Здесь, в столице?! А между тем, до границы буквально рукой подать. Стоит, к примеру, только подойти по Унтер ден Линден к Бранденбургским воротам. Там, за цветниками, встает сплошная бетонная стена. Как и положено на границе: контрольные полосы, патрули, прожекторы.

Не так уж давно возникла эта граница — в 1961 году. За одни сутки были сооружены пограничные заграждения. А до той поры спекулянты всех мастей из Западного Берлина, диверсанты, шпионы по существу беспрепятственно могли проникать в молодую республику и вершить свои черные дела. Ежегодно спекулянты наносили ГДР ущерб в сумме более 3 миллиардов марок. И вот на пути всей этой камарильи была поставлена стена. В прямом и переносном смысле. Многие из читателей помнят те дни. Сколько проклятий, угроз раздавалось в адрес ГДР! Какой вой подняла буржуазная пресса. Но, как говорится, караван шел дальше...

...На специальной площадке для туристов всегда многолюдно. Прямо перед нами — Бранденбургские ворота. А вправо, за стеной — рейхстаг. Выглядит он совсем мирно, прямо-таки по-домашнему... На одной из башен болтается флаг ФРГ, так сказать, вызов общественному мнению. Ведь Западный Берлин отнюдь не территория ФРГ.

...Наш путь лежит к самим Бранденбургским воротам, в гости к немецким пограничникам. Нас встречает майор Байер, невысокого роста, худощавый, с удивительно молодыми глазами. Если бы не седые виски... Заметив наши недоуменные взгляды, смущенно поясняет:

— Двадцать три года в пограничниках. Всякое бывало.

Мы направляемся в служебные помещения. И слушаем неторопливый рассказ товарища Байера.

Нет, стена — это не «железный занавес». Через 21 переходный пункт ежегодно проходит несколько миллионов человек. И тем, кто не злоупотребляет гостеприимством республики, открывается «зеленая улица». К сожалению, далеко не все едут сюда с мирными целями.



Воспоминание у Бранденбургских ворот. Фото автора.

— Прошу убедиться, — приглашает пограничник.

Подхожу к уникальной экспозиции, на которой наглядно видны ухищрения контрабандистов. Вот маленький медвежонок Тэди. Но в своем туловище он «ухитрился» спрятать несколько часов и 5 000 марок. В простеньком книжном переплете — наркотики. И не только это. Я вижу среди порнографии злобещие портреты Гитлера. Как бы хотелось кое-кому оживить бесноватого фюрера! А рядом цитатники Мао. Их тоже стараются забросить вместе с реваншистской литературой. Ничего не скажешь: красноречивое соседство!

— Пытаются соблазнить и пограничников, — поясняет товарищ Байер, — подбрасывали шоколад, порнографию. А однажды мобилизовали проститутку Западного Берлина. Так сказать, наглядная агитация.

Это и не удивительно, если учесть, что находится за видимой и невидимой стеной? Обратимся к цифрам. 1300 солдат НАТО, 20 000 полицейских, 77 фашистских и нефашистских организаций. Сотни «осиных гнезд», занимающихся сбором шпионской информации. Совсем недавно был найден очередной тоннель для подслушивания и переброски агентов...

И все-таки сейчас на границе стало чуточку спокойнее. Благодаря усилиям Советского Союза, всего социалистического лагеря все прочнее утверждаются принципы мирного сосуществования и сотрудничества государств с различным общественно-экономическим строем. Важную роль для улучшения обстановки сыграла нормализация отношений между СССР и ФРГ. Этот процесс особенно ускорился после Московского договора от 12 августа 1970 года. Ослабление международной напряженности не могло не затронуть и Западный Берлин. А было и иначе.

Да, майор Байер хорошо помнит день, когда натовские танки подошли прямо к патрулю пограничников. И направили на них свои жерла. Но выстрелить не посмели. Нервы у пограничников оказались крепкие! Они и под прицелом спокойно продолжали обход. Не будем говорить, чего это им стоило. А потом к патрулю присоединились советские солдаты... Но не всегда так «мирно» кончались провокации.

На стене фотографии молодых, смеющихся ребят. Сколько в них удали и жизни. Было... Это — убитые немецкие пограничники. Подлыми выстрелами. Оттуда. Подхожу к одной из фотографий. Вольф Хеннидер. 1941—1968 годы...

Поднимаемся на невысокие подмостки. Там, за стеной, чужая сторона. И вдруг вдали я замечаю два знакомых силуэта. Танки Т-34. На постаменте. В аллее, где деревья еще не сбросили листья. Слева от рейхстага... И тогда становится понятней, почему в тот день те танки не смогли пересечь невидимую линию.

— Там памятник советским солдатам, — поясняет майор Байер. — В почетном карауле — советские воины.

...Да, ситуация в Европе меняется. Но кое-кому это не по вкусу. Так, в то время, когда мы находились в столице ГДР, в Западном Берлине собрались министры внутренних дел земель ФРГ на обсуждение работы полиции ФРГ. Явное нарушение четырехстороннего соглашения по Западному Берлину. Здесь же выходят книжки и брошюры, внушающие читателям вздорную мысль о принадлежности Западного Берлина к ФРГ...

...Наступило время прощания. Желаем пограничникам успехов и долгих лет жизни.

— Мы охраняем покой и никогда не забываем, как опасен империализм, — говорит в ответ товарищ Байер.

С. Я. ПАХАЕВ

## ПЕРВАЯ СТАЧКА НА АЛТАЕ

Прогрессивное значение добровольного вхождения Горного Алтая в состав России проявилось, прежде всего, в том, что в лице великого русского народа алтайцы приобрели верного друга в борьбе за свое социальное и национальное освобождение. Одним из важнейших последствий этого исторического события явилось упрочение братской интернациональной дружбы между трудящимися. Тому способствовали многие годы хозяйственно-экономического и культурного общения населения и прогрессивное влияние на алтайцев передовых представителей русского общества. Вместе с русскими рабочими и крестьянами трудящиеся алтайцы вели классовую борьбу со всеми угнетателями.

Первым совместным выступлением трудящихся русских и алтайцев явилась стачка рабочих на Быстринском золотом прииске Бийского округа в 1894 году. Небезынтересно отметить, что одним из руководителей стачки был молодой рабочий, алтаец Алексей Иванович Карпов.

В истории рабочего движения на Алтае стачка 1894 г. оставила заметный след. Между тем, в исторической литературе о ней имеются лишь краткие сведения. В работе П. А. Бородинки «Революционные события на Алтае в 1905—1907 годах» (Барнаул, 1958) указана продолжительность стачки, ее результаты. В пособии для учащихся 7—8 классов «Хрестоматия по истории Алтайского края» (Барнаул, 1966) в качестве документа включено сообщение Томского губернского суда о приговоре руководителям стачки 1894 г.

Этот же документ приводится в книге А. А. Худякова «История Алтайского края» (Барнаул, 1971).

До сих пор еще в литературе не освещены такие существенные вопросы, как социально-экономическое положение и контингент рабочих, конкретные причины стачки и участие в ней ссыльных, хроника стачечной борьбы. Кроме того, допущены отдельные неточности.

Выявленные в архивах документы позволяют выяснить некоторые из этих вопросов.

\* \* \*

Горный Алтай в конце XIX в. входил в состав Бийского округа Томской губернии. Его земли, леса, воды, богатства недр принадлежали Алтайскому горному округу, являвшемуся царской вотчиной. Главное управление округа находилось в Барнауле, в непосредственном подчинении «Кабинета его императорского величества», то есть царской канцелярии. Одним из источников дохода царя на Алтае были золотые прииски.

Быстринский прииск был небольшим. На нем работало немногим более ста человек, главным образом забойщики, возчики и отвальные. Кроме того, на прииске были нарядчики, плотники, кузнецы, молотобойцы, шорники, кашевары, хлебопеки, караульные, дровопилы, водовозы, конюхи и другие подсобные рабочие. Контингент рабочих по сословному положению и социальному происхождению был пестрым. На прииск вербовались жители города Бийска и окрестных деревень, уволенные в запас солдаты и матросы. Нанимались крестьяне Каинского округа, Тобольской, Пермской, Оренбургской, Вятской и других губерний, а также бедняки из коренных жителей — алтайцев.

В числе рабочих было четверо ссыльных, не имевших права жительства в Алтайском округе, о чем была сделана соответствующая запись в их паспортах. Пребывание на прииске этих лиц полиция выявила лишь при проверке паспортов рабочих во время следствия по делу стачки.

Положение рабочих было чрезвычайно тяжелым. На прииске преобладали ручные работы с использованием примитивных орудий труда. Грунт разрабатывался при помощи ломов, кайл и лопат. Управления Алтайского округа и прииска не проявляли заботы о безопасности труда и охране здоровья рабочих. Летом и осенью люди трудились по колено в воде, а в зимние месяцы в холоде и постоянном дыму, так как замерзшую землю оттаивали, разжигая костры.

Не отвечало нормальным человеческим требованиям и жилье. Рабочие жили скудно, в так называемых казармах.

Но одной из главных причин стачки был низкий заработок. За невыполнение дневного урока соответственно снижалась плата. Промерзлый грунт, частые снежные заносы вынуждали рабочих затрачивать сверхурочное время.

Во время следствия по делу стачки рабочие вскрыли факты вопиющего произвола администрации прииска. Эти факты вынужден был отметить в своем рапорте на имя начальника Алтайского горного округа чиновник разных поручений Н. Миролюбов. Так, например, в контрактах с рабочими на зимнее время с октября по май урок на одного забойщика и возчика с лошастью был определен в объеме полутора кубических сажень. За такую работу администрация обязывалась платить забойщику 57 копеек, а возчику 42 копейки в день. Между тем, в период с октября по 12 февраля администрация умышленно ни одного урока в таком объеме не представляла. Дневные уроки были специально занижены, в результате, независимо от величины недо-

работки, сделанной по вине администрации, заработная плата забойщику понижалась на 20 копеек, возику на 10 копеек. Чиновник округа Н. Миролубов в указанном рапорте замечает, что в результате всего этого «расходы администрации на рабочую плату значительно снижаются, соответственно чему снижается и сумма заработка рабочих».

Разумеется, общий объем недоработки был небольшим, а извлечение из заработка, присваиваемое хозяевами, значительным. Тот же чиновник докладывал о недовольстве рабочих недоработками, которые, между прочим, «происходят от глубокой промерзлости почвы и не могут быть приписаны нерадению рабочих».

Рабочие возмущались также и тем, что администрация не выдала им расчетные книжки, как было обусловлено контрактом. В контракте было обусловлено полное подчинение прискоковой администрации, перечислялись обязанности, за несоблюдение которых угрожал штраф или полицейские меры наказания. Штраф назначался без всякого суда и по малейшему поводу (за несвоевременный выход на работу, каждый просроченный час, неисполнение любого распоряжения, драку, побег и т. д.).

В. И. Ленин в 1895 г., разъясняя рабочим классовую сущность штрафа, указывал, что если до отмены крепостного права подневольного человека били дубьем, то теперь его бьют рублем, «штрафы означают порабощение рабочих капиталистом». До 1886 г. в России вообще никаких законов о штрафах не существовало. Да и закон о штрафах, как и все правила о надзоре за фабриками и заводами, не распространялся «на заведения, принадлежащие казне и правительственным установлениям». Законы и правила о штрафах не применялись на золотых присках Алтая.

Особенное недовольство вызывал распорядитель горных работ Коверин. По единогласному отзыву рабочих, Коверин «был с рабочими груб, употреблял крайне неприличные выражения и допускал побои». А так как заведующий Ярославцев на приске не жил, то Коверин фактически являлся главным распорядителем приска. К тому же его брат служил здесь полицейским стражником. При таком положении он имел почти неограниченную власть над рабочими. На их просьбу выдать расчетные книжки, Коверин ответил: «Через четыре месяца подсчитаю».

Атмосфера общего недовольства рабочих приска была настолько накалена, что достаточно было искры, чтобы возникло пламя коллективного возмущения. Такой искрой послужил очередной производ Коверина.

Вечером 12 февраля 1894 г. рабочие попросили Коверина освободить их от работ в воскресенье 13 февраля. При этом они ссылались «на тяжесть предыдущих работ, происшедшую от глубокой промерзлости грунта», а также на соглашение при заключении контракта о том, чтобы дни отдыха были приурочены к воскресным дням. Однако Коверин в этой просьбе отказал. Люди на работу не вышли. Причем, как отмечает в рапорте чиновник округа, «отказ от работы был заявлен в самой скромной форме без всякого выражения каких-либо предосудительных намерений и требований». Коверин распорядился наложить штраф на каждого по одному рублю. Это и послужило поводом к стачке.

На приске существовала руководящая группа из наиболее политически опытных и активных товарищей, которая возглавила стачку. В нее входили

семь человек: бийчане Корней Ефимович Елифанов, 44 лет; Иван Иванович Логинов, 42 лет; Игнатий Степанович Костюков, 35 лет; уволенный в запас матрос Иона Иванович Чиликин, 30 лет; Осип Францевич Ясинский, 48 лет; крестьянин Каинского округа Петр Дмитриевич Конев, 26 лет; «инородец» Бийского округа Быстринской инородческой управы Алексей Иванович Карпов, 23 лет. Благодаря этой группе стачка проходила организованно, рабочие действовали сплоченно, настойчиво добиваясь своих требований. Об этом свидетельствует хроника стачечной борьбы и ее результаты.

Первый день. В акте управления приска указывалось: «Утром тринадцатого февраля с. г. рабочие Быстринского приска при побудке заявили, что в этот день они работать не будут, и, несмотря на приказание выходить на работу, — не вышли, чем нарушили заключенный с ними контракт и обнаружили присутствие стачки между рабочими. Ввиду этого управление решило удалить с приска быстринского рабочего, инородца Быстринской управы Алексея Карпова».

Возникает вопрос: почему Алексея Карпова в первую очередь решили изолировать от стачечников?

Материалы дела о стачке 1894 г. свидетельствуют, что А. Карпов относился к числу непокорных людей. Избавляясь от гнета деревенских богатеев, он ушел на приск. За свое смелое и независимое поведение в обращении с чинами управления приска он неоднократно подвергался штрафам. В лице Карпова администрация заметила политически активного «инородца», авторитетного и влиятельного. Его руководящая роль в стачке — «в этом последнем случае неповиновения» — была, очевидно, не случайна. В его характеристике указывалось, что он является «одним из главных зачинщиков. Кроме того, на приске была получена приписка, коей означенного Карпова разыскивала Быстринская управа».

Встревоженное начальство считало дальнейшее пребывание его среди рабочих опасным. Карпову был объявлен немедленный расчет, для получения которого он должен был явиться в контору.

Однако Алексей решил не оставлять товарищей. Он признал расчет неправильным и потребовал себе «листик», как называли расчетную книжку рабочие. Обычно глухая к запросам рабочих администрация, на этот раз поступила весьма оперативно. С расчетной книжки Карпова тотчас была снята копия, а ему предложено, получив расчет, немедленно обратиться с приска. Но и на этот раз он не пожелал выполнить распоряжение. Управление решило изолировать Карпова насильственным путем. В Верхний стан приска, где в казарме рабочих находился Алексей, были направлены полицейский стражник и сотский деревни Карповой.

Стачечники дружно встали на защиту Карпова, не допустили его ареста. В том же акте от 13 февраля по этому поводу указывалось, «что рабочие всей командой» не пустили в казарму представителей властей и «Карпова не выдали, причем все они высказывали буйное настроение». А несколько часов позднее, в тот же день, когда властям все же удалось арестовать его, рабочие «уже арестованного Карпова силой отняли у полицейского стражника и привели обратно в Верхний стан».

Чтобы ликвидировать стачку, в контору вызывались представители рабочих для переговоров и разъяснений им «незаконности их поступка». Переговоры оказались также безрезультатными.

Требования стачечников касались трех основных вопросов: удаления с приска распорядителя горных работ Коверина; сложения штрафа, наложенного

\* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 31.

\*\* Там же, стр. 56.

Ковериным за 13 февраля и последующее время; ограничения вычетов за недоработки.

Второй день. Управление прииска решило разъединить рабочих. С этой целью 14 февраля оно вызвало в контору плотников и приказало им идти на работу. Плотники отказались выполнить приказание.

Третий день. Чтобы сломить бастующих и найти повод для разгрома стачки, управление прииска фальсифицирует факты. В акте от 15 февраля указывается, что «команда рабочих на сем прииске не выходит на работу уже третий день» и, якобы, вечером сделано нападение на контору и амбар, в котором хранился спирт. Следствие по делу стачки не подтвердило этого обвинения.

Заведывавший приисками В. Ярославцев о стачке узнал только 15 февраля от нарочного, посланного Ковериным. Он обратился за содействием к Бийскому окружному исправнику и телеграфировал в Барнаулу начальнику Алтайского округа о том, что на Быстринском прииске рабочие самовольно не вышли на работу.

В этот же день Бийский окружной исправник получил от управления Алтайского округа указание телеграфировать «какие меры приняты по заявлению чиновника Ярославцева против рабочих прииска Быстрого». В Барнауле 15 февраля сообщили: «Сейчас исправник выехал на прииск Быстрый».

Шестой день. Увещевания служащих прииска, угрозы полиции не имеют результатов. Рабочие не отступают от своих требований. Бийский исправник Головачевский телеграфирует в Барнаулу: «Рабочие Быстрого прииска на мои требования отказались от работы, мотивируя стеснением администрацией, штрафами, обидным обращением...» Далее исправник докладывал, что все рабочие задержаны, в целях безопасности на прииске оставлены чиновник со стражниками, дознание о нападении на контору передано прокурору; Томскому губернатору о стачке сообщено телеграммой.

Ярославцев сообщил в Барнаулу: «Полная стачка рабочих... Уговоры мои и исправника не действуют».

Начальник Алтайского округа полковник Болдырев в дни стачки находился в Петербурге. В телеграмме из Барнаула на его имя было сказано о мотивах стачки и мерах, принятых управлением округа. Была направлена телеграмма в Томск на имя губернатора.

Седьмой день. Рабочие упорствуют. Ярославцев в растерянности. Для подавления стачки он рекомендует начальству использовать полицейские меры: «Уже шесть дней вся команда, за исключением шести человек, не выходит на работу, нужны энергичные действия полиции... Следует зачинщиков стачки арестовать, удалить с прииска».

Ярославцев был явно против удовлетворения требований рабочих. Одновременно он взял под защиту Коверина, считая его человеком «полезным делу».

Разумеется, начальство Алтайского округа не исключало полицейских мер воздействия на стачечников, но решило применить их под флагом законности. На прииск был командирован чиновник разных поручений «для производства дознания по обстоятельствам, вызвавшим беспорядки».

Девятый день. 21 февраля «для производства административного дознания по делу о самовольном невыходе на работу с 13 февраля рабочих нового золотого прииска на речке Быстрой в Бийском округе» из Барнаула выехал чиновник Н. Миролюбов. Ему поручено встретиться в Бийске с находящимся там товарищем томского губернского проку-

рора и лично получить от него необходимые указания.

Принимал меры и управляющий губернией Зарарьев. На Быстринский прииск из Томска послан горный исправник. Туда же вместе с Ярославцевым выехали исправник и судебный следователь Бийского округа.

Шестнадцатый день. Горнорудные и подсобные рабочие, проявляя солидарность, поддерживают друг друга. И хотя на них обрушились тяжелые материальные лишения, они не сдаются.

О положении на прииске и результатах следствия телеграфно доложил в Барнаулу чиновник округа. В телеграмме от 28 февраля указывается, что стачка продолжается. Ее причинами, по словам чиновника, служат отказ рабочим в отъезде в воскресные дни, не вызванный требованиями работы, дурное обращение Коверина, запущенность счетоводства, подавшая повод рабочим предполагать обман в делах продовольственных припасов, жалобы на недоработку. Рабочие согласны работать при условии удаления Коверина и освобождения от штрафов за время стачки.

На предложение чиновника округа приступить к работам временно, до рассмотрения требований управлением, рабочие не согласились. «С другой стороны, — выражает свое мнение Миролюбов, — считаю опасным уступить управлению первым».

В то же время он вынужден был признать, что обвинение рабочих в нападении на контору следствием не подтвердило.

Получив это сообщение, оставшийся за начальника инженер округа Кобылин в своем ответе приказал требования рабочих отклонить, кроме штрафов за дни стачки, но штрафы сложить только с тех, кто немедленно начнет работать; упорствующих по окончании следствия удалить с прииска, объявив, что штрафы и долги взыщутся с них мерами полиции.

Волю рабочих не сломали ни ухудшение материального положения, в котором они оказались за время многодневной стачки, ни обещания частичных уступок, ни угрозы. Против них был использован богатый арсенал следственной и полицейской практики царских властей. Прежде всего, привлеченным к следствию рабочим было объявлено, что в отношении их принят особый полицейский надзор и поэтому они будут находиться в распоряжении полицейской власти.

В дни стачки и следствия на прииске, как указывалось выше, находились бийский исправник и полицейский надзиратель, местный земский заседатель, чиновники Алтайского отделения контроля и разных поручений округа и других органов власти. По признанию Н. Миролюбова, все они неоднократно обращались к рабочим с увещеваниями приступить к работам, но уговоры были безуспешными.

Наряду с уговорами были использованы методы угроз и провокаций. К следователю вызывался каждый рабочий отдельно и нажим на него должностными лицами осуществлялся единовременно и сообща. Угрожали отправить рабочего по этапу до прежнего места его жительства. Оттуда не разрешать никаких отлучек на заработки. Кроме того, там он обязан еженедельно являться к полицейским властям.

Но рабочие были непреклонны.

Семнадцатый день. Стачка продолжается. Ввиду категорического отказа стачечников приступить к работам, управление Алтайским горным округом решило применить крайние меры для подавления стачки: предать ее участников царскому суду.

Работы на прииске возобновились лишь 2 марта.

В тот день на открытые горные работы для обнаружения золотоносного слоя песков вышло только восемь человек, тогда как накануне стачки там было занято более тридцати.

8 марта 1894 г. начальнику Алтайского округа сообщалось, что следствие на Быстринском прииске окончено, рабочие привлечены по 273-й статье Уложения о наказаниях, в результате чего 69 человек высланы с прииска.

Руководители стачки арестованы и посажены в тюрьму. Стачка 1894 года на новом золотом прииске в Бийском округе была жестоко подавлена.

Царские власти не спешили с рассмотрением дела томящихся в тюрьме семи руководителей стачечной борьбы. Лишь 12 февраля 1896 г. в канцелярию главного управления Алтайского округа пришло определение Томского губернского суда: приговором от 15 января 1895 г. эти семеро признаны «виновными в том, что 13 февраля 1894 г., как главные виновники и зачинщики, принимали участие в стачке рабочих на Быстринском прииске. Решением суда каждый из них был подвергнут тюремному заключению сроком на один год». А под арестом они находились уже почти два года.

Стачка 1894 г. явилась заметным событием в общественной жизни Алтая. «Каждая стачка, — писал В. И. Ленин, — обогащает опыт всего рабочего класса. Если стачка удачна, она показывает ему силу объединения рабочих и побуждает других воспользоваться успехами товарищей. Если она неудачна, она вызывает обсуждение причин неуспеха и изыскание лучших приемов борьбы».

Стачка заставила начальника Алтайского округа изменить положение на прииске. Заведующему было предписано иметь постоянное местожительство на

Быстринском прииске или в одном из селений, лежащих вблизи него, не принуждать рабочих выходить на работу в воскресные дни, заготовку продовольствия производить в присутствии артельного старосты, выбранного рабочими прииска.

Что касается смотрителя Коверина, то он был уволен уже 10 марта 1894 года, то есть сразу же по окончании следствия по делу стачки. С рабочих были сняты штрафы, наложенные им. Для возобновления работ и найма новых рабочих управление округа вынуждено было ассигновать дополнительные средства.

Весьма важно отметить, что при заключении нового контракта управление прииска сделало ряд уступок. Например, снижалась норма дневной выработки на 25 процентов, при этом оплата становилась ниже лишь на 3 процента. Воскресные и праздничные дни объявлялись нерабочими. Перерыв на отдых устанавливался за счет рабочего времени и был продолжительнее. Администрация сразу же выдавала расчетные книжки. Более выгодными были условия закупки продовольствия. Теперь рабочий по своему усмотрению мог покупать продукты сам, или же брать их в приисковой лавке в счет заработка.

Главное значение стачки состоит в классово-политическом пробуждении рабочих. Она показала необходимость сплочения и вселила уверенность в собственные силы.

Активную роль в стачке играли ссыльные рабочие, несомненно, имевшие опыт классовой борьбы.

В стачке 1894 г. заметны первые ростки национальной дружбы и классовой солидарности русских и алтайцев.

#### ОПЕЧАТКА\*

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	10-я сверху	главный редактор	директор

\* «Алтай» № 2 за 1976 г.



Электронная библиотека АКУНБ, eLIB.AKUNB.TJ



И. Ортоулов «Снежный поход». Гравюра.